ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1956

68286

Проф. Н. А Баскаков.

ДИАЛЕКТЫ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Проблема планомерного изучения алтайских территориальных диалектов остается до сих пор открытой. Однако, начало диалектологических исследований уже положено Горно-Алтайским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы, организовавшим несколько диалектологических поездок по районам области. Фонематические записи и материалы, собранные по диалектам алтайского языка позволяют уже сделать и некоторые самые предварительные обобщения, относящиеся к определению диалектной структуры алтайского языка.

Современный алтайский язык относится к восточной ветви тюркских языков, составляя вместе с наиболее близким к нему киргизским языком, особую подгруппу внутри восточной ветви. Однако, по своей диалектной структуре алтайский язык не является монолитным, представляющим близкие между собой диалекты и говоры. Некоторые его диалекты, а именно северные диалекты, значительно отличаются от южных диалектов и говоров, один из которых, а именно южный (алтайский) диалект, положен в основу алтайского литературного языка.

Отличие северных диалектов от южных настолько велико, что они распределяются по различным классификационным группам Если южные диалекты входят по основным классификационным признакам в киргизо-кыпчакскую подгруппу восточных языков, то северные диалекты по ряду характерных признаков принадлежат к другой, так называемой уйгурской группе тех же восточных тюркских языков.

Итак, алтайский язык состоит из нескольких диалектов, объединяющихся в две группы—южную и северную—характеризующихся фонетическими, лексическими и грамматическими особенностями.

Южная группа состоит из трех основных диалектов:

1. Алтайского—на котором говорит население Онгудайского, Усть-Канского, Эликманарского и Шебалинского аймаков, живущее по р. р. Катунь, Сема, Песчаная, Чарыш, Урсул и Майма, имеющее самоназвание «алтай-кижи» или «алтайцы».

Особую группу внутри данного диалекта составляют «майма-кижи» или «маймалар», представляющие лингвистически отдельный, несколько обособленный майминский говор.

2. Теленгитского—на котором говорит население Улаганского и частично Кош-Агачского аймаков, распадающегося на два говора: а) теленгитско-телесского —населения, живущего по р.р. Чулышман, Башкаус и на южном берегу Телецкого озера, с самоназванием «теленгит» и «толöс» и б) чуйского населения, живущего по р. Чуй, с самоназванием «чуй-кижи».

3. Телеутского—на котором говорят отдельные незначительные группы на-

селения Шебалинского (с. Мыйту, с. Черга) и Майминского аймаков Горно-Алтайской автономной области, Чумышского района Алтайского края и, главным образом, Беловского района Кемеровской области по р.р. Большой и Малый Бачат (с.с. Чолухой, Шанду, Б. Улус и др.), с собственным самоназванием «теленгут» или «теленгет» (русское название «телеут»).

Северная группа состоит также из трех диалектов:

1. Туба-диалект, представители которого называют себя «туба, тува, тумакижи», «тубалар», «дьыш» (тьыш), «йыш-кижи» и живут между р.р. Катунь и Бия, по р.р. Уймень, Пыжа, Б. и М. Иша, Сары и Кара-Кокшы и в верховьях р. Майма, в Чойском (с.с. Салганда, Ынырга, Тушкенек и др.) и Турачакском (с.с. Кебезень, Артыбаш) и др. аймаках.

2. Кумандинского диалекта—племени с самоназванием «куманды, куванты, куманды-кижи» (русское название «кумандинцы»), которое живет по р. Бия, от устья реки Лебедь до Балыксу в Турачакском аймаке Горно-Алтайской автономной области (с.с. Шунарак, Сурбашево) и выше устья р. Лебедь (в Санькином аиле и Тондошке), а так же в Солтонском (с.с. Кообия, Уртай, Пешпер и др.) и Старобардинском районах (с.с. Кожа-бажы, Парлык, Ак-кӱл, Чегенаг, Курлек и др.) Алтайского края.

Кумандинский диалект в свою очередь распадается на три отличающиеся между собой говора: а) турачакский, б) солтонский, и в) старобардинский, из которых наиболее характерным и сохранившим свои особенности является последний—старобардинский говор.

3. Чалканского диалекта—племени с самоназванием «чалканду, шалканду-кижи», «куу-кижи» (русское название «лебединцы»), живущие по р. Лебедь и ее притоку Байгол (в с.с. Курмач-Байгол, Суранаш, Малый Чибечень и Иткуч).

Лебединцы распадаются в свою очередь на две подгруппы: ш а л к а н ы г и ш а г ш ы л ы к, которые однако, не различаются по языку.

Каждая группа диалектов в процессе своего развития сохранила общие особенности, по которым северные диалекты отличаются от южных и более частные и мелкие расхождения по каждому диалекту.

Основными особенностями, характеризующими южную и северную группу диалектов алтайского языка являются:

1. В фонетической структуре:

а) в области гласных:

у-о:	сев.	*ул*	южн.	*ол*	он
		ура		*оро*	яма
		пул-пол		*бол*	быть
		мурсак		*борсук*	барсук
		уйда		*ойто*	обратно
ӱ-ӧ	сев.	*мӱре*	южн.	*бӧрӱ*	волк
		пӱрӱк		*бӧрӱк*	шапка
		шӱй		*чӧй*	тянуть
и-е	сев.	*сибис*	южн.	*семис*	жирный
		пик		*бек*	крепкий
		пил-пел		*бел*	поясница
		илгек		*элгек*	решето,

т. е. имеет общие фонетические явления для северных диалектов алтайского языка и татарского и башкирского языков, а в отношении соответствия *и-е* также и с древне-тюркским языком орхонских надписей и современным хакасским языком.

Противоположные явления наблюдаются в отношении долгих гласных, а именно:

оо-уу	сев.	*оол*	южн.	*уул*	парень
		коок		*куук*	мочевой пузырь
аа-уу/оо	сев.	*аар*	южн.	*уур*	тяжелый
		паар		*буур*	печень
		аас		*оос*	рот

Причем все эти соответствия в более полной мере сохранились в кумандинском и челканском диалектах и в меньшей степени—в более смешанном диалекте туба.

Характерной особенностью для северной группы диалектов является отсутствие последовательной губной гармоники гласных в отношении широких гласных *а* и *э*, например:

сев.	*кӧрген*	южн.	*кӧргӧн*	видевший
	полган		*болгон*	бывший

б) в области согласных:

Сохранение звонкого заднемягконёбного проточного согласного *г* и взрывного заднетвердонёбного *ґ* в конце слов и замещение их долгими гласными уу/ӱӱ в южном диалекте например:

сев.	*таг*	южн.	*туу*	гора
	суг		*суу*	вода
	ӱґ-уґ-уу		*ӱй*	дом
	эптиґ		*эптӱ (ӱ)*	удобный
	шериґ		*черӱ (ӱ)*	войско
	койыґ		*койу (у)*	густой
	кырлыґ		*кырлу(у)*	гористый

Соответствие *ч-нь-j-ть* в начале слов[1], например:

		ч-j		
сев.	*чыл*	южн.	јыл	год
	чыт		јыт	запах
	чьиш		јыш	лес
	чап		јап	закрывать
	чакшы		јакшы	хороший

В туба диалекте начальный *ч* часто замещается либо *й*: *йыл, йыт йыш, йап, йакшы* и проч., либо реже *кь-гь*, например: *кьасап (вм. јасап)* создав; *кьедип (гьедип) (вм. једип)* достигнув и проч.

Ср. то же соответствие в середине слов:

сев.	*ача-ажа*	южн.	*аја, ада*	отец
	эче-эже		*эје*	тетя по отцу, старшая сестра
	кечир-кежир		*кејир*	гортань
		нь-j		
сев.	*ньаан*	южн.	*јаан*	большой
	ньаґыс		*јаґыс*	один
	ньан		*јан*	обычай
	ньаак		*јаак*	щека
	ньан		*јан*	бок
	ньеґ		*јеґ*	рукав
	ньеґил		*јеґил*	легкий

[1]) j-аффрикативному ј́ы, соответствующему в произношении сочетанию русск. дь или ди.

Соответствие *ш* и *ч* в начале слова:

сев.	***шанак***	южн.	***чанак***	сани
	шапкан		***чапкан***	скакавший
	шык		***чык***	выходить
	шекпен		***чекпен***	сукно
	шеден		***чеден***	ограда

Соответствие *ж* и *ч* в середине слова:

сев.	***пыж'ак***	южн.	***бычак***	нож
	кажʼан		***качан***	когда
	пижʼи		***бичи***	пиши

Соответствие *м-б* в начале слова:

сев.	***мӯре-мӧрӯ***	южн.	***бӧрӯ***	волк
	молот-молат		***болот***	сталь
	мурсак		***борсук***	барсук
	малкаш		***балкаш***	грязь

Обратное соответствие *б-у-м* в середине слова:

сев.	***тебир***	южн.	***темир***	железо
	табак		***тамак***	горло
	кебе		***кеме***	лодка
	тӧбен		***тӧмӧн***	вниз

В северной группе диалектов параллельно с формами ***тебир***, ***табак***, ***кебе***, ***тӧбен*** встречаются такие формы: ***тейир***, ***тауак***, ***кеуе***, ***тоуен*** и проч.

Более частая диссимиляция согласных в северной группе диалекта, например:

сев.	***келти***	южн.	***келди***	он пришел
	алтылар		***алдылар***	они взяли
	чугултады		***чугулдады***	он рассердился
	тӯнте		***тӯнде***	ночью
	кӧрти		***кӧрди***	он увидел

2. В грамматическом строе:

1) Наличие особой отрицательной формы деепричастия, например: «***јеуиин***, јединн (вм. ***јимей***)» не ев; «сурабинн, сурауниин (вм. сурамай)» не спрашивая и проч.

2) Форма исходного падежа общая с формой того же падежа в современном уйгурском языке:-дын (-дин-тын-тин) вместо -даҥ (-деҥ),-таҥ (-теҥ),-наҥ (-неҥ) в южной группе диалектов, например:

сев.	мендин	южн.	менеҥ	от меня
	углын		уйдеҥ	из дома

3) Различные формы некоторых указательных и вопросительных местоимений, например:

сев.	по	южн.	бу	этот
	југ-јуу		не	что

4) Особые формы спряжения глагола, например, формы настоящего времени:

сев.	кӧрӯбит	южн.	кӧрӯп јат	он видит
	пчибит		ичип јат	он пьет

5) Полная форма винительного падежа в основах с аффиксом принадлежности третьего лица, например:

сев. мӯригини (мӧрӯгини) алды
южн. борӯгин алды — он взял свою шапку.

3. В словарном составе наблюдается также значительные расхождения между северными и южными диалектами, которые иногда затрудняют понимание речи в общении их носителей.

1. Имена существительные:

Сев.	ага	южн.	ада	отец
	ылда		абагай	дядя по отцу
	ына		јенге	тетя (жена старшего дяди)
	адак		таада	дедушка по отцу
	наанак		јаана	бабушка по отцу
	танак		тумчук	нос
	ун		кулур	мука
	карат		боронгот	смородина
	чырбыт		јодра	черемуха
	кубурге		согоно	лук
	кунгнек		чамча	рубашка
	торден		тон	шуба
	ньанчык		калта	кисет
	ньемчи		чычкан	мышь
	пыган		ölöп	сено
	чип		тук	шерсть
	чурмеч		кејеге	коса
	кусак		курек	лопата
	кагат		чаазын	бумага

2. Другие части речи:

Сев.	кандыг	южн.	кандый	какой
	југ-чуг		не	что
	парчын		бастыра	все
	ньаа		јаңы	новый
	ээс		бийик	высокий
	тунуг		соок	холодный
	кыбала		исте	следить
	тик		көктö	шить
	тыңда		бедре	искать
	пыч		кес	кроить
	элебин		кенетейин	вдруг, нечаянно и пр.

Итак, северные диалекты алтайского языка, как уже отмечалось выше, значительно отличаются от диалектов южной группы и имеют большое количество общих черт с соседним по территории распространения—шорским языком. Северные диалекты вместе с шорским языком относятся к другой квалификационной группе по отношению к южным диалектам алтайского языка, которые имеют больше сходства с языком киргизским.

Однако, несмотря на то, что фонетические, лексические и грамматические нормы современного литературного языка в значительной мере отличаются от тех же норм северных диалектов (туба, кумандинского и чалканского), литературный язык постепенно нивелирует эти расхождения и представители молодого и среднего поколения северных алтайцев, как правило, говорят уже на алтайском литературном языке. Грани между южными и северными диалектами постепенно стираются. Наиболее сильно этот процесс нивелировки выражен в говорах туба диалекта, которые по своим нормам постепенно сливаются с нормами литературного языка.

ТЕКСТЫ:

1. ГРУППА—СЕВЕРНЫХ ДИАЛЕКТОВ

Диалект челканцев (лебединцев)

ЧАЛГАНУГНЫҢ ЧӨРЧӨӨ

1. Алтыҥ мөтөк

1. Пурун, пурун полтыр.
2. Пуруныҥ ичийенде, эмениҥ перийенде. 3. Кажаҥ суг акалакта, тьерде өлөҥ өскөлөкте, Кара тагныҥ эденде Карату-кан тьуртан тьатыр. 4. Карату-кан каату полтыр, уч балалу полтыр, көдөрө балазы кыстар полтыр. 5. Карату-канда бойындын оҥө пултык адийер кижи тьок полтыр. 6 Азран малы онйок коп, бойыныҥ өлөр айыкуни тьеткелейтен полтыр, база көрзе, бойынын орына артыстан кижи тьок. 7. Лардын рак эвес суг кечире Карату канныҥ улы Сары-оол тьуртап тьатыр. 8. Сары-кан тыҥ пай эвес полтыр, малы, базазы оҥйок ас, тьалжылары көп эвес ак, крелуле тьатан каан-ач полтыр. 9. Пир кун кечкиде Карату-кан улы кызына айтыр: «Сен, кызым, Сары-оолга пар»—деп. 10. Улы кызы айттьыт: «Сары-оолга барганча, сары төҥечке барарым»—деп, сары төҥечке парийтир. 11. Экинчи кун кечкиде ортон кызына айтыр: «Сен, балам, Сары-оолга пар»—деп. 12. Ортон кызы: «Сары-оолга барганча, сары тулага парарым»—деп, сары тулага парийтир. 13. Эки кызы парийенде, Карату-кан учинчи кызына айтпин партыр. 14. Кижу кызы кун сайын ле малларыны сугарын тьортон полтыр. 15. Сугатка апарганда, атар, нектер суг ичпинле карча мангдажын ньанийтен, кыс дезе аҥ бажына чыкпийин тудышла углийтан полтыр. 16. Бир кун кыс санан алтыр: «Тьуг керек суг ичпитлерин—деп, сугаты бар корзе, сугата атныҥ погы ак тьортөн. 17. Кыс аны алкеп челийере, покты кавайын ла денде (дегенде), ол пок Сары-оол бололкеп, кысты кавалкеп (кавын алын келип), уйпиза ал партыр. 18. Кыс углап-сыктап полвинн салтыр. 19. Сары-оол пожотпинн салтыр. 20. Сары-оол уге ньапала, сары ит болалкеп эжик удине тьот салтыр. 21. Ол кыс канча ла чыгайын деенде божотпос полтыр. 22. Кыс углий-сыктый аш эдалын, бойы столга сал тьейтен полтыр, Сары

ЧАЛКАНСКИЕ СКАЗКИ

1. Золотой петух

1. Давным, давно (это) было.
2. Прежнего раньше, теперешнего позже. 3. Когда воды еще не текли, когда на земле трава еще не росла, у подножия Черной Горы жил Карату-хан. 4. Карату-хан был женат и имел трех детей, все его дети были девочками. 5. Кроме самого карату-хана не было людей, которые бы стреляли из ружья. 6. Выкормленного скота у него было очень много, но и ему самому наступило время помирать, а оставить после себя людей не было. 7. Недалеко от них через переправу жил Сары-ул, сын Сары-хана. 8. Сары-хан был не очень богатый, скота и прочего у него было очень мало, рабочих тоже было немного, он был средний, не большой хан. 9. Однажды вечером Карату-хан говорит старшей дочери: «Иди-ка ты замуж за Сары-ула». 10. Старшая дочь его говорит: «Чем идти за Сары-ула, я выйду лучше за желтого пня», и выходит замуж за желтого пенька. 11. Второй вечер когда наступил, говорит хан средней дочери: «Выходи-ка за Сары-ула». 12. Средняя дочь говорит: «Чем за Сары-ула, я уж лучше выйду за желтую кочку», и вышла за желтую кочку. 13. Когда обе дочки так вышли замуж, то третьей дочери Карату-хан не стал ничего говорить. 14. А младшая дочь его каждый день ходила поить скот. 15. Когда она пригоняла на водопой лошадей и коров, то они не пили воду и разбегались в разные стороны, девушка же, не будучи в состоянии их собрать, все время плакала. 16. Однажды девушка подумала: «Почему скот не пьет воду?»—и когда пришла и посмотрела, то оказывается на месте водопоя плавал конский помет. 17. Девушка только хотела взять его и бросить, как тот помет превратился в Сары-ула, который схватил девушку и потащил ее в свой дом. 18. Девушка плакала, но это не помогло. 19. Сары-ул ее не отпустил. 20. Сары-ул как только вернулся

йтке итинь карыдына уруп, эжик кыйнына сал пертен болтыр. 23. Бир кун Сары-оол ит терезин деш салкеп, ангнап барара тьепсен алтыр. 24. Јепсен алкеп, катына айтыр: «Но мен теремна бир да киже кӧзӧтце,—деп аны кӧзӧт ле изеңг, меңг тьадыным тьок»—деп айтсалкеп, ангнап парийтир. 25. Ангнап парып он конийен сонде, кыстыңг эки эжези айылтап келтирлер. 26. Лар келеле кичу тыгмазындын сураптырлар: «Сень апшыйагыңг канду кижи, аңг кевини биске кӧзӧт»—деп кыставла тьоро бертирлер. 27. Кыстый, кыстый кенерде, ол карчакты ажийкеп (ажып ийип келип) ийтиңг кичечле терезин кӧзӧт ийтир. 28. Эки эжези аны кӧроле, ийтиңг терезини талаш алтырлар, талаш алала кевеза кӯйтен отса челийтилер. 29. Кӯйтен отса челийенде, тьу болзын, ийтиңг терези кӯй тьоро калтыр. 30. Эки эжези андын чыгалкеп, кажып ньаныи парийтирлер. 31. Сару-оолныңг каты ол йтиңг терезин кайт-кайт чыгар алкеп карчакза салсалтыр. 32. Ол ак кӯн кечкиде кыс укса такшын кижи ондойтен; чык кӧрзе, апшыйаа Сары-оол кӧдӧрӧ ле кавыргазы кӯй кан паскышта очоптон, катыны кӧрӧле Сары-оол айтыр: «Эме пистиңг тушташтаныбыс тьок болвайынза»—деп айдала тьок пол партыр. 33. Ол тьок полпанда, каты углыйсыктый уге кирип танга уйтавандыр. 34. Таңг тьарганда туралкеп ана ла агаш аразынза кӧс кӧргӧн ле тьерза партыр. 35. Пара, пара кеенде пир чавал уйижеке туштап партыр. 36. Чавал-угде бир Алтын мӧтӧк теп апшыйак тьуртап тьатыр. 37. Ол кыс апшыйака кӧдӧре тьоктоп пертир. 38. Айда-айдап полван (полуп парган). Апшыйак айтыр: «Сен палам—деп—пир атка тьыгала артынжакту керек нимелери артал, паштап пир кап кӧвир, эки тайак, эки кӧс тӧӧниңг, по кара тагныңг, аргазына паразын, анда пир кӧл полор, анда эки ӧртӧк полор, п/и/рисини кӧрзӧңг, тьарвызы кӯйкан полор, аны кавалзаңг ол сеңг ап-

домой, тотчас же превратился в желтую собаку и лег к порогу. 21. И как только девушка ни пыталась выйти из дома, он ее не пускал. 22. Девушка плакала, готовила пищу, сама ела за столом, а желтой собаке выливала пищу в собачье корыто и ставила около порога. 23. Однажды Сары-ул снял собачью шкуру и отправился на охоту. 24. Отправляясь, он сказал своей жене: «Эту мою шкуру никому не показывай, если же ты ее покажешь, то моя жизнь кончится»—так он сказал ей и сам отправился охотиться. 25. В то время, как он охотился, спустя десять дней к девушке пришли в гости две ее старшие сестры. 26. Они пришли и попросили у младшей сестры: «Какой человек твой муж, покажи нам его форму» (обличие), все время так настаивали они. 27. Когда они все время настаивали так, она приоткрыла ящик и немного показала собачью шкуру. 28. Две старшие сестры как только увидели собачью шкуру, они потянули ее (из ящика), отобрали ее (у младшей сестры) и швырнули в печку, в горящий огонь. 29. Когда они бросили шкуру в горящий огонь, то шкура немного обгорела. 30. Две старшие сестры вышли из дома и убежали обратно к себе домой. 31. Жена Сары-ула кое-как вытащила обратно собачью шкуру и положила обратно в ящик. 32. В тот же день вечером девушка слышит, что на улице кто-то стонет, когда она вышла и посмотрела, то оказалось, что это ее муж Сары-ул, у которого все ребра были обожжены, он сидел на крыльце и когда увидел свою жену, то сказал: «Теперь наши встречи невозможны» так сказал и исчез. 33. Когда он исчез, его жена горько заплакала, вошла в дом и не могла заснуть до утра. 34. Когда рассвело, она встала и пошла прямо в лес, куда глаза глядят. 35. Шла она, шла и вдруг ей встречается небольшой домик-шалаш. 36. А в домике-шалаше оказывается жил старик по имени Золотой петух. 37. Та девушка все рассказала старику. 38. Так мол и так получилось, а старик и говорит: «Ты, дочь моя, на одну лошадь собери и навьючь все нужные вещи, сначала мешок (мяса) угля, две палки, два верблюжьих глаза и иди по хребту этой черной горы, там будет озеро, а на озере будут две утки, у одной из них ты

шыйаҥ, полор»—деп. 39. Ол Сары-оолныҥ каты оны угалкеп (угун алын келип), ньаныҥ, пир отка тьыгала арталкеп, Кара-тагныҥ ҥаргазынжа сала партыр. 40. Ол ло парган, ол ло парган, ол ло парган, Кара-тагныҥ орто тьолга тьет парийса, эки сааскан удура келтир. 41. «Атыҥныҥ көзини чокыйин ма, бойыҥныҥ козин чокыйин ма»—дептен полтырлар. 42. Сары-оолныҥ каты эки көсти челе пертир. 43. Сааскана аны алган, айтан полтылар: «Барган тьолыҥ ажык ползын, парган кереен келип парзын»—деп. 44. Андын ары парса, эки тоо келтен: «Адыҥныҥ пудуна ышкыннайын ма, бойыҥныҥ будуна ышкыннайын ма?»—деп. 45. Ол кат эки тайакты турус (тургузун) сала пертир. 46. Тоолор аа ышкыналын, кысты алган салтырлар: «Барган тьолыҥ ажык ползын, парган кереен тьаран парзын»—деп. 47. Андын инже парза эки коо келтен: «Атыҥныҥ ковирин коврейин ме, бойыҥ ковириҥ коврейин ме?»—деп. 48. Ол кат пир кан ковирини ларга артыр сала перерде, лар аны алган айтан полтырлар: «Парган тьолыҥ ажык ползын, база кереен тьаразын»—деп. 49. Андын пара, пара келзе; кол туптаптыр. 50. Ол колниҥ тьагазына очон, карайтан полтыр, карай келгенде, кеч кире пертир. 51. Андын корзе, эки орток колле келтен, пирисини корзе, тьаразы кара, тьазан туркеп ортокти тан ла эде каптыр. 52. Ортокти каваларда ол орток кижи пол тур келтир. 53. Аҥсонда айтыр: «Тьелеп айты ла сен мени таван болзоҥ, тьадактар»—деп. 54. Ол ак колниҥ тьагазына ак тьерни теп-кеп, агаш тура турустан полтырлар, тек тьерни тепкеп, тевир тура тургусалкеп (тургузун салын келип), байлап суглап тьада тирлер. 55. Мен андын бери ньаныйдим, лар анда тьуртан тьада калды.

увидишь половина будет обгорелой, ее ты и схватишь—то твой муж и будет»—сказал он. 39. Жена Сары ула все это выслушала, вернулась к себе, на одну лошадь все собрала и навьючила и по хребту черной горы отправилась в путь. 40. Ехала она, ехала и когда доехала до середины той горы, ей повстречались две сороки. 41. «Лошади твоей глаза мы будем клевать или твои собственные глаза будем клевать?»—сказали они. 42. Жена Сары-ула бросила им два глаза 43. Сороки схватили их и, похвалив ее, сказали: «Пусть дорога, по которой ты поедешь, будет открытой, пусть дела твои все исполнятся». 44. Идет она дальше, а к ней подходят два верблюда: «Об ноги твоей лошади или о твои собственные ноги мы почешемся?»—сказали они. 45. Она поставила две палки. 46. Верблюды почесались и, похвалив девушку, сказали ей: «Пусть дорога, по которой ты едешь, будет открытой, пусть дела, которые ты выполняешь направятся». 47. Затем, когда она шла дальше, к ней подлетели два орла и сказали: «Твоего коня мясо мы будем клевать или твое собственное мясо будем клевать?». 48. Когда та жена дала им мешок мяса, то они её похвалили и сказали: «Пусть дорога твоя, по которой ты едешь, будет открыта и твои дела поправятся». 49. Шла она, шла и вышла к озеру. 50. Она села на берегу озера, стало темнеть, она ждала пока не наступил вечер. 51. Смотрит, а на озеро прилетели две утки. На одну из них посмотрела, а у нее половина черная, она встала как следует и сразу же схватила утку. 52. Когда она уловила утку, то та превратилась в человека. 53. Затем он ей говорит: «Ну уж если ты меня нашла, то будем (с тобой) жить». 54. Они на берегу того же озера открытое место ударив ногой, деревянный дом выстроили, твердое место ударив ногой железный дом выстроили, разбогатели, размножились и стали жить да поживать. Я оттуда сюда возвратился, а они там жить остались.

2. Шоршок.

1. Бир Өксүс-оолок ангнап, койонго кыл уруп тьоргон. Конок эртен ангнап барганы, кылына бир түлгү каап (кабалын) калтыр. 2. Түлгү айтыр: «Өксүс-оолок, сен мени өлтүрве, меен бир тьакшым тьедер». 3. Өксүс-оолок өлтүрбийин пошот ийген. 4. Түлгү тьүгүр барийген. 5. Өксүс-оолок санаптыр: «Мен по түлгүни тьүүрүк (тьүү керек) бошот ийдим—деп—ол тьаазынынг, ангчы маа тьүү полыш эдер»—деп санаптыр. 6. Андын угза ньантыр. 7. Уге ньанын келтир, уге ньанып контуртыр. 8. Эртен чаланга адыны азыриирга партыр. 9. Түлгү анда полтыр. 10. Ол түлгү айтыр: «Өксүс-оолок, кижи алар керек»—деп. 11. Өксүс-оолок айтыр: «Мен кайдын кижи аланг, кийтен тоным да тьок, өдөм дө тьок, маа кандуг кыс парзын». 12. Түлгү айтыр: «Сен корукпа, пис кайда-куйда эдип кижи алырвыс, сен лагун эттир он кирези, анг сондо пис крестийанныг кызыны кудалып баравыс». 13. Ол лагун эттир алтыр: «Тье ат ковутапал». 14. Өксүс-оолок ат ковутап алтыр. 15. Пош лагуналарыны авраа (абрага) салып алтыр. 16. Түлгү айттыр: «Эме адыга очовал, паракты»—деп партылар. 17. Бир пүк тьерге парып турун түлгү айтыр Өксүс-оолокты: «Сеп өөнөктинг бажыны көп лө үстал»—деп. 18. Оксус-оолок өөнөктинг пажыны үзалтыр. 19. Түлгү ол өөнөктинг бажыны эдине тьактап салтыр. 20. Андын ары бартылар. 21. Түлгү алды тьүгүр барып постоныг кадында слезини тишвле кевир салтыр. 22. Удура тьүгүр келтир Өксүс-оолоксаа кожо партылар. 23. Постаа тьеет партылар. 24. Түлгүчек кыйгыртыр: «Крестйан, постог пек пе?»— деп. 25. Крестйан кыйгыртыр; «Посто пек ле»—деп. 26. Кечтилер постовыла. 27. Постоныг ортаа тьеткенде, посто оодыл партыр. 28. Авыртын лагунеер сууге акты. 29. Өксүс-оолоктыг тьактап салган өөнөктинг бажы сууге акты. 30. Крестйан сурайтыр түлге: «Ол тьугу нимелер актыт сугла»—деп. 31. Түлгү айтыр: «Экелтен кырык лагун араа, күйеенгнинг торго тоны кайылып акты, күйеенг тьылаш посто кадында очоптьыт». 32. Крестйан бекезини тапийин калды. 33. Үгзары тон алгар(г)а тевинди. 34. Тьакшы кийим экелип кийдирди. 35. Өксүс-оолокка: «Тье кийдир

2. Сказка.

1. Однажды один сирота охотился и поставил силок на зайца. На следующий день утром, когда он снова проходил охотясь, в силок попалась лисица. 2. Лисица говорит: «Ты меня не убивай, сирота, я тебе (тоже) добро сделаю». 3. Сирота не убил и отпустил ее на волю. 4. Лисица убежала. 5. Сирота подумал про себя: «Зачем это я лисицу отпустил, какую она в летнюю пору мне помощь окажет». 6. Затем он вернулся домой. 7. Пришел домой, и переночевал дома. 8. Утром пошел в чулан кормить свою лошадь. 9. А там была лисица. 10. Та лисица и говорит ему: «Тебе, сирота, надо взять жену». 11. Сирота отвечает ей: «Как это я женюсь, когда у меня нет одежды, чтобы надеть, нет сапог, какая девушка пойдет за меня замуж?» 12. Лисица ему говорит: «Ты не трусь, мы каким-нибудь способом, а жену возьмем, ты закажи около десяти боченков (для водки) и мы поедем сватать тебе крестьянскую дочь». 13. Он заказал боченки и получил их, а лиса и говорит: «Запрягай-ка лошадь». 14. Сирота запрег лошадь. 15. Они погрузили на арбу пустые боченки. 16. Лисица говорит: «Ну, теперь садись на свою лошадь, поехали»—так сказала она и они поехали. 17. Когда они поехали к одной лужайке, лисица и говорит сироте: «Ты нарви побольше головок цветов». 18. Сирота нарвал себе головок цветов. 19. А лисица взяла и прилепила эти головки к его телу. 20. Затем они поехали дальше. 21. Лиса побежала вперед и зубами подгрызла под мостом устои моста. 22. Затем она побежала навстречу сироте и они поехали вместе. 23. Достигли моста. 24. Лисица закричала: «Эй, крестьянин, мост крепкий?» 25. Крестьянин кричит: «Конечно, мост крепкий». 26. Стали переходить по мосту. 27. Когда достигли середины моста, то мост рухнул и провалился. 28. Упавшие боченки поплыли по реке. 29. А у сироты поплыли по воде прилепленные (к телу) головки цветов. 30. Крестьянин спрашивает лисицу: «Что это там плавает по воде». 31. Лисица отвечает: Сорок боченков араки, которые мы везли, да шелковая одежда твоего зятя расползлась и плавает, а зять твой голый под мостом сидит». 32. Крестьянин не понял их хитрости.

база, бойымныг араамла слердиг экелген араа эдин ижерим, бойымныг ажымла слерниг экелген аш эдин тьирим» —андын аны угаза апырды. 36. Уйнине кирдилер Öксӯс-оолок орын(г)а очорды. 37. Тьакшы тон кийвеен кижи Öскӯс-оолок айландыра кийген немзини кӧрӯнип тьит. 38. Крестйан сурптьыт тӯлгее:

«Тьӯрек (тьӯӯ керек) Öксус-оолок айландыра кӧрӯн тьит»—деп. 39. Тӯлгӯ айтыр: «Бойыныг кийген тонына тьетпес тон учун айландыра кӧрӯн тьит»—деп. 40. Ондын крестйан тьакшы экел кийтиртир. 41. Тӯлгӯ Öксус-оолокты айландыра кӧрбӧзин деп экидин энзезине ийне кадап салтыр. 42. Öксус-оолок айландыра кӧр(г)они ийне кадал бартыр. 43. Аг соондо Öксус-оолок кӧрвийин очоптыр. 44. Крестйаныг кызыны алып угзаа ньантыр. 45. Эки конокто мензаа айылдап нарзаар—дептир. 46. Угзаа ньаныи ийтир. 47. Тӯлгӯ айттыр: «Тье Öксус-оолок, мен алды барып тьурты кӧр келейин»—деп. 48. Алды тьӯгӯр калтыр. 49. Тьыланныг ордызына парып айттыр: «Тӯргӯт куш келтьыт—деп чыктыр, мен слерни пектеп салыйыг—деп. 50. Тьыланнар ортозындын чыктылар, кавыш кадынзаа киртилер. 51. Парчан тьыланнар чыгып кавыш кадынзаа киртирлер. 52. Кавыш канда киргенде: «Пийде кӧрӯн тьит»—деп, пектеп тьуреле, от суга бертир. 53. Тьыланнар парчан кӯй бартыр. 54. Аг соңдо сары тӯлгӯчек Öксус-оолоксаа карча келтир, Öксус-оолокко келип: «Тьурт авыр полтыр»—деп айтыр. 55. Кожо тьыланныг ортозынзаа партыр. 56. Бар киртилер. 57. Матап кеен уг болтыр. 58. Алтынвыла тьазап са(л)ан. 59. Аг соңдо кайын энези айылдап келтир. 60. Кайнызы кирип келеле, позааны ол тоштеле ичип, тоңдыра тьу(г)ултыр сӯрелтеп. 61 Öксус-оолок: «Кайдын меен уг кӧрвеен полуп тоңдыра тьыгылзар»—деп колдынаг каап, тур(г)узын орына очоты. 62. Уч конок иштилер, андык ары угзаа ньана бертир.

Чалганугныг таптыргыжы

1. Эпелтек агашка кар тьукпас.

(Мӯӯс)

2. Ракты кӧрзӧ—кара таш, тьагындын кӧрзӧ—ак таш.

(Кӧзнӧк)

33. И затопал к дому за одеждой. 34. Он принес хорошую одежду и надел на сироту. 35. «Ну надевай,—сказал он сироте,—свою собственную араку я буду пить как привезенную тобой, мою собственную пищу буду есть, как привезенную тобой»—так он сказал и увел его к себе в дом. 36. Вошли в дом. 37. Сирота сел на стул. 38. Сирота, как человек, никогда не надевавший на себя одежду, оглядывал на себе вокруг надетые одежды. 39. Крестьянин спрашивает лисицу: «Почему это сирота все осматривает вокруг себя». 40. А лиса ему отвечает: «Он оглядывается кругом потому, что одежда, которая сейчас на нем, не соответствует по качеству (хуже) той, которую он обычно носит сам». 41. Тогда (крестьянин) приносит ему более лучшую (одежду). 42. Лиса для того, чтобы сирота не оглядывался по сторонам в оба его плеча (одежды) воткнула иголки. 43. Когда сирота смотрел по сторонам, то иголки его кололи. 44. После этого сирота сидел и не оглядывался (по сторонам). 45. Они взяли дочь крестьянина и стали возвращаться домой. 46. «Через два дня приезжайте в гости,—говорит (крестьянину) сирота. 47. Стали возвращаться домой. 48. Лисица говорит: «Ну, сирота, я пойду вперед, посмотрю дом и вернусь»,—так сказала она. 49. И побежала вперед. 50. Она пошла в змеиное гнездо и сказала: «Птица беркут летит, выползайте, я вас защищу». 51. Змеи выползли из своей ставки и поползли в камышовые заросли. 52. Все змеи выползли и поползли в камыши. 53. Когда все они были в камышах, лисица крикнула: «Вот здесь уже виднеется»—сказала она, затерла всех змей в камыши, побежала и зажгла огонь. 54. Все змеи сгорели. 55. Затем рыжая лисица вернулась обратно к сироте и говорит: «Дома все в порядке». 56. Они вместе пошли в ставку змей. 57. Пошли и вошли. 58. Это очень красивый дом был. 59. Он был построен из золота. 60. Затем приехала теща в гости. 61. Теща вошла, перешагивая через порог, поскользнулась, как на льду, и упала. 62. Сирота: «Каким это образом вы, мой дом не рассмотрев, падаете»—сказал, схватил под руки и посадил на стул. 63. Три дня и три ночи они пировали, а потом домой стали возвращаться.

3. Үйүм ижи кара тьол.
(Тактаныг тьиги)

4. Одус поро атаг ортозында бир кызыл тьегрен ат ойлак.
(Тил ле тиш)

5. Тас пашту тарсыка тыгу.
(Канза)

6. Озӧк ӧрӧ орт куйет.
(Оӧнок)

7. Пуска бугдей тӧгулди.
(Тенгеридеги чаган).

8. Тур ийзем тегриге тий барарым, турвай тьатым.
(Тьол)

9. Муг салдат сууга калыды, аг кийынча караан куртыйач калынды.
(Тутпаш ла кожук)

10. Эвир полвос кара киш.
(Сокко)

11. Пилеем сууга тьылбырт.
(Камна)

12. Пели тьок пестирек.
(Отончык)

13. Тьазында тьаглу кӧжим кайнан тьит.
(Чубала)

14. Ньегдин кыска, элдин мӧкӧ.
(Мултук)

15. Алгайакча сынду, ол горой ӯнду.
(Комыс)

16. Талга тарак кыстадым.
(Уйа)

17. Колы да тьок, палтазы да тьок, ньагы тура тургусун салды.
(Кучкажак, уйа)

18. Тылан тылыжып, кайыш кайыжып тьыт.
(Ийне ле учук)

19. Уйим ижи ак кӧжӧ.
(Кижиниг тижи)

20. Суге кирзе тьайым, тага чыкса пурум.
(Аттыг куйруу)

21. Ижип, тьип унге кирди.
(Пычак)

22. Пириси барак деп, пириси тьадак деп.
(Суг ле таш)

23. Ортодо от, айландыра суг.
(Самовар)

24. Ньандык койон тьада севирди.
(Кеведе кул)

25. Тижи тьок куртуйак, эвин кастьыт.
(Шорлок)

26. Саргайга барган кыстар сарнавал ньандылар.
(Самовар кайнаптьыт)

Чалканские загадки

1. На гибкое дерево снег не падает.
(Рога)

2. Если издали посмотришь—черный камень, если вблизи посмотришь—белый камень. (Окно, стекло)

3. Внутри моего дома—черные дороги.
(Щели пола)

4. Тридцать серых лошадей, а среди них одна неспокойная краснорыжая лошадь. (Язык и зубы)

5. С каменной головой, с хрипящим станом. (Трубка для курения табака)

6. Вверх по протоку пожар пылает.
(Кандык)

7. На лед пшеницу просыпал.
(Звезды на небе)

8. Если я встану, то неба коснусь, поэтому не встаю. (Дорога)

9. Тысяча солдат в воду поскакали, а вслед за ними и старая старушка.
(Лапша и ложка)

10. Черный соболь, которого нельзя вывернуть. (Ступка)

11. Мой оселок в воду выскользнул.
(Выдра)

12. Без спины шишка (хвойного дерева). (Табуретка)

13. Летом моя ячменная каша с маслом кипит. (Муравьи)

14. Короче любой вещи, а сильнее людей. (Ружье)

15. Ростом с котелочек, но с громким голосом.
(Комыс—музыкальный инструмент)

16. В иву гребень воткнула.
(Гнездо)

17. Ни рук, ни топора, а новый дом построил. (Птичка, гнездо)

18. Змея ползет, ремень за собой тянет. (Иголка и нитка)

19. Внутри моего дома—белый занавес. (Зубы человека)

20. В воду войдет—расходится, в гору войдет соединяется.
(Хвост лошади)

21. Поел, попил и в нору вошел.
(Нож)

22. Один из них: «идем»—говорит, другой: «полежим»—говорит.
(Вода и камень»)

23. В середине огонь, кругом вода.
(Самовар)

24. Заяц с кривыми боками лежа жиреет. (Зола в печке)

25. Беззубая старушка ядрышки щелкает. (Капли)

27. Эки салдат пир кур курчанды.
(Колой.)

28. Тöжи тьок куртуйак тор пактылап тьит.
(Кевенинг оты.)

29. Наризе, тьолы тьок, соовизе, капы тьок.
(Сугла тьурер кеве.)

30. Кыш тьай курувас.
(Нектинг танаа.)

31. Тьарнатым тьавырайт.
(Сырга.)

32. Отко салза-куйвес, суге кирзе чöнгмöс.
(Колöтко.)

26. За саранкой ушедшие девушки с песнями возвратились. (Самовар кипит)

27. Два солдата одним поясом подпоясаны. (Колья.)

28. Старушка без груди заглядывает на почетное место. (Огонь в печи.)

29. Если пойдет—нет дороги, если режет—нет крови. (Лодка.)

30. Ни зимой ни летом не сохнет.
(Нос коровы.)

31. Моя летучая мышь развевается.
(Серьги.)

32. Если в огонь положить—не горит, если войдет в воду не тонет.
(Тень.)

II ГРУППА—ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТОВ

Алтайский диалект

ЧÖРЧÖК

Кыргыс-каан

1. Кыргыс деп каан јаткан. 2. Ол Улатай деп бир уулду болгон. 3. Байагы уулы эрге јеткен соондо, кижи аларым деп тапкан. 4. Онгде шыйдынып алала, барган. 5. Барган кийнинде јол ортозында јаан талай туштаган. 6. Јаан талайдынг јаралында ак боро атту уул турган. 7. Ак боро атту уулга јаба ла јелишкен. 8. Јакшылажала, эзендежеле, байа уулдаг сураган: «сен нени эдип турун»—деп. 9. Байа ак боро атту уул айткан: «Јаман јеним кижи аларга бар јаткан, сакааным (сакыганым) он беш јыл болгон». 10. «Сенинг адынг кем? — деген Улатай. Уул айткан: «Ай-Теекей баатыр». 11. Оныг кийнинде баргылап јадарда, база бир кöрüп, јанында база бир кер атту баатыр болгон. 12. База ла јакшылашты: «сенинг адынг кем?» — деди. 13. «Менинг адым Кüн-Теекей — деп айткан. 14. Оногг ары барлап јадарда, база бир баатыр туштаган. 15. Олор бастыразы бежü болгон. 16. Барлап јадарда, Темир-Бийдинг эжигинде јüулган тüк танышпас мал болтыр, тил танышпас јон эмтир. 17. Анда турган улус айдышкан: «Тастаракайлар болзо, тос кüрле кечер, баатырлар болзо, чой кüрле кечер». 18. Суунынг јаралына келеле, Улатай ла уулдар чой кüрле кечк(и)леген. 19. Кечкилейле, Темир-Бийдинг эжигинде тüшкилейле, алтын

СКАЗКА

Кыргыс-каан

1. Жил Кыргыс-каан. 2. Имел одного сына по имени Улатай. 3. Когда сын возмужал, то он решил, что должен жениться. 4. Затем он собрался и поехал. 5. На пути ему встретилось озеро. 6 На берегу большого озера стоял парень на сером коне. 7. Подъехал вплотную к парню на сером коне. 8. Поздоровался, спросил о здоровьи и спросил у парня: «что ты тут делаешь?» 9. Тогда парень на белом коне сказал: «мой плохонький племянник ехал жениться. Ждал, ждал я его 15 лет». 10. Затем Улатай спросил: «как тебя зовут?» Он ответил: «Ай-Теекей богатырь». 11. Поехали дальше они, на расстоянии сколько видит глаз, увидели ещё одного богатыря на гнедом коне. 12. Опять поздоровался и спросил: «Как зовут тебя?» 13. Он ответил: «Меня зовут Кüн-Теекей». 14. Затем поехали дальше и встретили ещё одного богатыря. 15. Их стало пятеро. 16. По пути следования они увидели у дворца Темир-Бия разношерстный скот и многоязыкий народ. 17. Стоявший там народ говорил: «если тастаракай, то должны перейти берестянный мост, если богатыри, то должны перейти чугунный мост». 18. Приехав на берег реки, Улатай и парни через чугунный мост переехали. 19. Переехав и подъехав к дому Темир-Бия, привязали своих лошадей к золотой коновязи. 20. Улатай,

чакаа аттарын буулады. 20. Улатай баштап айылга кирди, кирип барарда, Темир-Бий каланы эзирик отурган. 21. Темир-Бийдиг айлында Темене-Коо кысты эки карындаш состоп турган. 22. Состоп болбой салала, айдып турды Улатайга: Слердиг де боо алкаштанар јок»—деп. 23. Чыга ла конгло-ды. 24. Улатай Темир-Бийдег сурак сурады: «сер биске бир ирик берсер, бир тажуур аракы береер». 25. Ирикти ле тажуур аракыны сурап алала, Улатай нокорлорин баштап арал доон барлады. 26. Бир эликтиг эдин јус ирик-тиг эди эдип, бир тажуур аракыны јус тажуур аракы эдип алала, Темир-Бийге келди. 27. Улатай тажуурды Темир-Бийге бererде, Темир-Бий албай турды. 29. Анай турала алды. 30. Ала-ла, Улатайга айтты: «мениг айбым ук—деди: јыл болгон кок буканы тудуп бер, мен сее кызым бererим. 31. Улатай «је»—деп айтты. Онын кийнинде Улатай барды. 32. Кийнинег Алтын-Тана кыйгырып турды: «сен барба, Темир-Бий јер-тенгерининг јеткер алмыска јетирип саларга јат. Менинг адам кара сапаалу»—деп Алтын-Тана айдып, ыйлады. 33. Улатай сала берди. 34 Улатай баатыр кожонгдоордо, как агаштаг бур чыгылды, јаш агаштаг бур корбуланды. 35. Барала, коруп тургайжын, эки талай ага берген, ортолыктыг ортозында межелик турган. 36. Кан-Јеерен сураган: «мыны не деп коруп туруг»—деп. 37. Айдарда, Улатай айтты: «тышты кийис, ичи јин сен билеринг бе?» 38. Баатыр айтты: «мен коргомдо, ортозында межелик эмтир, айландыра талай эмтир». 39. Кан-Јеерен айдып берди: «ол ортолык деп коргонинг буканыг мангдайы болор, талай деп коргонинг буканыг эки кози болор. Мен мынаг ары барбазым, сен бойынг бар». 40. Кан-Јеерен кучыйак болуп куулала (кубулала), тенери доон уча берген. 41. Уул эки эдегин кыстанала, база берди. 42. Коруп тургайжын, јер тенери силкине берген. 43. Буканыг бир муузи тенеринин јетен эки кат булудун табарып клааткан, бир муузи јердиг јетен эки кат кыртыжын јыртып клааткан. 44. Јудардыг кайжы јанында уул туура калып ийди. 45. Одуп турарда, эки муустег тудунала, јоон мойынга айра минеле, бек ле тудунып алды. 46. Бука туйлап бе-

вошдя в дом первым, увидел, что Темир-Бий сидел пьяный. 21. В доме Темир-Бия два брата сватали Темене-Коо. 22. Они, не сосватав сказали Улатаю: «У вас тут ничего не выйдет». 23. Они вышли. 24. Улатай Темир-Бию сказал: «дайте нам одного козла и один тажуур араки». 25. Выпросив козла и тажуур араки, Улатай во главе своих товарищей отправился в лес. 26. Мясо одного козла сделали мясом ста козлов, из одного тажуура араки сделали сто тажуу-ров и пришли к Темир-Бию. 27. Когда Улатай начал давать тажуур Темир-Бию, то он сначала не брал. 29. Затем согласился взять. 30. Взяв, сказал Улатаю: «слушай мою просьбу: поймай мне годовалого синего быка, я тебе отдам свою дочь». 31. Улатай согласился и затем пошел. 32. В догонку ему Алтын-Тана кричала: «Ты не ходи, тебя хотят отдать на съедение алмысу, который является духом земли и неба. Мой отец злой»—так сказала Алтын-Тана и заплакала. 33. Улатай богатырь пошел. 34. Когда он запел, то ветки на сухих деревьях выросли, на молодых деревьях листья распустились. 35. Продолжая путь, он увидел, что образовались два моря и посреди них казался большой остров, посреди острова находился большой курган (холм). 36. Кан-Дьеерен спросил: как ты это находишь? 37. Тогда Улатай сказал: «У тебя снаружи—кошма, внутри—кишки, что можешь знать? 38. Баатыр сказал: «по-моему посредине холм стоит, а кругом море». 39. Тогда Кан-Дьеерен рассказал: «то, что ты принимаешь за холм, есть лоб быка, а то, что ты принимаешь за море это есть два глаза быка. Я дальше этого не пойду, ты иди сам» 40. Кан-Дьеерен превратился в птичку, взвился и полетел к нему. 41. Заткнул за пояс полы шубы, парень отправился. 42. Он увидел, что небо и земля содрогнулись. 43. Один рог быка задевал семьдесят два слоя туч, второй рог разрывал семьдесят два слоя земли. 44. Не успел он проглотить, парень прыгнул в сторону. 45. Когда бык проскочил мимо, он схватил за рога, и, сев верхом на толстую шею быка, крепко держался. 46. Когда бык начал биться, парень то приходил в себя, то терял сознание. 47. Когда он опомнился, то оказалось, что прошло уже три года. 48. За это

рерде, уулдыг сагыш бир кирип, бир кирбей турган. 47. База ла огдоп турарда, үч јыл болуп калган. 48. Бу үч јылдыг туркунына бука карыйла, ууллаг сурады: «Сен мени токтодо туткаг кандый баатыр болорыг?» 49. Улатай айдып берди: «Мен Кыргыс-Каанныг уулы эдим, Темир-Бийдиг кызын аларга јургем, оног Темир-Бий мени айбаа ийди, оныг айбызына келдим». 50. Бука айтты: «Сениг келижиг бис экуди сүрекей пак нөкөр эдин салатан туру». 51. Оног олор атангылаган. 52. Орто јолго келерде, бука мойной берди. 53. Улатай аттаг тужеле, тогузан кулаш кайыш армакчыла мүүстеп тереппилеп алды. 54. Бука огурун тура берди. 55. Буканыг огурун турган огуружына јердиг алдындагы Эрлик чыгып көрди. 56. «Бу не мындый табыш?»—дейле, кудай көзнөгин ачып көрүп турды. 57. Оног Улатай Темир-Бийдиг чакызына буканы экелип буулап ийди. 58. Темир-Бий коркыйла, Теечинекти ийди. 59. Теечинек келеле, айдып турды: «Буканы салзын деп Темир-Бий айтты.» 60. Айдарда Улатай айтты: «сал деп бир албан, экел деп бир албан, мыныг кайжызын угар?» 61. Оныг кийнинде буканы салып ийерде, бука сала берген. 62. Оныг кийнинде Теечинек базала келди. 63. Ол айтты: «Сени Темир-Бий келзин деп јат». 64. Улатай келерде, Темир-Бий айтты: «эмди бир јерде үч сар(ы) ат бар, оны мее тудуп экел бер». 65. Улатай сала берди. 66. Барјаткан кийнинде, эки јолдыг белтиринде алы турып айтты: «Сен боо армакчыг тудунуп алала, сакып тур. Мен барган кийнинде узак болбозым. Одус јыл бажында бурулаарым». 67. Уул јерди кыртыштай кезеле, уктай берди. 68. Опойып јаткан кийнинде, кыйгы угуларда, ат келип јаткан, оныг кийнинде, үч сар(ы) ат кожо келјаткан 69. Уул баштамы сар(ы) атты чалмадады. 70. Ол уулды сар(ы) ат алтан алты талалу ак тайканы үч эбире сүүртеп келди, оныг кийнинде база ла нөкөр болуп тура берди. 71. Экелип, чакаа буулап берди. 72. Оныг кийнинде Теечинек келеле, айтты: «Үч сары атты салзын деп Темир-Бий јакып туры». 73. Айдарда Улатай айтты: «Экел деп бир албан, сал деп бир албан, мыныг кайжызын

время бык устал и спросил парня: «Что ты за богатырь, что сумел меня поймать и усмирить? 49. Тогда Улатай сказал: «Я есть сын Кыргыс-Каана, еду жениться на дочери Темир-Бия, Темир-Бий послал меня сюда, я пришел по его просьбе». 50. Бык сказал: «ты пришел для того, чтобы нам с тобой стать хорошими товарищами». 51. Затем они отправились. 52. Когда доехали до середины пути, бык опять начал упрямиться. 53. Улатай, спешившись с коня, девяностосаженной ременной веревкой поймал быка за рога. 54. Бык заревел. 55. От рёва быка из-под земли вышел Эрлик. 56. «Что это за шум такой?»—сказал бог, открыл своё окно и начал смотреть. 57. Затем Улатай привязал быка к коновязи Темир-Бия. 58. Темир-Бий испугался и послал Теечинека. 59. Теечинек, придя, сказал: «Темир-Бий велел отпустить быка». 60. Тогда Улатай сказал: «То велит отпустить, то привести, которую просьбу выполнять—не знаю». 61. Тогда он быка отпустил, бык ушёл. 62. После этого Теечинек опять пришел. 63. Он сказал: «Тебя опять Темир-Бий просил прийти». 64. Когда Улатай пришел, Темир-Бий сказал ему: «В одном месте есть три серых лошади, поймай и приведи их мне». 65. Улатай ушел. 66. Во время пути следования, на разъезде двух дорог лошадь остановилась и сказала: «Ты стой здесь, держа эту веревку. Я пойду ненадолго, вернусь через тридцать лет». 67. Парень разрезал землю пластами и лег спать. 68. Пролежав так он услышал ржанье возвращающейся лошади, вместе с которой пришли еще три серые лошади. 69. Парень забросил аркан и поймал первого серого коня. 70. Эта серая лошадь тащила парня три раза вокруг шестьдесятшестистороннюю тайги, и после этого они сделались товарищами. 71. Прибыв на место, он привязал её к коновязи. 72. Затем пришёл Теечинек и сказал, что Темир-Бий велел отпустить три серых лошади. 73. Тогда Улатай сказал: «То просит привести, то просит отпустить, что выполнять—я не знаю». Затем вышел на улицу и отпустил лошадей, эти три серые лошади ушли. 74. После этого Темир-Бий сказал Ула-

угуп чыдайтаг»—теп айдала, тышкар чыгып божодып ийди, уч сары ат сал берди. 74. Оныг кийинде Темир-Бий Улатайга айтты: «Озогы јаткан јеримде темир чакыны кодорып экел бер, оныг кийинде јанарыг». 75. Улатай барып кодоро тартты. 76. Оныг алдынаг чыгып јаткан албаты кос јок анда бар, бут јок анда бар, тил јок анда бар. 77. Оног Улатай чаныны экелип береле, јанып ийди.

таю: «На старом моем местожительстве есть железная коновязь, вынь её и принеси мне, а потом возвращайся домой». 75. Улатай пошел, принатужился и выдернул коновязь. 76. Из-под коновязи вышли люди и безглазые, и безрукие, и немые. 77. Затем Улатай принес коновязь к Темир-Бию, и возвратился домой.

II-я ГРУППА—ЮЖНЫХ ДИАЛЕКТОВ

Алтайский диалект

Модор сöстöр

1. Пыт пайгы, шилби тüри,
Кырда, кырда кызыл тулку
Кыл куйрукту мамиля,
Ат бажынча тара быжа.
2. Билдим, билдим била чоко,
Чокылдыг чок белек,
Белектиг беш агаш,
Агаштыг арман кузук,
Кузуктыг куба керел,
Керелдиг керен тарал,
Таралдыг тайыл огус,
Огустуг оймон кайчы,
Кайчыныг кара бычак
Кычактаг бычыл тоо,
Боонып тот кара.

Скороговорки

1 Путай, путай шнурков клубок.
На горе, горе красная лисица,
С волосяным хвостом фамилия,
С лошадиную голову просо выросло.
2. Знал я, знал я запку,
У запки купа рябины,
У рябины пять деревьев,
У деревьев много орехов,
У орехов серый дягиль,
У дягиля метелковые кедровки,
У кедровки двойня ребят,
У двойни хорошие ножницы,
У ножниц черные ножи
У счста ржавчина черная.

Куучындар

1. Јыланду деген јердиг ады мындый педеиг табылган: бу јерде сурееп коп јылан болгон. Улыстыг айылына киреп, амыр бербейтен. Амыр бербесте, бир јыланды олтüрип салган, олтüрерде, тым боло берген.
2. Баатыр Сартакнай адарда, Чамалда турган кырды јара аткан. Оног кайда ойдыктар, јол болгон ондо.

Предания

1. Название местности Ыланду произошло вот от чего. В этой местности было очень много змей. Они заползали в дома и не давали людям покоя. Поэтому убили одну змею. Когда ее убили стало спокойно.
2. Когда богатырь Сартакпай выстрелил, то горы, стоящие на р. Чемал прострелил пополам, потом там, где образовалось отверстие, получилась дорога.

Материал записан в Эликманарском районе, Горно-Алтайской области, в 1942 г.

68286

Горно-Алтайская областная
БИБЛИОТЕКА

Т. М. Тощакова.

кандидат филологических наук.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа представляет собою одну из глав кандидатской диссертации, посвященной служебным словам—одной из наиболее не разработанных категорий в алтайском языке.

Служебные слова объединяют группу слов, которые, сохраняя форму самостоятельного слова, в процессе развития языка, утратили или утрачивают смысловое содержание и на данном этапе служат для выражения разного рода грамматических отношений в словосочетаниях, управляя каким-либо падежом.

Исследование вопроса о служебных словах в алтайском языке было вызвано необходимостью систематизировать всё многообразие значений служебных слов-послелогов, союзов и частиц, разграничить их семантические особенности и синтаксические функции.

Предлагаемая работа посвящена анализу служебных слов-послелогов в алтайском языке. Послелоги, как части речи, наряду с другими частями речи, занимают ведущее положение в предложении и поэтому исследование их имеет не только теоретическое значение, но и практическое, т. к. изучение и освещение служебных слов, как грамматической категории, тесно связано с задачей создания общего курса морфологии алтайского языка.

В работе дана классификация послелогов по лексическим группам и синтаксическим функциям, с указанием дополнительных оттенков переносного значения в различных фразеологических сочетаниях.

Все слова, вошедшие в группу послелогов—будь то слова с абстрактной семантикой (учун, јаар, узери и др.) или слова с реальной семантикой именных основ (ич, керек, алд, уст и др.), переходящих в известных позициях в служебные элементы, объединены в общую лексико-синтаксическую категорию, где каждый послелог в отдельности имеет свою специфику выражения отвлеченных грамматических значений.

Все теоретические положения в работе обоснованы примерами, взятыми из текстов произведений современных алтайских писателей и поэтов (И. В. Кучияк, Ч. А. Чунижеков и др.), а также наиболее типичное взято из произведений устного народного творчества: Н. У. Улагашева, Ч. А. Чунижекова, Ябыкова и др. В целях сравнительного сопоставления, все примеры снабжены переводами на русский язык.

Предлагаемая работа, разумеется, является лишь первым опытом монографического описания служебных слов в алтайском языке и поэтому она, конечно, не лишена некоторых недостатков, о чем всегда могут быть даны замечания и предложения. Однако, как нам кажется, все что сделано на первых порах может быть полезным для пользования в практике школьного преподавания и переводческого дела.

ПОСЛЕЛОГИ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

Служебные слова-послелоги, в сочетании с именами или именными формами глагола, служат формой выражения синтаксической связи косвенного дополнения или обстоятельства, с одной стороны, и сказуемого—с другой. Послелоги несут те же синтаксические функции, что и падежные аффиксы. Они развивают, дополняют и уточняют то значение, которое принадлежит самой падежной форме.

Исторически послелоги выделились из слов, когда-то имевших материальное значение. Процесс перехода знаменательных слов в служебные является процессом однородным и общим для всех языков тюркской группы

Тот же процесс происходил и происходит сейчас и в алтайском языке. Категорию служебных слов в алтайском языке представляет та группа слов, которая выделилась из лексического состава языка Это не что иное, как формы имен с неполной изменяемостью, которые по своей синтаксической функции соответствуют русским предлогам. Они несут те же функции в предложении, что и предлоги в русском языке, и только в силу особенностей алтайского языка занимают позицию после слова, которым управляют.

Алтайский язык в настоящее время имеет значительное количество послелогов, изучение которых требует тщательного анализа с точки зрения синтаксиса и морфологии. Богатая разнообразными оттенками значений в составе словосочетаний эта грамматическая категория представляет большой интерес для исследования. Послелоги, ~~как отмечалось выше~~, являясь одной из форм выражения синтаксической связи членов предложения, чаще всего служат оформителями обстоятельства места, времени, меры, причины, цели и следствия, сравнения, направления, совместного действия, соотносительности и т. д.

Отсюда вытекает необходимость глубокого изучения послелогов, в системе которых открывается сложная область отношений разнообразных связей между словами и смысловыми оттенками. В кругу этих отношений прослеживается слабая дифференциация причинных отношений, выражаемых разными послелогами. Временные отношения часто не различаются с отношениями места и развиваются на их основе. Часть послелогов, выражающих причинные отношения, слабо дифференцированы с послелогами, выражающими значения цели. Дифференциация их зависит чаще всего от реальной семантики основы слова, с которым сочетается послелог. Напр. послелог ***учун***, выражая целевые отношения, в одном случае служит для указания на предмет, который является поводом для суждений, выражения восторженных чувств, напр., ***Төрөл учун!***— За Родину!; ***бистиң Төрөлистиң јайымы учун ла камааны јок учун!***—За свободу и независимость нашей Родины!; ***сениң учун мен отко до, сууга да***—ради тебя я в огонь и в воду...; ***балдар учун ол карууна турар***—за детей он будет отвечать; в другом случае послелог ***учун*** выражает причину, напр., ***тонныҥ өҥи сары учун албадым***—я не купил пальто из-за того, что оно жёлтого цвета; ***јол узак учун барбадым***—я не поехал потому, что путь далёк; ***ол сениҥ учун барып болбоды***—он не мог выехать из-за тебя; и в третьем случае послелог ***учун*** выражает количественный эквивалент, напр., ***бир литр сүт учун эки салковый төлөди***—за литр молока он заплатил два рубля; ***мыныҥ учун нени бererиҥ?***—что ты даешь мне за это?

Точно также послелог ***керегинде*** в одном случае выражает отношения причины и следствия, напр., ***олор слердиҥ керегинде мынаҥ јүре берген***—они уехали отсюда из-за вас; ***сен керегинде оройтып калдым***—я из-за тебя опоздал; в другом случае выражает отношения, направленные на содержание суждения о предмете, напр., ***озогы карыган улустар ол керегинде чөрчөктө лө айдыжатан***—о таких случаях старые люди рассказывали только в сказках; ***јуунда колхозтыҥ ижи керегинде көп шүүшкен***—на собрании много говорили о работе колхоза; ***мен керегинде неме айтпаар***—про меня ничего не говорите.

В отношении послелога ***болуп*** нужно сказать то, что он, в сочетании с управляемым именем в направительном падеже, выступает в значении цели и

причины. Он так же, как и послелог *учун*, служит для указания на предмет, который является поводом для совершения какого-либо действия, напр., ***мен бойыма болуп турган эмезим, слерге болуп турбай***—я не ради себя, а ради вас стараюсь.

Слабая дифференциация наблюдается также в некоторой части послелогов, выражающих, с одной стороны, форму обстоятельства места, и с другой—форму обстоятельства времени. Напр., послелог ***алд*** в форме локальных падежей ***(алдына, алдында, алдынан)*** в зависимости от реальной семантики основы в одном случае выражает форму обстоятельства места: ***кӱлӱч кайырчактың алдында јадыры***—ключ лежит под ящиком; в другом случае—форму обстоятельства времени:—***байрам алдында ол Москвага јӱре берди***—перед праздником он уехал в Москву.

Послелоги ***орто, кийин, баш*** также выражают и форму обстоятельства места и времени, напр., ***мал изӱдең јажынып, агаш ортозына кирди***—прячась от жары, скот вошел в лес; ***бу эки кӱннің ортозында экелип берерзиң***—принесешь в течение этих двух дней (буквально: принесешь между этими двумя днями); ***туранын кийининде—огород***—за домом—огород; ***оның кийинине тур***—встань за ним, позади него; ***јуунның кийининде кино көргӱзер***—после собрания будет показан кинофильм; ***беш частың кийининде келерим деген, је келбеген***—сказал, что будет через пять часов, но не пришел, ***ӱч кӱннің бажында эки јеек јылан келер***—через три дня придут три прожорливые змеи.

То же самое нужно сказать и о послелогах, слабо отделенных от семантики глагола. Напр., послелоги ***ала*** и ***јетире***: в зависимости от реальной семантики основы, выражают, то форму обстоятельства места, то времени, напр., ***баштан ала эдегине јетире***—с головы до ног; ***ол кӱннең али јаан јыргал токтобой турды***:—с того дня большое торжество (празднество) не прекращалось; ***јуун он часка јетире болор***—собрание будет продолжаться до десяти часов; ***тракторист айына ӱч мунга јетире акча иштеп алган***—за месяц тракторист заработал около 3-х тысяч.

Послелоги, сохранившие связь с именами существительными, ничем не отличаются от последних с точки зрения формы, но с точки зрения содержания утрачивают реальную семантику основы, и, изменяясь в локальных падежах, становятся послелогами. В грамматических же падежах они сохраняют значение знаменательных слов. Напр., послелог ***алд*** в форме местного падежа ***алдында*** в выражении: ***байрам алдында***—перед праздником—является послелогом, выражающим форму обстоятельства времени, а в выражении ***алдында мен оны билбейтем***—раньше я его не знал, или: ***тонның алды балкашка уймалып калтыр***—оказывается перед шубы запачкан грязью ***алдында*** и ***алды*** выступают уже в значении знаменательных слов: перед и раньше.

Таким образом, переход знаменательных имен в категорию служебных имен ограничен тремя пространственными падежами. Каждая его падежная форма представляет собою самостоятельный послелог, который сохраняет свою формальную сторону самостоятельного слова.

В связи с этим, все послелоги в алтайском языке разделяются на две основные группы:

I. Дифференцированные послелоги.

1. В лексическом отношении дифференцированные послелоги, представляющие собою застывшие формы косвенных падежей имен существительных и других знаменательных частей речи, выделившиеся из состава лексики в специальном значении послелогов, которые только в сочетании с другими именами приобретают какую-то лексическую значимость.

2. По синтаксической функции диференцированные послелоги делятся на: а) послелоги, выражающие форму синтаксической связи обстоятельства места и времени;

б) послелоги, выражающие форму синтаксической связи обстоятельства меры ;

в) послелоги, выражающие форму синтаксической связи обстоятельства цели, причины и следствия;

г) послелоги, выражающие форму синтаксической связи обстоятельства сопоставления и противопоставления:

д) послелоги, выражающие форму синтаксической связи обстоятельства соответствия, соотношения;

е) послелоги, выражающие форму синтаксической связи обстоятельства образа и способа действия.

Данная группа послелогов, представляет собою слова с абстрактной семантикой, лексическое значение которых проявляется только в связи с другим именем.

Послелог *ј а а р*

а) Послелог ***јаар*** в современном языке морфологически неизменяемое слово. Служит для выражения чисто грамматических отношений между объектом и предикатом, указывая направление в какую-нибудь сторону.

В сочетании с именем данный послелог соответствует семантике аффикса дательного падежа, напр., ***тура јаар***—по направлению к дому.

Послелог ***јаар*** выражает форму обстоятельства места, управляет дательным падежом имен, напр., ***ойто јарат јаар јўзўн келди***—приплыл обратно к берегу; ***олор экў эки башка ачылатан эжиктў јабызак айыл јаар ууландылар***—вдвоем они направились к низенькому айылу, двери которого раскрывались в обе стороны; ***јер јаар көргөн бойынча, бойында сананды...***—как только посмотрел на землю, подумал про себя; ***уулчак тöжöги јаар эстеп база берди***—мальчик, зевая, направился к своей постели; ***Сынаруны айылдын эжиги јаар таштап ийдилер***—Сынару бросили к порогу айыла. ***Сўмелў најызы јаар бурулала, нени де сурап турды***—Сюмелю (собственное имя) повернулся в сторону своего друга и о чем-то спрашивал его; ***айылын јаар кандый да улус келеедири***—по направлению к твоему дому идут какие-то люди.

Кроме того послелог ***јаар***, в сочетании с собственными именами и личными местоимениями выражает форму синтаксической связи косвенного дополнения, напр., ***отурган улус Эзе јаар шоодулу сöстöрин ийип турарын баштады***—сидевшие начали посылать язвительные намеки по адресу Эзе (собственное имя); ***Байым-Сур јараш бала Јелбеген јаар көрбöди де***—красивая девушка Байын-Сур даже не взглянула в сторону Дельбегена; ***мен јаар кылас эдип көрўп ийди***—злобно посмотрел на меня; ***Караты-Каанныи алты кўйўзи, алты тажуур аракыны алып, Көгўтей јаар атана бердилер***—шесть зятьев Караты-Хана, шесть ташауров вина взяли и отправились к Когютею; ***јуунда отурган албаты ончозы Кичемкей јаар баштанды***—весь народ, сидевший на собрании, (повернулся) посмотрел на Кичемкея (собственное имя).

Примечание: в разговорном языке существует параллельная форма послелога ***јаар***, которая выступает в форме ***дööн, тööн***. По функции они ничем не отличаются от послелога ***јаар***. В сочетании с именами, они также соответствуют семантике аффикса дательного падежа, указывая направление куда, к кому, к чему, в сторону чего; напр., ***тура дööн кирди***—(он) вошел в дом; ***көл дööн ууланды***—(он) направился к озеру; ***колхоз тööн атана берди***—уехал в колхоз; ***элик тööн адып ийди***—выстрелил в козла.

Послелог *с а й ы н*

Слово ***сайын*** в современном алтайском языке представляет собою неразложимую основу, состоящую из аффикса принадлежности 3-го лица- ***ы*** и падежного аффикса винительного падежа—***н***.

В сочетании с именами и именными формами глагола ***сайын*** служит для выражения регулярно повторяющихся промежутков времени или выражают точно исчисленную протяженность во времени.

По синтаксической функции соответствует понятию «каждый» и префиксу—***еже-*** в словах: ежеминутно, ежедневно, ежегодно, напр., ***колхозтың азыраган милы јыл сайын өзүп јат***—количество скота (выращиваемого колхозом) каждый год увеличивается: ***бистиң колхозчылар нормаларын күнүң сайын ажыра бүдүрип јадылар***—наши колхозники каждый день (ежедневно) перевыполняют нормы выработки; ***јол сайын јүрдим, адымды таппадым***—прошел по всем дорогам, но коня не нашел (букв. по каждой дороге); ***тетрадьтарды үренчик сайын бештең үлеп береер***—разделите по пять тетрадей каждому ученику; ***үредүчи мени урок сайын сурап јат***—учитель спрашивает меня на каждом уроке;

В сочетании с именной формой глагола—причастием на ***ган—сайын*** передает содержание придаточного времени, действие которого проходит одновременно или на всем протяжении времени совершения другого действия, или указывает на последовательное совершение двух действий, напр., ***онын куучынын уккан сайын сагыжым јарып турды***—всякий раз, как я слушал его речь, мне становилось легче; ***терең суулар кечкен сайын, алтын тайга ашкан сайын эрлү бүткен Көзүйкенинг санаазы јарып турды***—каждый раз, как переправлялся через глубокие реки, каждый раз, как переваливал через золотые горы, мужественному Козюйке становилось радостно; ***аңдап-куштап јүрген сайын, киш каразын талдап атты, кийик семизин талдап өлтүрди***—всякий раз, когда (он) ходил на охоту, стрелял, выбирая самых черных соболей, убивал, выбирая самых тучных оленей.

Послелог *ү з е р и*

Послелог ***үзери***—застывшая форма древне-направительного падежа, состоящая из основы ***үс*** и аффиксов—***ке + ри***.

В результате выпадения согласного „*К*“ и перехода „*С*“ в „*З*“ в позиции между гласными—***үс + ке + ри*** приобрело форму ***үзери*** (аналогичные слова: ***тыш + ка + ры; ич + ке + ри*** и др.).

Послелог ***үзери*** выражает форму синтаксической связи обстоятельства меры и направления, управляет дательным падежом имен, именных глагольных основ и по синтаксической функции соответствует русским предлогам на, к, сверх, сверх (того), кроме (того), напр., ***трудкүнге ол көп аш, ого үзери көп акча иштеп алган***—на трудодни он заработал много хлеба, кроме того много денег; ***таадазының јажы јаан, ого үзери ол үскер***—его дед старый, кроме того—глух; ***айтканыма үзери неме кожуп болбозым***—к сказанному (сверх того, что сказал) ничего добавить не могу; ***бергенинге үзери нени берерин?***—что ты можешь дать сверх того, что дал?

Послелог *к и р е*

Послелог ***кире*** (с аффиксом принадлежности 3-го лица ***зы-зи***) употребляется для обозначения приблизительного исчисления предметов или времени и выражает форму синтаксической связи обстоятельства меры.

В сочетании с именами, именными формами глагола и вопросительными местоимениями управляет неопределенным падежом и по значению соответствует русским словам: приблизительно, около, примерно, напр., ***ай кирези аңдады***—охотился около месяца; ***беш час кирези јүрген***—ходил около пяти часов;

мунг салковой кире акчазына ол заем садып алды—на свои деньги, которых у него было около тысячи рублей, он купил заём.

Употребление *кире—кирези* в знаменательном значении: *канча кирези ыраак болды—билбеди, карагуй да кире берди*—он не знал, какое, примерно, расстояние, да и стемнело уже (букв. сколько примерно было далеко он не знал, да и темнота наступила); *онон ары уул баланың барар кирези јок болды*—дальше этому мальчику невозможно было идти (букв. дальше этой меры хождению мальчика не было); *Айтүнүке оны ичеле, эзирер кирези јок болды*—выпив это, Айтюнюке не опьянел (букв. меры опьянения не было).

Послелог *учун*

Послелог *учун*—служит формой выражения синтаксической связи обстоятельства цели и причины. По синтаксической функции соответствует русским предлогам: для, ради, из-за, за, вследствие.

Происхождение послелога *учун* не ясно. Или это застывшая форма винительного падежа, или неразложимая основа, которая когда-то содержала в себе значение, связанное с целью и причиной, но впоследствии утратила самостоятельное значение и стала осмысляться только как грамматический элемент.

В современном языке *учун* представляет собой послелог с разнообразными лексико-грамматическими значениями, оттенки которого зависят не только от семантики имени, с которым сочетается послелог, но и от семантики глагола—сказуемого. Поэтому послелог *учун* необходимо рассматривать с точки зрения его лексико-грамматической значимости.

Послелог *учун* в сочетании с именами и именными формами глагола, а также с личными местоимениями служит для указания на предмет, который является поводом для суждений, мыслей, чувств и по значению соответствует русским предлогам за, ради, для, напр., *Төрөл учун!*—За Родину!; *Ада Төрөл учун мен канымның калганчы тамчызына јетире туружарым*—за Родину я буду биться до последней капли крови; *СССР амыр-энчү учун туружып јат*—СССР стоит за мир; *олор Төрөл учун јуулашкан*—они сражались за Родину; *мен сениг учун*—я за тебя; *менинг учун түймебегер*—за меня не беспокойтесь.

В сочетании с личными местоимениями послелог *учун* управляет неопределенным и родительным падежами и означает причину—в значении из-за, о, обо, напр., *ол менинг учун оройтыган*—он опоздал из-за меня; *азыраган балдарым јок, менинг учун кем ыйлаар?*—нет у меня детей, кто будет плакать обо мне?

В сочетании с именными формами глагола—причастиями послелог *учун* передает содержание придаточных предложений причины и цели (в значении за то, что: ввиду того, что, вследствие того, что, напр., *өлүмнег мени айрыган учун, эр кемине јетирген учун, кара бажым кара јерге киргенче, слерди качан да ундубазым*—за то, что вы спасли мне жизнь и воспитали меня, я до смерти не забуду вас; *озодоң бери мени мекелеп, күчимди јиген учун, ичиг јарылзын*—пусть лопнет твоя утроба за то, что ты обманывал меня с давних пор, эксплоатировал, ел мою силу; *кар орой түшкен учун, анчылар ангдаар өйин өткүрип салды*—вследствие того, что снег выпал поздно, охотники пропустили время охоты; *докладчик келбеген учун, јуун болбос;* собрание не будет ввиду того, что не пришел докладчик.

Кроме того, в этом же сочетании послелог *учун* образует в предложении оборот, соответствующий русскому придаточному причины и следствия (в значении: потому что, поэтому) напр., *ого бош јок болгон учун, ол слерге келбеди*—он не пришел к вам потому, что у него не было свободного времени; *јерге калың кар түшкен учун, бу јыл аштың түжүми бай болор*—нынче будет богатый урожай, потому что выпал глубокий снег.

В остальных случаях послелог *учун* выражает количественный и качественный эквивалент, напр., ***трудкӯн учун канчаны алдыҥ?***—сколько ты получил на трудодень?; ***трудкӯн учун мен он салковой алдым***—на трудодень я получил десять рублей; ***јакшы иштеген учун сый алган***—за хорошую работу он получил премию.

Следовательно, разница смысловых оттенков послелога *учун* зависит от характера внутренней связи с управляемым словом. Послелог *учун* в сочетании с одними именами выражает только цель, с другими—причину и цель и с третьими причину и следствие.

Послелог *улам*

Послелог ***улам***—в современном языке застывшая форма, состоящая из глагола ***ула***—(надставить, соединить концы) и словообразовательно аффикса «М».

Улам в сочетании с послелогом ***сайын*** имеет значение, соответствующее значению русских слов—всегда, постоянно.

В сочетании с именами в исходном падеже выражает форму обстоятельства причины и соответствует русскому предлогу из-за, от, напр., ***ол неденҥ улам келбеди?***—из-за чего (он) не пришел?

Послелог *улам* в сочетании с причастиями на—***ган*** в исходном падеже передает содержание придаточного предложения причины, напр., ***оныҥ јӯре бергенинеҥ улам кунугып турбай***—(я) скучаю из-за того, что он уехал; ***уулы узак јанбай турганынаҥ улам, энезиниҥ санаазы токунабай турды***—мать не могла успокоиться из-за того, что сын долго не возвращался (домой).

Послелог *ошкош*

Послелог ***ошкош***—подобный, подобно в сочетании с именами служит формой выражения синтаксической связи обстоятельства сравнения, сопоставления, уподобления.

Послелог ***ошкош*** сочетается с любой частью речи и поэтому круг, выражаемых им отношений, довольно обширен.

Сочетаясь с именами существительными ***ошкош*** выражает подобие, сходство, употребляется при сравнении по качеству. По значению соответствует русским словам подобно, словно, как, напр., ***ондый мекечи, саҥыс ошкош јапшынчак сӧсти, Керек-јок угуп чыдажып болбоды***—такие лживые (подхалимские) слова Керек-Иок не мог слушать равнодушно; ***јабызак сынду, тӯлкӯ ошкош јылбыҥдууш јӯстӯ кижини эмдиге јетире ундубагам***—он до сих пор не забыл человека низенького роста, с лицом вертлявой лисы; ***оны уккан Айбычы бай болот ошкош изий берди, јер ошкош карара берди***—услышав это Айбычи бай разозлился (раскалился) как сталь, почернел как земля; ***Караты-Каан тенери ошкош кӯзӯреди, темир ошкош шыҥкылдады***—Караты-Хан загремел как гром, зазвенел как железо; ***кӧргӧн кӧзи чолмон ошкош, бӯткен бойы алтын ошкош***—глаза ее были словно звезды, сама она была подобна золоту.

Сочетаясь с причастиями на—***ар ошкош*** выражает оттенок неуверенности, предположительной возможности. В этом случае ***ошкош*** соответствует русской модальной частице: кажется, похоже, напр., ***эҥиргери кар болор, ошкош***—похоже, что к вечеру будет снег; ***ӯйде бир де кижи јок, ошкош***—кажется, дома никого нет; ***мында кижиниҥ изи де баспаган, ошкош***—здесь, кажется не ступала нога человека.

Послелог ***ошкош,*** сочетаясь со спрягаемой формой глагола принимает аф-

фикс сказуемости, напр., ***мен слерди билер ошкожым***—я, как будто, вас знаю; ***сен кече ого туштаган ошкожын***—ты, как будто, вчера встречался с ним; ***ол бу бичикти кычырбаган ошкош***—он, как будто, не читал эту книгу.

Сочетаясь с прилагательными, числительными и некоторыми местоимениями, чаще с указательными, послелог ***ошкош*** выражает оттенок неуверенности при сравнении по качеству. По значению соответствует русскому как-будто, вроде, кажется, напр., ***чепкеннин өни көк, ошкош***—цвет сукна как будто, синий; ***бу ошкош***—кажется этот.

Сочетаясь с личными местоимениями ***ошкош*** выражает сходство, подобие. В этом случае соответствует русским частицам как, такой же, как, напр., ***ол, сен ошкош, карган***—он стар, как ты; ***ол, сен ошкош, иштемкей***—он такой же, как ты, работяга; ***мен ошкош јабызак сынду***—такой же, как я, маленького роста; ***слер ошкош***—такой же, как вы.

Послелог ***чылап*** и его фонетический вариант ***чилеп***, являются синонимами послелога ***ошкош***. Также как и послелог ***ошкош***, они сочетаются со всеми частями речи и выражают отношения по качеству и соответствуют русскому как, напр., ***оныҥ јӱзи кар чылап агара берди***—его лицо побелело, как снег; ***кеен јараш Алтайым, кебис чилеп јаранды***—прекрасный, обширный мой Алтай, стал нарядным, как ковер; ***кулун чылап киштеп ийди, куу чылап кожоҥдоп ийди***—заржал как жеребенок, запел как лебедь; ***булут кептӱ табарышты, бука чылап сӱзӱшти***—как тучи надвинулись друг на друга, бодались как быки.

В сочетании с причастной формой на—***ган*** послелоги ***чылап*** и ***чилеп*** выражают обстоятельство образа действия с сравнительным или уподобительным оттенком, напр., ***онон өскө неме таппаган чылап, ол јаар көстөп тура калды***—он смотрел на него, точно ничто другое его не интересовало; ***ол јердеҥ нени де көдӱрерге турган чылап, бөкөйип турды***—он нагнулся к земле, как будто что-то хотел поднять; ***ол нени де оҥдобой турган чылап турды***—он стоял, как будто ничего не понимая.

В сочетании с личными местоимениями послелоги ***чылап*** и ***чилеп*** выражают подобие, сходство и передают содержание придаточных сравнительных (по качеству). По значению соответствуют русским сравнительным союзам как, так же, напр., ***оны сени чилеп кеен кийиндирзе, ол сенеҥ јараш болор***—если ее одеть также, как тебя, то она будет красивее тебя; ***мен сен чилеп иштеерим***—я стану работать также, как ты.

Послелог *б ы л а - л а*

Послелог—***была-ла*** служит формой выражения синтаксической связи косвенного дополнения совместного действия. Краткая форма послелога ***ла*** развилась из полного варианта послелога ***была***. Утратив положение самостоятельного значения в составе предложения, полный вариат послелога ***была*** переродился в послелог-аффикс ***ла*** и испытывает все фонетические изменения, присущие аффиксу, т. е. ***ла***, с управляемыми словами пишется слитно и подвергается действию гармонии гласных. Полный же вариант послелога ***была*** и его фонетический вариант ***биле*** занимает в составе предложения самостоятельное положение отдельного слова и не подвергается действию гармонии гласных. В современном литературном языке принят краткий вариант, но в разговорном языке и в языке фольклора оба варианта существуют параллельно.

Послелог ***ла*** выражает значения, обозначающие сопровождение, посредничество, совместность, соучастие, а также выражает пространственные и временные отношения, значения образа и способа действия и инструментальное значение.

Послелог ***ла*** чаще употребляет с неопределенным падежом имен существительных, прилагательных, числительных и некоторых местоимений.

Основным значением послелога *ла* является сопроводительное значение, выражающееся:

а) в участии предмета в данном действии, как субъекта действия, напр., ***менинг уулым онынг улыла јаңыс школдо үренген***—мой сын с его сыном учился в одной школе;

б) в участии предмета в данном действии, как объекта действия, напр., ***бис чайды сүтле ичип јадыс***—мы чай пьем с молоком; ***талканды сарјула да јийтен***—талкан (толокно) едят и с маслом; ***чайды сахырла ичип јат***—чай пьют с сахаром;

в) в характеристике действия, напр., ***Керек-Јоктынг энези, уулынынг ырызына сүгүнип, бойы да ырысту јадынду јада берди***—мать Керек-Нока, радуясь счастью своего сына, сама начала жить счастливой жизнью; ***араай үниле кожоңдоды***—(он) пел тихим голосом; ***јаан уртамла ичти***—пил большими глотками.

Сочетаясь с существительными, обозначающими одушевленные предметы (человека) послелог *ла* имеет сопроводительное значение и по функции соответствует русскому предлогу с, со, напр., ***ада энезиле күндү Алтайына јүре берген***—со своими родителями (он) уехал в свой солнечный Алтай; ***Малчыла нөкөр болуп, экү кожо јандыбыс***—мы с Малчы (имя) возвращались вдвоем, как товарищи; ***Сай-Солон эрлү баатыр Быянсу деген эжизиле эптү, нак јуртай бердилер***—могучий богатырь Сай-Солон со своей женой Быянсу зажили дружно; ***чөөчөйди кожонг была чүмдеп бер***—рюмку с вином подай красиво, с песней.

Для более отчетливого выражения совместного действия послелог *ла* и *была* употребляется с сопроводительным словом ***кожо***—вместе, сообща, рядом, напр., ***оноң ары Тастаракай Кодыр-Уулла кожо јелип ийди*** (дальше Тастаракай (соб. имя) поехал рысью вместе с Кодыр-Уулом; ***ол оныла кожо јер сайын јүрген болгон***—он всюду ездил с ним вместе (по разным местам); ***эргек биле шоорлогон, эрди биле кожоңдогон***—большим пальцем на дудке играл, губами пел; ***үренчиктер, үредүчизиле кожо, колхозто иштеген***—ученики, вместе со своим учителем, работали в колхозе.

В сочетании с причастием на ***ган*** и ***ар*** послелог ***ла-была*** соответствует предлогу по, судя по, с и управляет родительным падежом, напр., ***онынг айтканыла болзо, анда сүрекей јакшы***—судя по его словам, там очень хорошо; ***јастынг башталарыла кожо, кара барчыктар учуп келет***—скворцы прилетают с началом весны.

Послелог ***ла-была,*** присоединяясь к словам, обозначающим орудия действия, выражает инструментальные значения в прямом и переносном смысле, напр., ***озодо өлөңди чалгыла чапты, тырмуушла јууды***—раньше траву косили косой, собирали граблями; ***ол тоныла јамынып турды***—он накрывался шубой; ***копчынынг оозын алтынла да јаап болбозынг***—рот сплетника не закроешь и золотом.

Послелог ***ла (была),*** присоединяясь к словам, обозначающим средства и способы передвижения также выражает инструментальное значение, но в другом плане, нежели как указано выше, напр., ***сууны кечире кемеле кечтибис***—через реку (мы) переплыли на лодке (букв. лодкой); ***Москвага јетире олор самолётло учуп барды***—в Москву они полетели на самолете (букв. самолетом), ***бу јолло барзабыс, аспас болорыс***—если мы пое[illegible] этой дорогой, наверное, не заблудимся.

Послелог ***ла-была,*** в сочетании с абстрактными словами утрачивает значение орудия действия и приобретает полную отвлеченность. По значению соответствует русскому предлогу с, напр., ***келип јаткан байрамла (байрам была) уткуп турум***—поздравляю (вас) с наступающим праздником; ***чыккан күниле (күни биле) уткудыбыс***—(мы) поздравляли (его) с днем рождения.

Присоединяясь к служебным словам, выражающим пространственные значения, напр., ***алд, кийин, үст, орто, ара, түб*** и др. ***ла-была*** имеет пространственное же значение, означающее что действие происходит по всей поверх-

ности предмета или на всем его протяжении, напр., ***суунынг алдыла jўзетен кеме***—лодка, которая плавает под водой; ***сугуштар суунынг ўстўле jўзўп турды***—утки плавали по поверхности воды; ***мал агаштынг аразыла таркажа берди***—скот разбрелся по лесу; ***самолёт теңеринин тўбиле учуп турды***—самолёт летел по поднебесью; ***jолдынг ортозыла аайы jок көп машиналар ёдўп турды*** — по середине улицы проходило множество машин; ***эжик алдыла эбирип аккан кара талайына jес кармагын салган***—в черное море, протекающее вокруг дома, (он) закинул медную удочку ***Караты-Каан jерин көстöп, агаштынг бажыла учуп ийди***—Караты-Хан, обозревая свои владения, полетел по верхушкам деревьев; ***ак булуттынг ўстўле, алтын кўннинг алдыла, Алтын-Тана ла Алтын-Чачак Айтўнўкеге учуп келди***—по поверхности белых облаков, по поднизу золотого солнца, Алтын-Тана и Алтын-Чачак прилетели к Айтюнюке; ***теңерининг тўбиле учуп, телекейдинг ўстўле jелип...***—(он) летал по поднебесью, ездил рысью по поверхности земли...

II. СЛАБО ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЕ ПОСЛЕЛОГИ.

Эта группа служебных слов по синтаксической функции подразделяется на служебные слова, выражающие форму синтаксической связи: а) обстоятельства места; б) обстоятельства времени; в) обстоятельства меры; г) обстоятельства причины и следствия; д) обстоятельства сопоставления и противопоставления; е) обстоятельства соотношения и ж) обстоятельства образа и способа действия.

1) Служебные слова, выражающие форму синтаксической связи обстоятельства места (в пространственном отношении).

Послелог *и ч*

Послелог ***ич*** образовался из имени существительного со значением нутро, внутренность.

В форме трех пространственных падежей—***ичине, ичинде, ичинен*** в сочетании с именем в родительном падеже представляет собою служебное слово—послелог, который выражает форму синтаксической связи обстоятельства места. В грамматических падежах ***ич*** сохраняет значение знаменательного слова, напр. ***Эрлик-Бийдинг өргөзининг темир эжиги тоштый кайылып тўже берди, өргөнинг ичи jарый берди***—железная дверь (дворца) Эрлик-Бия, растаяв как лед опустилась, внутренность дворца осветилась; ***айыл ичининг jазалы айга, кўнге мызылдай берди***—внутреннее убранство айыла заблестело от солнца и месяца; здесь в обоих примерах ***ич***—(его нутро) употреблено в знаменательном значении.

Слово ***ич*** в устойчивых сочетаниях теряет в той или иной мере самостоятельную значимость, и только буквальный перевод обнаруживает присутствие этого слова: ***ичим ачып jат***—я тоскую (букв. моё нутро болит); ***оныг ичин кем билер?***—кто знает, каков он? (букв. кто знает его нутро); ***ичинг jарылзын***—чтоб тебе лопнуть, (букв. пусть лопнет твоё нутро); ***ичи акту кижи***—справедливый человек (букв. его нутро невинно); ***ичиме кирбей jат***—мне не нравится (букв. в моё нутро не входит); ***ичи кара сагышту***—злодей, злоумышленник (букв. в его нутре черные мысли).

Как служебное имя ***ич*** означает, в зависимости от формы падежа, движение во внутрь чего—либо, или нахождение предмета внутри чего либо, или нехождение предмета из чего либо, конкретизируя пространственные отношения между предметами более точно, чем в тех случаях, когда эти отношения определяются падежными формами.

Напр., в выражении ***туранынг ичине***—во внутрь дома мы видим точное указание на то, куда именно направить предмет, тогда как падежная форма ***турага*** не дает конкретного указания, в какую часть дома направлен предмет или действие. В языке живут обе формы, но там, где нужно определить точнее про-

странственные отношения, они уточняются послелогом. Точно так же местный и исходный падежи: ***турада***—в доме и ***турадан***—из дома—не совсем точно передают пространственные отношения, чем в конструкциях, где эти отношения передаются с помощью послелога, ***туранын ичинде***—в доме (букв. внутри дома) и ***туранын ичинен***—из дома (букв. изнутри дома).

Таким образом, роль любого послелога этого рода сводится к синтаксической связи двух слов, из которых одно управляет падежом другого, уточняя пространственные взаимоотношения.

Ич в форме дательного падежа ***ичине*** указывает на движение предмета во внутрь чего-либо и соответствует русским предлогам в, на, напр., ***Сынаруны кайырчактын ичине салала, туй кадап салды***—посадив Сынару (собственное имя) в ящик, (он) забил его наглухо: ***Марчалунын ичине кара түн өнөлөп түшти***—темная ночь подкралась и спустилась на Марчалу (назв. населенного пункта); ***јалан ичине айдап экелген малдын тоозы ума јок болгон***—количество скота, пригнанного в поле, было бесчисленно (букв. во внутрь поля); ***аракыны тажуурдын ичине уруп ийеле, тажуурды канјалап салды***—влив вино в ташаур, (он) привязал его к седлу.

В форме местного падежа ***ич*** является послелогом, уточняющим место действия, указывая, где находится предмет. По значению соответствует предлогам в, во, но, напр., ***үч келин үчүлези айыл ичинде отурып, эш неме иштегилебеди***—три молодые женщины сидели в аиле и все втроем ничего не делали; ***бу өзөк ичинде јаткан албаты—ончозы бичикчи***—население, живущее по этой речке (в долине этой речки) все грамотные; ***өргө ичинде Караты-Кааннын алты күйүлери байдастанып отурды***—во дворце сидели, поджав ноги, шесть зятьев Каратыи-Хана (собст. имя): ***база ла көрүп турар болзо, кара куйдын ичинде көс тайкылар чүм болды***—осмотревшись еще раз, (он увидел) в черной пещере ослепительное убранство.

В форме местного падежа послелог ***ич*** в сочетании с именем, обозначающим время, выражает также обстоятельство времени, соответствующее послелогу ***турунына;*** напр., ***эки күннин ичинде эдип беречи болгон***—обещал сделать в течении двух дней (букв. внутри двух дней). В этом случае ***ичинде*** понимается как в течение.

В форме исходного падежа послелог ***ич*** передает пространственные отношения со значением, что действие исходит изнутри, из среды предмета, напр., ***айылдын ичинен көргөндө, јер түжүп, өрө көдүрилип, бийик кырларга түнейлеже бергендий көрүнет***—когда смотришь из айыла, земля будто опускается, вверх поднимается, и, кажется, сравнивается с высокими горами; ***барар јолдын ичинен***—с дороги, по которой нужно было ехать; ***тайга ичинен айу багырып чыкты***—из тайги с ревом вышел медведь (букв. изнутри тайги).

В этом случае послелог ***ич*** понимается как послелог ***орто*** в форме исходного падежа ***ортозынан*** из средины, со средины.

Послелог *о р т о*

Послелог ***орто*** представляет собою имя существительное, со значением середина, промежуток, расстояние между двумя предметами: центр предмета.

В служебном значении, в форме трех локальных падежей, слово ***орто***, управляя неопределенным и родительным падежами, уточняет пространственные отношения между словами, указывая направление (куда) в какую часть предмета: нахождение (где) в какой части предмета и исхождение (откуда) из какой части предмета.

В форме дательного падежа ***ортозына***—в середину, до середины, во внутрь чего-то, соответствует русским предлогам в, до, между, напр., ***агаш таштын ортозына кысталыжып калган***—застрял среди лесов и камней; ***айак-***

—*казан ортозына канайып јажынбас болдым*—как это я не мог спрятаться между посудой: *тайганың ортозына киреле, көрөр-көрбөс немеден чочып токтой берди*—войдя в тайгу, он увидел нечто страшное, вздрогнул и остановился; *јолдың ортозына једеле, ойто бурулды*—доехав до полпути, он вернулся обратно.

Помимо этого, *орто* с аффиксами принадлежности I и II лица мн. числа в форме дательного падежа употребляется в абстрактном значении, напр., *бистиң ортобыска киришпеер*—вы не вмешивайтесь в наши дела (букв. в нашу середину); *слердиң ортогорго кем де киришпей јат*—никто не вмешивается в ваши дела (букв. в вашу середину); *ортобыска бөркөш салбагар*—не сейте вражды между нами, или не портите наших отношений.

В форме местного падежа *ортозында* указывает на то, где, в какой части чего-то находится предмет, или где совершается действие. По значению соответствует русским предлогам среди, посреди, в, напр., *агаштың ортозында кыйгы чыкты*—в лесу раздался крик (букв. в середине леса крик вышел); *тымык карағуй түннің ортозында кайда да араай чөйө тартылган кожоң угулды*—в тихую темную полночь, откуда-то, неслось тихое протяжное пение; *аттарын агаш ортозында таштагылап, бойлоры качып јүре бергендер*—бросив лошадей в лесу, сами убежали (букв. своих лошадей в середине леса бросив, убежали); *слердиң ортогордо кемеер командир?*—кто из вас командир? (букв. среди вас кто командир?); *бистиң ортобыста отличниктер көп*—среди нас много отличников.

Послелог *орто* в форме местного падежа *ортозында* не только уточняет пространственные отношения, но в сочетании с именем, обозначающим время, выражает и временные отношения. В одном случае *ортозында* является синонимом послелога *туркунына*—в течение, соответствует русскому предлогу за, напр., *бу неделениң ортозында ижимди бүдүрип салар болорым*—наверное, я свою работу сделаю в течение этой недели; *эки айдың ортозында биске көп иш бүдүрип салар керек*—в течение двух месяцев нам предстоит сделать много работы (букв. в середине этих двух месяцев нам надо много работы выполнить). В другом случае послелог *ортозында*, в зависимости от лексического значения предшествующего ему слова, выражая временное значение, соответствует русскому предлогу *в*, напр., *түн ортозында једип келди*—прибыл в полночь; *түш ортозында башталган иш энирде ле бүтти*—работа, начатая в полдень, была закончена только к вечеру.

В форме исходного падежа послелог *орто* пространственные отношения выражает указанием на то, что исходным пунктом действия служит середина чего-то. По значению соответствует русским предлогам среди, из, от, напр., *кара булут ортозынаң казыр кыйгы угулды*—из черных туч послышался грозный крик (букв. из середины черных туч грозный крик послышался); *каптар ортозынаң нени де таппазың деп, Алтын-Туулай айтты*—не найти тебе ничего среди мешков сказала Алтын-Туулай (собств. имя); *ол албаты ортозынаң чыккан атту-чуулу баатыр болгон*—он был прославленный герой, вышедший из народа (букв. он из середины народа вышедший прославленный богатырь был); *сыйынын јон ортозынаң бедреп јүрди*—(он) искал свою сестру среди народа; *јуунда отурган улустың ортозынаң бир кижи колын көдүрди*—из присутствующих на собрании один человек поднял руку (попросил слово).

В грамматических же падежах *о р т о* приобретает значение реального слова со значением середина, промежуток, половина, средний, напр., *јол ортозын өдүп келди*—прошел полпути (букв. середину пути прошел); *бистиң айылдарыбыстың ортозы јаан эмес*—расстояние между нашими домами небольшое; *уулы орто школдо үренип јат*—его сын учится в средней школе;

Керек-Јок орто сынду, јалбак јарынду уул болгон—Керек-Пок (собств. имя) был парень среднего роста, с широкими плечами; *слердиң*

ле бистиҥ ортобыс јаҥыс—между вами и нами нет разницы (букв. ваша и наша середина одна).

О р т о, слившись в одно слово со словами *тал* и *кап*, употребляется в значении ровно, точно, половина и представляет собою синоним слову *јарым*, напр., *тал ортозын кезип берди*—отрезал ровно половину; *чӧрчӧкти тал ортозына ла јетире кайлап берди*—сказку рассказал только до половины; *акчаныҥ кабортозын берди*—из денег дал половину; *энчиниҥ кабортозын алды*—(он) получил половину наследства.

Послелог *а р а*

Послелог *а р а* образовался из имени существительного со значением промежуток, середина, расстояние между двумя и более предметами. В сочетании с именами, в форме трех пространственных падежей—*а р а* управляет неопределенным и родительным падежами и выступает в значении служебного слова—послелога, выражающего форму обстоятельства места.

Послелог *а р а* в форме дательного падежа *а р а з ы н а* уточняет пространственные отношения, указывая направление в середину двух и более предметов.

По значению соответствует русским предлогам в, между, напр., *эки кобыныҥ аразына кирген малды бедреерге керек болгон*—нужно было найти скот, который находился между двумя логами; *агаштыҥ аразына киреле, барар јолын таппай калды*—войдя в лес, он заблудился (букв. войдя в середину леса, он потерял дорогу, по которой должен был идти); *тӧрӧгӧндӧрдиҥ керектери аразына киришпей јӱрди*—(он) не вмешивался в дела родственников (букв. в середину родственников не вмешиваясь ходил).

А р а в форме местного падежа *а р а з ы н д а* выражает пространственные отношения и по значению соответствует русским предлогам в, между, напр., *Марчалу ла Јолдуныҥ аразында јаткан улуска јерди теҥ ӱлеп берди*—землю разделили поровну жителям, живущим между (селениями) Марчалу и Йолду; *эки агаштыҥ аразында кысталып калган*—застрял между двух деревьев; *ол экӱдиҥ аразында ӧӧркӧш*—между ними ссора, т-е. они поссорились.

Кроме того послелог *а р а* в форме местного падежа выражает форму обстоятельства времени, параллельно послелогу *о р т о* в форме местного падежа, напр., *бу ла эки кӱнниҥ аразында келер болгон*—обещал быть в эти два дня (букв. между этими двумя днями); *тӱн аразында кенетийин мылтыктыҥ табыжы угула берди*—вдруг среди ночи послышался выстрел.

А р а в форме исходного падежа *а р а з ы н а ҥ* выражает пространственные отношения и по значению соответствует русскому предлогу из, у, напр., *тайганыҥ аразынаҥ јӱк арайдаҥ чыга бердис*—кое-как мы выбрались из лесу; *кичӱ карындажы Сынару сыйынын јон улустыҥ аразынаҥ сурап, бедреп јӱрди*—младший брат разыскивал свою сестру Сынару, спрашивая у народа.

Послелог *а л д*

Послелог *а л д* образовался из имени существительного со значением перед, низ, нижняя часть, плоскость чего-либо.

В грамматических падежах *алд* сохраняет своё основное значение знаменательного слова: перед, спереди, напр., *чамчаныҥ алды эскирип калган*—перед рубашки износился; *тоннныҥ алдын ӱймап салтыр*—перед шубы запачкал; *сол кулагыла јердиҥ алдын тындап тура берди*—левое ухо приложил к земле и стал прислушиваться к звукам подземелья; *база бирде угуп турза, јердиҥ алды кӱӱлей берди*—и слышит он дважды, что низ земли (подземелье) гудит.

В служебном значении *а л д* употребляются в качестве послелога, выражающего разного рода пространственные отношения, выражая форму синтаксической связи обстоятельства места.

В форме дательного падежа ***алдына*** (послелог ***алд***) выражает пространственные отношения и по значению соответствует русским предлогам перед, под, к, напр., ***ол Челмештиҥ алдына тизеленип отурды***—перед Челмешем (он) встал на колени: ***ойто мени јер алдына кыйнабай божодыгар***—отпустите меня обратно под землю, не мучайте; ***Караты-Кааннынҥ кичӱ кызы, адазына келеле, алкыш сурап, бут алдына тӱшти***—младшая дочь Караты-Хана, придя к отцу, поклонилась в ноги, прося благословения; ***эки кӧстиҥ алдына арга јоктыҥ чийӱзи тереҥ тартылганы јарт болды***—было ясно (видны) глубокие, тянувшиеся под глазами, неизбежные линии (морщины); ***онынҥ алдына отурды***—он сел перед ним.

В форме местного падежа *а л д ы н д а* послелог ***алд*** выражает пространственные отношения и по значению соответствует русским предлогам под, впереди, внизу, напр., ***бийик јардыҥ алдында суунынҥ табыжы кӱкӱрттиҥ табыжына теҥ бодолды***—шум реки под крутым яром был похож на раскаты грома; ***јер алдында јӧӧжӧ албатынынҥ јӧӧжӧзи***—недра земли—богатство народа (букв. богатство под землей—народное богатство); ***кайырчактыҥ алдында јаткан кӱлӱчти алып берди***—достала ключ, лежащий под ящиком и подала ему.

Кроме того ***а л д*** в форме местного падежа в сочетании с именами, обозначающими время, выражает временные отношения, напр., ***јуун алдында келген***—он приехал перед собранием; ***городтоҥ олор эҥир алдында келген***—из города они приехали под вечер; ***таҥ алдында башталган адыш тӱшкери ле токтоды***—стрельба, начавшаяся перед рассветом, закончилась только к полудню; ***атанып јанар алдында мынайда јакыган...***—перед отъездом домой он так наказывал...

В форме исходного падежа *а л д ы н а ҥ* послелог ***алд*** выражает пространственные отношения и по значению соответствует русским предлогам из, из-под, напр., ***ат алдынаҥ кара тӱлкӱ ары болуп маҥтай берди***—черная лиса выскочила из-под (передних) ног лошади и побежала; ***бут алдынаҥ алтын чыгар*** (фольклор)—из-под ног золото будет выходить; ***јер алдынаҥ табыш угулды***—из-под земли слышился шум; ***јадык алдынаҥ јылан чыкты***—из-под валежника выползла змея.

Примечание: в сочетании с возвратным местоимением ***бойы*** послелог ***алд***, в форме исходного падежа, образует устойчивые сочетания: ***алдынаҥ бойы***—самостоятельно; ол ***алдынаҥ бойы јадып јат***—он живет самостоятельно; ***алдынаҥ бойоор бодозоор***—решайте самостоятельно.

С аффиксами принадлежности I и II лица ед. и мн. числа, послелог ***алд*** в форме дательного, местного и исходного падежей также выражает пространственные отношения; напр., ***алдыма бир тажуур аракыны тургусты***—поставил передо мною один ташаур вина; ***алдыгарга тизеленбезим***—(я) не встану перед вами на колени.

Кроме того послелог ***алд*** в форме местного падежа с аффиксами принадлежности I и II лица ед. и мн. числа употребляется в переносном значении, напр., ***алдыбыста турган задачалар***—задачи, стоящие перед нами.

Послелог *ӱ с т*

Ӱ с т, являясь по форме существительным, обозначающим верх, поверхность, в качестве послелога выражает пространственные отношения. Также как и другие послелоги этого рода, послелог ***ӱст*** для выражения пространственных отношений употребляется в форме трех локальных падежах и управляет неопределенным и родительным падежами.

Ӱст в форме дательного падежа *ӱ с т ӱ н е*—выражает пространственные

отношения и по значению соответствует русским предлогам на и по, напр., ***Јердиҥ ӱстӱне калыҥ кар тӱшти***—на землю выпал глубокий снег (на поверхность земли выпал глубокий снег); ***тӧӧниҥ ӱстӱне јокту Челмеш отурып, ачу корон ыйлай берди***—бедный Челмеш сел на верблюда и горько заплакал; ***јаш ӧлӧҥниҥ ӱстӱне отурганча, ол јылу јалбак таштыҥ ӱстӱне отураар***—чем сидеть вам на сырой траве, садитесь на теплый, широкий камень, (букв. на поверхность того теплого широкого камня садитесь); ***ак кийистиҥ ӱстӱне аказын јаттыргызып койды***—уложил своего брата на белую кошму (букв. на поверхность белой кошмы); ***туман јердиҥ ӱстӱне јайылып турды***—туман расстилался по земле (букв. туман расстилался по поверхности земли); ***айткан сӧзи кӱкӱрт кепту, Алтай ӱстӱне јаҥылана берди***—сказанные им слова, как гром разнеслись по Алтаю (из эпоса); ***айры-тейри ӱндери Алтай ӱстӱне јаҥыланып турды***—нескладные голоса их разносились по Алтаю.

Кроме всего, послелог ***ӱст*** в форме дательного падежа—***ӱстӱне***, управляя родительным падежом, выражает форму обстоятельства меры и по значению соответствует русским предлогам сверх того, кроме, того, напр., ***ишшеп алган аштыҥ ӱстӱне он муҥга јуук акча алган***—кроме заработанного хлеба (он) получил около десяти тысяч денег; ***ӱстӱне неме кошподы***—больше (сверх того) ничего не прибавил.

Примечание: послелог ***ӱстӱне*** образует фразеологические сочетания, обозначающие обилие чего-нибудь, напр., ***тон ӱстӱне тон, ӧдӱк ӱстӱне ӧдӱк***—шуба на шубе, сапоги на сапогах (в смысле: имеет много всего—шуб и сапог); ***сыгыт ӱстӱне сыгыт болды, онту ӱстӱне онту турды***—был страшный стон и плач (букв. плач на плаче был, стон на стоне стоял).

Ӱст, в форме местного падежа ***ӱстӱнде*** выражает пространственные отношения, обозначающие, что действие совершается наверху, на поверхности предмета. По значению соответствует русским предлогам на, над, напр., ***айак-казан столдыҥ ӱстӱнде турды***—посуда стояла на столе. В этом случае послелог ***ӱстӱнде*** указывает, что посуда непосредственно примыкала к поверхности стола. Подобное значение он имеет и в других примерах: ***улус јажыл ӧлӧҥниҥ ӱстӱнде байдастанып отурды***—люди сидели на зеленой траве, поджавши под себя ноги; ***ак ширдектиҥ ӱстӱнде Кан-Айуты отурды***—на белых кошмах сидел Кан-Айуты (собств. имя).

В тех случаях, когда предмет не примыкает непосредственно к плоскости другого предмета, язык также пользуется этим послелогом, который соответствует предлогу над, напр., ***лампа столдыҥ ӱстӱнде илинип турды***—лампа висела над столом; ***кан-кереде кайаныҥ ӱстӱнде кайып турды***—орел парил над утесом.

Ӱст в форме исходного падежа ***ӱстӱнеҥ*** выражает пространственные отношения, означающие, что действие совершается сверху, с поверхности предмета, названного в предшествующем слове. По значению соответствует русским предлогам с, со, напр., ***эки баатыр, ат ӱстӱнеҥ тӱшпей, болот ӱлдӱлерле чабыштылар***—два богатыря, не сходя с лошадей, ударяли друг друга стальными саблями; ***Ӧскӱс-Уул кап ӱстӱнеҥ каткырганча туруп келди***—Ӧскӱс-Уул со смехом поднялся с мешка; ***кар јер ӱстӱнеҥ кайылып тӱже берди***—снег, расстаяв, сошел с земли (с поверхности земли); ***ат ӱстӱнеҥ кол тудужып, амыр-јакшызын угуштылар***—не сходя с лошадей, пожали друг другу руки, справились друг у друга о благополучии.

В грамматических падежах ***ӱст*** сохраняет значение знаменательного слова поверхности, верха чего-либо, напр., ***ӱстӱнеҥ тӧмӧн***—сверху вниз; ***јердиҥ ӱстин бийлегенибис, јетен кааанды бактырганыбыс***—овладели землей, (мы) покорили семьдесят царей; ***кӱнниҥ изӱ чогынаҥ јердиҥ ӱсти эрип турды***—земля томилась под знойным солнцем (букв. поверхность земли томилась под знойным солнцем).

Послелог кийин

Послелог ***кийин*** происходит от самостоятельного слова со значением задняя сторона, задняя часть.

Находясь в притяжательно-определенных сочетаниях, послелог ***кийин***, как определяемое, в форме косвенных падежей теряет свое материальное значение и становится отвлеченным грамматическим элементом, выражающим форму обстоятельства места, указывая на сторону, где происходит действие, или указывает, что одно действие совершилось после другого.

Кийин в форме дательного падежа ***кийинине*** выражает пространственные отношения и указывает, что действие направлено на заднюю сторону предмета. По значению соответствует русскому предлогу за, напр., ***бозуларды айылдыҥ кийинине апарып кӱт***—угони телят за аил и паси; ***чечектерди кӧзнӧктиҥ кийинине таштап ийди***—цветы выбросил за окно; ***бис јурттыҥ кийинине барала, Бий сууныҥ јарадында отурдыбыс***—мы отправились за село и сидели на берегу реки Бия.

Кийин в форме местного падежа ***кийининде*** выражает пространственные отношения и указывает, что действие происходит позади, по ту сторону, у задней стороны предмета. По синтаксической функции послелог ***кийининде*** соответствует русским предлогам за, позади, напр., ***столдыҥ кийининде айылчылар отурды***—за столом сидели гости; ***бистиҥ јурттыҥ кийининде јылым кайалу бийик кырлар турат***—за нашим селом стоят высокие горы, с отвесными скалами)[1].

В сочетании с причастием прошедшего времени на-г а н, послелог ***кийин***, в форме местного падежа передает содержание придаточного предложения обстоятельства времени, напр., ***ажанып божогон кийининде, Ак-Алып куучынын онон ары узатты***—покушав, Ак-Алып продолжал свой рассказ дальше; ***онойдо јӧптӧшкӧн кийининде, эки баатыр айылдаҥ чыкты***—после того, как договорились, оба богатыря вышли из дому.

В форме исходного падежа ***кийининеҥ*** послелог ***кийин*** выражает пространственные отношения и указывает на исходный пункт—откуда, из чего исходит действие предмета. По синтаксической функции соответствует русским предлогам за, из-за, вслед, за, напр., ***кыр кийининеҥ кап-кара булут чыгып келди***—из-за горы появилась совершенно черная туча; ***таштыҥ кийининеҥ Катан-Коо чыгып келди***—Катан-Коо (собств. имя) вышла из-за камня; ***Ак-Бий адына минип алды, адазыныҥ кийининеҥ ары болуп јелип барды***—Ак-Бий (собств. имя) сел на своего коня и следом за отцом поехал рысью.

В сочетании с личными местоимениями в родительном падеже послелог ***кийин*** принимает лично притяжательные аффиксы ед. и мн. числа и в форме локальных падежей выражает обстоятельство места, напр. ***мениҥ кийиниме тур***—встань за мной (позади меня); ***сениҥ кийинииҥнеҥ турайын***—я встану за тобой (позади тебя); ***олор бистиҥ кийинибиске јетпес***—они не успеют за нами (не догонят нас); ***слердиҥ кийинигерге једерге кӱч***—за вами трудно успеть (за вами не успеешь); ***кийинимде кижи јок болгон***—за мной (позади меня) никого не было; ***кийинибисте келген эди***—он, кажется, шел за нами (позади нас); ***оныҥ кийининеҥ э ч и б е***—за ним не гоняйся.

Кроме прямого выражения формы обстоятельства места, послелог ***кийин***, в тех же сочетаниях, утрачивает пространственное значение и употребляется в переносном значении: напр., ***оныҥ кийининеҥ кӧрӱп тураар***—смотрите за ним (следите); ***ол ту мындадаҥ кийинигердеҥ јӱрӱ***—он уже давно ухаживает за вами (букв. ходит позади вас).

---

[1]) В форме местного падежа—кийининде—имеет самостоятельное значение наречий: потом, затем—кийининде айдарыг—расскажешь потом; кийининде не болды?—затем что было?

Послелог ј а н

Знаменательное слово *јан* бок, сторона, в соответствии со своим основным значением, в качестве служебного слова указывает на действие, которое происходит в какой-то определенной точке предмета.

В отличие от служебных слов *а л д, ӱ с т, к и й и н*—грамматические значения послелога *јан* возникают из пространственных значений падежей, в форме которых он, этот послелог, выступает в качестве служебного слова.

В форме дательного падежа *ј а н ы н а* выражает пространственные отношения и указывает направление к боку его, к стороне его, конкретизируя пространственные отношения, которые выражаются дательным падежом.

По синтаксической функции *ј а н ы н а* соответствует русским предлогам к, около, напр., ***айу кырдыҥ јанына талтаҥдап клеетти***—к горе шел медведь, покачиваясь из стороны в сторону; ***Байым-Сур баланы эжиктиҥ јанына тургузып койоор***—девушку Байым-Сур поставьте около двери; ***ат, баатырдыҥ јанына келеле, чӧгӧдӧп берди***—конь подошел к богатырю и пал на колени; ***коҥур айгырлу алтан бее айыл јанына маҥтап келдилер***—шестьдесят кобылиц с каурым жеребцом прибежали к айылу; ***айылчылар оттыҥ јанына байдастаныр отурып алдылар***—гости, поджавши ноги под себя, сели к огню.

Ј а н, в форме местного падежа *ј а н ы н д а*, выражает пространственные отношения и означает, что действие происходит в боку предмета, в стороне его. По синтаксической функции соответствует русским предлогам у, около, возле, напр., ***Ӧскӱс-Уулдыҥ айылыныҥ јанында ӱч тӧс кайыҥаш ӧзӱп турды***—около юрты Ӧскӱс-Уула росли три березки; ***кӱнбадыш јанында ак туман јер ӱстӱне тӱжӱп калтыр***—около запада спустился на землю белый туман; ***јол јанында айылдар турды***—около дороги стояли дома.

Ј а н в форме исходного падежа *ј а н ы н а ҥ*, выражая пространственные отношения означает, что действие исходит или начинается со стороны, от бока предмета. По синтаксической функции соответствует русским предлогам с, от, напр., ***эки тӱҥей самтар тайгыл айыл јанынаҥ маҥтай берди***—два одинаковых лохматых пса побежали от аила (букв. со стороны аила); ***јӱс баатыр кӱлӱмзиренип, алтын ӧргӧ јанынаҥ јорто берди***—сто богатырей, улыбаясь, отъехали от золотого дворца.

В сочетании с наречиями ***ары***—туда и ***бери***—сюда послелог *ј а н*, в тех же сочетаниях, сохраняет значение знаменательного слова—сторона, напр., ***кара талайдыҥ бери јанына бежен кӧжӧгӧ јергелей тартараар***—по эту сторону черного моря растяните рядами (одну за другой) пятьдесят занавесей; ***кырдыҥ ары јанында кӱӱктиҥ ӱни угулды***—по ту сторону горы слышался голос кукушки; ***тураныҥ бери јанынаҥ кӧрзӧ, таштаҥ эдилген деп кӧрӱнет***—если смотреть с этой стороны дома, то кажется, что он сделан из камня.

В грамматических падежах *ј а н* сохраняет свое основное материальное значение сторона, бок и принимает аффиксы принадлежности, напр., ***аттыҥ камчы јаны***—правый бок лошади; ***оҥ јаны***—правая сторона; ***сол јаны***—левая сторона; ***кажы јаны***—которая сторона; ***кажы јанына отурайын?***—с которой стороны можно сесть?

В притяжательно-определительных сочетаниях в позиции определяемого *ј а н*, в косвенных падежах, приобретает особое значение пространственных отношений, переходящих в конкретные, напр., ***ӧзӧктиҥ оҥ јанында кайыҥ агаш ӧсти***—по правому берегу речки росли березы; ***ончозы сол јанынаҥ ӧдӱп турды***—все проходили по левой стороне.

Послелог т ы ш

Послелог ***тыш*** образовался из основы существительного ***тыш*** наружная часть, внешняя сторона, снаружи. ***Тыш*** часто употребляется в форме винитель-

ного падежа—*т ы ш т ы*. В качестве послелога, в сочетании с именами, в форме трех локальных падежей, управляет родительным падежом.

В форме дательного падежа *т ы ш т ы н а* выражает пространственное отношение и указывает, что действие направлено за пределы предмета. По функции соответствует предлогам за, на, напр., *јайдыҥ изӯ кӯндеринде, город то јаткан албаты городтыҥ тыштына барып тыштанат*—в летние жаркие дни жители города отдыхают за городом; *улустыҥ табыжына чыдабай Керек-Јок айылдыҥ тыштына чыкты*—не выдержав шума (людского) Керек Йок вышел из аила.

В форме местного падежа *т ы ш т ы н д а* указывает, что действие происходит за пределами предмета—вне, за, снаружи, на улице, напр., *олор городтыҥ тыштында јаткылады*—они жили за городом.

В форме исходного падежа *тыштынаҥ* выражает пространственные отношения и указывает, что действие направлено из-за пределов предмета из внутри чего-либо, напр., *айылдыҥ тыштынаҥ ончозы турага кирди*—с улицы все вошли в избу; *кӧзнӧктиҥ тыштынаҥ бир де неме кӧрӯнбей јат*—из окна ничего не видно.

Слово *т ы ш* чаще встречается: а) в конкретных значениях—как наружность, внешность, верх, напр., *тонныҥ тышты кара чепкен болгон*—верх шубы был из черного сукна; *туранын тыштын черетеп салган болгон*—наружная часть избы была выбелена; б) в переносных значениях, напр., *тыш политиказы*—внешняя политика; в) в идиомах, напр., *тышты ак, ичи кара*—лицемер.

Послелог о д о ш

Послелог *о д о ш* образовался из основы существительного *о д о ш* со значением друг против друга; противоположная сторона.

В служебном значении *одош* обозначает, что действие связано с объектом, находящимся напротив чего-либо, на противоположной стороне. В сочетании с именами в родительном падеже выражает форму обстоятельства места.

В форме дательного падежа—*одожына*—выражает пространственные отношения и обозначает, что действие направлено на объект, находящийся против, напротив чего-либо. По значению соответствует русским предлогам к, против, напротив, напр., *темир ӧргӧниҥ эжик одожына кара болот ӯлдӯзин кадап койды*—черную стальную саблю свою (он) воткнул против двери железного дворца; *кара кӧлдиҥ одожына тура тӯшти*—он остановился против черного озера.

В форме местного падежа—*о д о ж ы н д а* выражает пространственные отношения и указывает, что действие происходит напротив другого предмета. Соответствует русским предлогам против, напротив, напр., *јабызак туранын одожына чиби ле кайыҥ ӧсти*—против низенькой избы росли ель и береза; *бистиҥ айылдыҥ одожында ылгый карагайлар ӧзӯп јат*—напротив нашего дома растут исключительно сосны.

В форме исходного падежа—*о д о ж ы н а ҥ*. хотя и выражаются пространственные отношения и указывается на исход действие от предмета, находящегося на противоположной стороне, но за ним, т.-е. за словом *о д о ш* сохраняется знаменательное значение, напр., *туранын одожынаҥ кандый дакижи јууктап клеетти*—с противоположной стороны избы приближался какой-то человек; *койлорды ту Сары-Кобыныҥ одожынаҥ тапкам*—овец (я) нашел вон (с той) с противоположной стороны Желтого лога.

Послелог *о д о ш* с аффиксами принадлежности управляет родительным падежом личных местоимений: а) в дательном падеже: *мениҥ одожыма отураар*—садитесь напротив меня; *ол слердиҥ одожыгарга турар*—он встанет напротив Вас; б) в местном падеже: *бистиҥ одожыбыста кандый да кижи отурган*—напротив нас сидел какой-то человек, *ол сениҥ одожыҥда јадып јат*—он живет напротив вас; в) в исходном паде-

же; ***слердиҥ одожыгардаҥ***—со стороны, противоположной Вам; ***бистиҥ одожыбыстаҥ***—со стороны, противоположной нам.

Послелог т ӱ п

Послелог ***т ӱ п*** образовался из основы существительного со значением низ, дно, корень, основание, основа.

В грамматических падежах ***тӱп*** сохраняет значение знаменательного слова, напр., ***ол ташты јастанып јадала, кӧк теҥериниҥ тӱбин ајыктады***—подложив под голову камень, он лежал и наблюдал поднебесье (дно неба); ***чапчактыҥ тӱби јарылып калтыр***—оказывается, дно кадки раскололось; ***тӱби јок***—бездна, бездонный.

В сочетании с именами, в форме трех локальных падежей, ***т ӱ п*** употребляется в качестве послелога, выражающего форму обстоятельства места и обозначает, что действие происходит под предметом, ниже предмета.

В форме дательного падежа ***т ӱ б и н е***—выражает пространственное отношение и означает, что действие направлено на низ, к низу, ко дну, к основанию предмета. По значению соответствует русским предлогам на, к, напр., ***теҥериниҥ тӱбине мӧҥӱн тамчылар чачылгандый, койу јылдыстар мызылдажып тургулады***—частые звезды поблескивали, как - будто на небе были разбрызганы капли серебряной воды.

В форме местного падежа—***т ӱ б и н д е***—выражает пространственные отношения и означает, что действие происходит на нижней части предмета. По значению соответствует русскому предлогу на, напр., ***теҥериниҥ тӱбинде ак туман буркурап турды***—на небе (в поднебесьи) рассеивался белый туман; ***ас та болзо, малым бар, Алтай тӱбинде эркем бар***—хотя и мало, но у меня есть скот, на Алтае (в глубине Алтая) милая есть.

В форме исходного падежа—***т ӱ б и н е ҥ***—выражает пространственные отношения и означает, что действие исходит со дна, с низу, с нижней части предмета. По значению соответствует русским предлогам с, из, из-под, напр., ***јети тӱҥей баатырын јер тӱбинеҥ алдыртты***—из-под земли (он) вызвал семь одинаковых богатырей своих; ***эне Алтайдыҥ тӱбинеҥ сеге јолугарга келген эдим***—я ведь приехал к тебе повидаться с далекого Алтая (букв. со дна матери Алтая).

Кроме того ***т ӱ п*** в форме местного падежа—***т ӱ б и н д е***—образует идиомы, соответствующие понятию когда-нибудь, напр., ***качан тӱбинде ол слерге керек болор***—когда-нибудь это вам понадобится; ***айтканымды качан тӱбинде эске алынарыҥ***—когда-нибудь ты вспомнишь мои слова.

Послелог о р ы н, о р д ы

О р ы н в конкретном значении, место; с аффиксом принадлежности 3-го лица ***о р д ы***—его место.

В притяжательно-определительных сочетаниях с именами, именными формами глагола и личными местоимениями ***о р д ы*** только в форме дательного падежа ***о р д ы н а*** употребляется как послелог в значении вместо, за, в следующих сочетаниях:

а) в сочетании с именами существительными: ***адазыньҥ ордына уулы келди***—вместо (за) отца пришел его сын; ***редакторыҥ ордына кем?***—кто вместо (за) редактора?; ***бичик билбестиҥ ордына***—за неграмотного;

б) в сочетании с именной формой глагола—причастием на—***ар-ер, о р д ы н а*** соответствует русским союзам—вместо того, чтобы, напр., ***болужардыҥ ордына, ол је дебей, јок дебей јӱре берди***—вместо того, чтобы помочь, он ушел, не сказав ни да, ни нет; ***бичик кычырардыҥ ордына ол шатра ойноп отурды***—вместо того, чтобы читать, он сидел и играл в шатра;

в) в сочетании с личными местоимениями принимает личные аффиксы,

напр., ***оныҥ ордына сен барарыҥ***—вместо его (за него) поедешь ты; ***мениҥ ордыма сен артарыҥ***—вместо меня (за меня) останешься ты; ***сениҥ ордыҥа кем иштеп јат?***—кто работает вместо тебя (за тебя)?;

г) в сочетании с указательными местоимениями соответствует понятию вместо этого, лучше, напр., ***оныҥ ордына меге айдыгар, ойын кайда болотон?***—вместо этого скажите мне, где будут проходить игры?; ***оныҥ ордына, јаҥыс уулым, јокту албаты ортодоҥ эш кижини бедрейтен турун***—мой единственный сын, придется тебе искать себе невесту среди бедного народа.

Употребление ***о р д ы н а*** в устойчивых сочетаниях: ***ордына турар редактор***—заместитель редактора; ***ордына турар председатель***—заместитель председателя.

2. Служебные слова, выражающие форму синтаксической связи обстоятельства времени.

Послелог б а ш

Если к вопросу о служебной роли слова ***б а ш*** в алтайском языке подойти с точки зрения соответствия русским предлогам, то нужно сказать, что служебная функция слова ***баш*** ограничивается выражением, главным образом, временных отношений, напр., ***эки јылдыҥ бажында келер***—приедет через два года; ***беш кӱнниҥ бажында атанып јат***—уезжает через пять дней.

Слово ***баш*** не выражает пространственных взаимоотношений. Находясь в притяжательно-определительных сочетаниях, в позиции определяемого, ***баш***, в форме трех локальных падежей, во всех случаях сохраняет все свои значения знаменательного слова и занимает среднее положение между сочетанием имени с послелогом и определительным сочетанием знаменательных слов, напр., ***ӱч башка тууныҥ бажына барыгар***—идите к вершинам трех разных гор; ***агаштыҥ бажында отурган кӱртӱкке аҥчы өҥөлөп јууктаҥ келди***—к тетереву, сидящему на вершине дерева, подкрадываясь, приблизился охотник.

Для выражения временных отношений послелог ***б а ш*** употребляется преимущественно в местном падеже, реже в дательном. В исходном падеже на практике не употребляется.

В форме дательного падежа ***б а ж ы н а*** обозначает направленность в сторону какого-нибудь момента времени, к началу, до начала, напр., ***ай бажына јетирбей, ак көбөлөкти божодып ийди***—опустил бабочку, не дотянув до начала следующего месяца; ***акам, мени сакыгар, јети јылдыҥ бажына јетире***—брат мой, ждите меня до начала седьмого года; ***ол ӱч јылдыҥ бажына јетпей оорыган***—он болел около трех лет (букв. не дотянув до 3-х лет).

В форме местного падежа послелог ***б а ж ы н д а*** обозначает промежуток времени, который определяет границы какого-нибудь действия и по синтаксическим функциям соответствует русским предлогам через, спустя, после, напр., ***ӱч кӱнниҥ бажында эки јеек јылан келер*** (из эпоса)—через три дня придут две прожорливые змеи; ***он јылдыҥ бажында ла келди***—он вернулся только спустя десять лет; ***анчалыктыҥ бажында Алтын-Топчы абакайы једип келген мында турды***—через сколько то лет его супруга Алтын-Топчы вернулась и находилась здесь.

Послелог ***б а ж ы н д а,*** в сочетании с причастием прошедшего времени, образует причастный оборот—развернутое обстоятельство времени, соответствующее русскому придаточному времени с союзом после того, как, напр., ***ийт ӱрӱп чыккан бажында, ол тышкары чыгып ајыктап турды***—после того, как залаяла собака, он вышел на улицу и начал смотреть вокруг.

В выражениях, где наличествует положительное или отрицательное отношение говорящего к предмету ***бажында*** употребляется в переносном значении, соответствующему понятию в конце концов, в результате, напр., ***оныҥ бажында Козын-Эркеш барар јерине једе берген***—в конце концов Козын-Эркеш (собств. имя) добрался до места, куда ехал; ***оныҥ бажында мен онон***

нени де алып болбогом—в результате, я с него ничего не мог получить; ***jўре-jўре бажында меге ок келген***—ездил, ездил, в результате ко мне же приехал.

В грамматических падежах ***б а ш*** сохраняет значение знаменательного слова: напр., ***Jелбегеннинг бажы jети айры болгон***—Jельбеген был семиголовым; ***оныг бажын тазада кырып салган болгон***—голова его была выбрита догола; ***кырдыг бажы тас болгон***—вершина горы была голая; ***кыштыг бажы jылу болгон***—начало зимы было теплое; ***не ле неменинг бажы***—начало всего.

Следует отметить, что слово ***б а ш,*** кроме служебного употребления, в соответствии со своим лексическим значением, совмещает много других отвлеченных понятий, напр., ***бут бажына тур***—встать (букв. на голову ног встать); ***кол бажына***—спустя рукава, кое-как, наспех; ***кӧс бажына***—поверхностно; ***таг бажында***—кое-где, редко; ***jер бажында***—там-сям, всюду; ***учы бажында***—наконец, в результате всего.

Все эти понятия возникают только в сложных словосочетаниях, где ***баш,*** в форме дательного и местного падежей, употребляется уже не в прямом, а в переносном значении.

Кроме всего ***б а ш*** образует: а) фразеологические сочетания, которые обозначают следующие понятия: ***баш ал***—опередить (букв. взять начало); ***баш болзын***—простите, извините; ***баштаг баш болзын***—выражение покорной просьбы, покорнейше прошу; ***учы-бажы jок***—бесконечный, необъятный, нет ни начала, ни конца; ***аай-баш jок***—путаница, неразбериха, «эралаш»;

б) идиоматические выражения: ***аданнынг бажын jи*** (выражения неудовольствия); ***камчынынг бажын jи***—быть побитым плетью.

Слово ***баш*** с аффиксом принадлежности 3-го лица и послелогом ***ла (бажыла)*** и употребляется в значении: совсем, навсегда, безвозвратно, (букв. с головой); ***бажыла берип ийген***—отдал безвозвратно; ***ол бажыла барган эмес***—он ведь уехал не навсегда.

Послелог т у р к у н

Слово ***т у р к у н*** восходит к самостоятельному слову со значением постоянный (во времени); постоянно. С аффиксом принадлежности 3-го лица, в форме дательного падежа употребляется в качестве послелога, выражающего пространственно-временные значения. В сочетании с именами управляет неопределенным и родительным падежами и соответствует понятию в течение, в продолжение (определенного времени), напр., ***тогус кўннинг туркунына ойын болды***—в продолжение девяти дней продолжались игры; ***одус алты jылдынг туркунына Туулу Алтайдынг албатызынынг jадын - jўрўми сўрекей jарана берди***—в продолжение тридцати шести лет жизнь алтайцев стала прекрасной; ***балдар узун jайдынг туркунына лагерьде тыштангылайт***—в течение долгого лета дети отдыхают в лагере; ***бу ўч айдынг туркунына не кубулган?***—что изменилось в течение этих трех месяцев?

Послелог т у ш

Послелог ***т у ш*** образовался от существительного ***т у ш*** со значением время, пора, момент, направление. ***Т у ш,*** в качестве служебного слова, употребляется только в форме местного падежа для выражения временных отношений.

В сочетании с именами, в позиции определяемого, ***туш*** управляет неопределенным падежом и выражает форму обстоятельства времени.

В форме местного падежа ***т у ш т а*** или вторая его форма с аффиксом, принадлежности 3-го лица ***т у ж у н д а*** выражает:

а) в сочетании с именами существительными, обозначающими время совершения действия соответствует предлогам в, во, напр., ***байрам тужунда айдары jок jаан jыргал болгон***—в праздник было большое веселье; ***jаш***

тужундагы јаражы билдирет—заметно, что в молодости (он) был красив.

Сочетание послелого *тужунда* с существительными *јас*—весна, *јай*—лето, *кӯс*—осень, *кыш*—зима соответствует форме творительного падежа в русском языке, напр., *јас тужунда колхозчылар ончозы кыра ижинде*—весной все колхозники на полевых работах; *кӯс тужунда учар куштар јылу јерге учуп јат*—осенью перелетные птицы улетают в теплые места;

б) в сочетании с именами *тужунда* соответствует предлогу при, напр., *каан тужунда Коптош ӧбӧгӧндӧ ӱйген сугар јылкы јок болгон, маарап турар малы јок болгон*—при царе у старика Коптоша не было коня, чтобы уздой обузлать, не было скота, который бы мычал; *Модоров тужунда андый болбойтон*—при Модорове было не так;

в) в сочетании с именными формами глагола—причастиями *на-ар* и *-ган тужунда* передает содержание придаточного обстоятельства времени; напр., *јуу башталар тужунда, бис јаан городтыҥ јанында турганыс*—когда началась война, мы стояли вблизи большого города; *айылдап барар тужунда, ол чӱмдӱ кийимин кийди*—когда он собрался ехать в гости, надел лучшую, нарядную одежду; *ол иш эдип турган тужунда, ого булгалышпаар*—не мешайте ему, когда он выполняет работу; *бичик кычырып турган тужунда, шили кӧзин кийип алат*—когда он читает книгу, надевает очки.

ПРИМЕЧАНИЕ: послелог *туш* в форме обстоятельства места не является распространенным явлением, но в устной речи, встречается напр., *айылдыҥ тӧри тужуна ак кайыҥашты кадады*—в переднем углу аила (он) вколол белую березку.

Употребление *тужунда* и сокращенной формы *тушта* в отвлеченном значении: *кажы тушта туру?*—где (он) стоит?; *кажы тушта болороор?*—где вы будете находиться?

Фразеологические сочетания: *бала тужы*—детство; *бала тужум*—моё детство; *бала тужугар*—ваше детство.

Послелог озо

Послелог *озо* в сочетании с именами, именными формами глагола, а также личными местоимениями служит для выражения временных отношений и управляет исходным падежом.

В отличие от сходного по значению послелога *алд*, который выражает обстоятельство и места и времени, послелог *озо* обозначает только отношения времени и по значению соответствует русскому предлогу до и раньше, напр., *ол байрамнаҥ озо келген*—он приехал до праздника; *ӱч јылдаҥ озо келбес болор*—наверное, он не приедет раньше, чем через три года (букв. раньше трех лет); *онон озо келерге тургам*—я хотел придти до него; *мынаҥ озо мен оны билбегем*—до этого я его не знал;

В сочетании с причастием на—*ар* в исходном падеже послелог *озо* передает содержание придаточных предложений обстоятельства времени, обозначающих, что действие, выраженное причастием в форме исходного падежа, предшествует другому действию. По значению соответствует русскому прежде чем, напр., *чазынга кол салардаҥ озо, оны узак аҥдандырып кӧрӱп отурды*—прежде чем подписать бумагу, (он) долго рассматривал её со всех сторон; *биске келерденҥ озо, ол бар-јок таныштарына кирди*—прежде чем притти к нам, он обошёл всех своих знакомых; *аҥдап барардаҥ озо, аҥчылар ок-таарыны белетеди*—прежде чем итти на охоту, охотники приготовили боеприпасы.

Употребление *озо* в знаменательном значении: *амадап турган кижи, сеҥ озо айдып кӧргӧйиҥ*—ты, имеющий цель говорить, говори вперед, *озо, бир чакта*—некогда; *озодоҥ бери*—издавна, с давних пор; *озо*

чакта—в прежние времена: *эң озо кем кирер?*—кто войдет вперед?

Употребление *о з о* в переносном значении: *о з о* көр—предсказать, предвидеть.

Послелог т а р ы й

Т а р ы й (тарыйында) есть застывшая форма местного падежа с аффиксом принадлежности 3-го лица. В сочетании с именными формами глагола *тарый-тарыйында* передает содержание придаточного предложения обстоятельства времени, напр., *келген ле тарый (тарыйында) ого сый экелетен*—каждый раз, как приезжал, привозил ему подарки; *самолёт учкан тарыйында ла, Тана лётчик уулын сананатан*—каждый раз, как летает самолет, Тана (собств. имя) вспоминала своего сына-лётчика.

а). В сочетании с деепричастием *б а ш т а п* послелог *т а р ы й ы н д а* соответствует русскому наречию сначала, напр., *баштап тырыйында, мен бир де неме оңдоп болбодым*—сначала, я ничего не мог понять; *баштап тарыйында күүним ого јетпейтен*—сначала он мне не нравился.

б). В знаменательном значении *т а р ы й* употребляется в смысле часто: *бистиң айылга ол тарый ла келип туратан*—к нам он заходил очень часто (букв. частил).

3. Служебное слово, выражающее форму синтаксической связи обстоятельства меры.

Послелог ј у у к

Послелог *јуук* образовался от имени существительного *ј у у к* со значением близость, близкий, близко.

По значению послелог *ј у у к* близок к послелогу *кире, кирези*.

Он так же, как и *к и р е*, в сочетании с именами и предшествующими количественными числительными, употребляется для выражения приблизительного счета предметов или времени и соответствует русским словам около, примерно, приблизительно, напр., *эки килограммга јуук балык садып алды*—(он) купил около двух килограммов рыбы; *бу јыл бистиң колхоз бир кыр[illegible] јерден јирме беш центнерге јуук буудай јууп алган*—нынче [illegible] колхоз собрал пшеницы около двадцати центнеров с гектара; *командиров[illegible] ол бир айга јуук јүрген*—в командировке он пробыл около месяца.

4. Служебные слова, выражающие форму синтаксической связи обст[illegible]льства причины и следствия.

Послелог к е р е к

Послелог *к е р е к* образовался от основ[illegible] существительного со значением «дело», «нужда», «необходимо».

В служебном значении *к е р е к* употребляется преимущественно в форме местного падежа *к е р е г и н д е* и управляет неопределенным и родительным падежами, и также, как послелог *у ч у н*, выражает отношения, направленные на содержание суждений о предмете и соответствует предлогам о, об, про, напр., *Ада-Төрөл учун јуу керегинде бичик*—книга о Великой Отечественной войне; *ондый кайкамчылу учурал керегинде азыйда чөрчөктө лө айдылатан*—о таких необыкновенных случаях прежде упоминалось только в сказках; *Кан-Сулутай баатыр керегинде чөрчөк*—сказка о богатыре Кан-Сулутае; *сен керегинде мен тудуш ла сананатам*—я часто вспоминал о тебе.

В другом случае *к е р е г и н д е* выражает отношения причины и следствия и соответствует предлогу из-за, напр., *олор слердиң керегинде мынаң јүре берген*—они уехали отсюда из-за вас; *оору болгон керегинде јуунда болбогон*—из-за болезни он не мог присутствовать на собрании.

В сочетании с причастиями на-*ган-керегинде* образует придаточные предложения причины и следствия. По значению соответствует союзам из-за того, что, по поводу того, что, напр., ***эрмектешпей турган керегинде, неме дейт***—что (он) говорит по поводу того, что с (ним) не разговаривают; ***тӯн карагуй болгон керегинде, ол барар јолын таппай калды***—из-за того, что ночь была темная, он заблудился; ***келбеген керегинде, ол ого тарынып јат***—из-за того, что он не пришёл (к нему), он обиделся.

Послелог шылтуунда

Послелог ***шылтуунда*** (первоначально ***шылтагында***) образовался от именной основы ***шылтак*** (повод, причина, обстоятельство[1]).

В сочетании с именами и личными местоимениями послелог ***шылтуунда*** управляет родительным падежом и выражает форму обстоятельства причины. По значению соответствует предлогам из-за, благодаря, по случаю, по вине, напр., ***ончобыс сенинг шылтуунда ырысту болуп калдыбыс, ойгор ӯредӯчи***—мудрый учитель, все мы стали счастливыми благодаря тебя; ***онынг шылтуунда мен мында јадып турбай***—благодаря его я здесь живу.

5. Служебные слова, выражающие форму синтаксической связи обстоятельства сопоставления и противопоставления.

Послелог башка

Послелог ***башка,*** образовался от существительного ***баш*** со значением голова, начало и + аффикса дательного падежа — «ка».

В современном языке форма ***башка*** является застывшей формой, отличной от существительного ***баш*** в дательном падеже ***башка***. Эта форма одновременно выступает и как послелог и как прилагательное со значением — иной, другой, кроме.

Слово ***башка,*** находясь в сочетании с именами, управляет исходным падежом, теряет свое знаменательное значение и служит формой выражения обстоятельства противопоставления со значением кроме, кроме того, помимо, исключая, напр., ***эки уулдан башка олордо Каскак деген кыс бар***—кроме двух сыновей у них есть дочь по имени Каскак; ***сенен башка мен кемде кӧрбӧдим*** — кроме тебя я никого невидел; ***ондо эки уулдан башка бала јок болгон*** — у него кроме двух сыновей, не было детей; ***эки баатырдан башка база кандый да улус турды*** — кроме двух богатырей, стояли еще какие - то люди.

Слово ***башка*** в сочетании с именными глагольными формами на — ***ган*** в форме исходного падежа, имеет значение кроме того, что, исключая то, что напр., ***ол бичип алганынан башка, мен неме бичибедим*** — кроме того, что написал он, я ничего не писал; ***ол бу бичикти кычырганынан башка, неме кычырбаган*** — он не читал ничего, кроме этой книги; ***ол эдип бергенинен башка, база неме эдилбей јат***—кроме того, что он сделал, больше ничего не делается.

В сочетании с причастием будущего времени на — ***ар*** в форме исходного падежа ***башка*** имеет значение вопросительной частицы, разве, напр., ***ойтып калардан башка*** —разве только опоздает; ***олорды айылдап кычырып алардан башка, онон ӧскӧ неме болбос***—разве только пригласить их в гости, иначе ничего не выйдет; ***оны ӯренерге ийерден башка***—разве только послать его учиться; ***малды кобынын ары јанына айдап кабырардан башка?***—разве только перегнать скот на ту сторону лога?

В сочитании с формой исходного падежа какого - нибудь слова ***башка*** образует фразеологические сочетания, указывающие на качественную разницу,

---

[1] (Долгий гласный „*уу*“ образовался в результате выпадения согласного „*г*“ в шылтагында).

на степень превосходства и по значению соответствует словам лучший, наилучший, исключительный, напр., ***айдыҥ күннинҥ бадыш јанынаҥ аттаҥ башка атка минген абакай келип јатты***—со стороны заката луны и солнца ехала женщина на исключительно хорошем (на наилучшем) коне; ***ол эрдеҥ башка эр болды***—он был исключительный мужчина;

Находясь перед именами в качестве определения, ***башка*** выступает как прилагательное со значением другой, иной, напр., ***бу башка керек***—это другое дело; ***эмди сыраҥай башка јадын болуп барды***—теперь совсем другая жизнь стала.

В сочетании с количественными числительными в именительном падеже ***башка*** ослабляет свое конкретное значение и, в отличие от служебной роли, передает более абстрактные отношения, напр., ***олор эки башка јаттылар***—они жили отдельно (друг от друга); ***үч башка берген***—разделил на три части; ***шүүлтебис эки башка болуп барган***—мы разошлись в мнениях.

Послелог ө с к ө

Послелог ***ө с к ө*** является синонимом послелога ***башка***. Он также управляет исходным падежом имен и употребляется в тех же значениях, что и ***башка***, напр., ***ол эттеҥ өскө неме јиир эмес***—он ведь не станет ничего есть кроме мяса; ***айтканыҥ јакшы, онон өскө мен билбес эдим***—хорошо что ты сказал мне, иначе я ничего не знал бы; ***онон өскө кижи билбезим***—кроме его, я никого не знаю.

Перед существительным, являясь определением, ***өскө*** выступает как прилагательное со значением другой, иной, напр., ***ол өскө неме болбой***—это что-то другое; ***өскө улустыҥ санаазын кижи билер эмес***—человек не может знать думы других людей; ***өскө јуртка барбазым, өскө кижиле јуртабазым***—не пойду я в другое селение, не буду жить с иным человеком.

В сочетании с именными формами глагола-причастиями на—г а н в исходном падеже—өскө имеет значение кроме того, что, напр., ***былтыр бичигенинеҥ өскө бу јыл сурузы јок***—кроме того, что написал в прошлом году, нынче нет никаких вестей.

В сочетании с причастиями на—***ар*** в исходном падеже—***өскө*** имеет значение вопросительной частицы разве, напр., ***өдүшке сурап алардаҥ өскө***—разве только попросить взаимообразно.

6. Служебные слова, выражающие форму синтаксической связи обстоятельства соотношения.

Послелог а а й ы н ч а

Послелог—***аайынча***—застывшая форма дательного падежа с архаичным аффиксом—***н ч а***, является сложением существительного ***аай***—порядок, толк, с аффиксом принадлежности—3-го лица.

В сочетании с именами существительными послелог ***а а й ы н ч а*** управляет притяжательно-определительным сочетанием, образуя определительную группу, передающую содержание придаточных вводных предложений. По значению послелог ***а а й ы н ч а*** соответствует предлогам по, согласно, напр., ***отряд слердиҥ јакылта аайынча келди***—отряд прибыл по вашему приказанию; ***колхозтыҥ уставы аайынча***—согласно колхозного устава; ***Облисполкомныҥ постановлениези аайынча, бис бу ишти јети күннинҥ туркунына бүдүрип салар учурлу***—согласно постановлению облисполкома, мы должны выполнить эту работу в течение семи дней.

В сочетании с причастиями на—г а н, наречиями и личными местоимениями послелог ***а а й ы н ч а*** передает содержание придаточных предложений сравнения. По значению соответствует русскому союзу так, как, по, напр., ***онын айтканы аайынча, анда сүреен јакшы***—по его словам, там очень хо-

рошо; ***айткан аайынча эт***—делай так, как сказано; ***мен бодозом, мынаҥ ары эскидеги аайынча јадарга јарабас***—я считаю, что нельзя дальше жить так, как жили раньше.

Являясь грамматическим синонимом послелога ***бойынча*** послелог ***аайынча*** может (редко) выражать временные отношения и по значению соответствовать значению с той поры, напр., ***ол аайынча көрүнбей барды***—с той поры (его) не стало видно; ***ол аайынча ол оорый берди***—с той поры он заболел.

Послелог бойынча

Послелог ***бойынча*** застывшая форма дательного падежа с архаичным аффиксом—***нча*** состоит из возвратного местоимения бой—с притяжательным аффиксом 3-го лица—«ы» ***бойы***.

Послелог ***бойынча*** сочетается только с именной глагольной формой на—***ган***, указательным местоимением ***ол*** и наречиями времени.

Сочетаясь с причастием на—***ган*** послелог ***бойынча*** передает содержание придаточного предложения времени, во время которого и параллельно которому происходит другое действие, выраженное главным глаголом. По значению соответствует русскому временному союзу—как только, напр., ***ат јада түшкен бойынча, ары-бери аҥдана берди***—как только лошадь легла, начала кататься с боку на бок; ***базып келген бойынча, Каралдай-Мергенге колын берди, јалаҥ болгон алаканын јайа тудуп эзендешти***—как только подошел, подал руку Каралдай-Мергену, поздоровался, вытянув широкую (как ноле) ладонь.

Примечание: в ряде случаев послелог ***бойынча*** вместе с управляемым причастием переходит в простые наречия, напр., ***Керек-Јок меҥдеген бойынча, јастыра куучындай берди***—Керек-Йок в торопях, начал говорить невпопад (начал путаться); ***кыс сүүнген бойынча, уулдыҥ јүзине чике көрөлө, өрө турды***—обрадовавшись, девушка посмотрела парню прямо в лицо и встала.

В сочетании с указательным местоимением ***ол*** и наречиями времени послелог ***бойынча*** выражает временные отношения и по значению соответствует союзам с тех пор, с того времени и предлогам с, со, напр., ***олор экү ол бойынча он сегис јыл јуртагылаган***—с тех пор они прожили вдвоем восемнадцать лет; ***ол бойынча суру јок***—с тех пор нет известия; ***кече бойынча келбеген***—не приходил со вчерашнего дня.

Послелоги ары и бери

Послелоги ***ары*** и ***бери*** образовались из наречий со значением: а) ***ары***—туда, по ту сторону, дальше и указывает направление от себя, напр., ***ары тураар (туругар)***—встаньте дальше, отойдите; ***ары тургузып сал***—поставь туда; ***ары бар***—иди дальше; ***бар ары***—иди прочь, вон отсюда; б) ***бери***—сюда, по эту сторону, ближе указывает направление к себе, напр., ***бери кел***—иди сюда; ***оны бери экелигер***—приведите его сюда; ***бери кем де јууктап клеет***—сюда кто-то приближается; ***бери јуук отураар*** (отурыгар)—садитесь сюда ближе.

Сочетание ***ары - бери*** имеет значение туда-сюда, туда и сюда, взад вперед, напр., ***ары да эмес, бери де эмес***—ни туда, ни сюда; ни то, ни сё; ***балдар ары-бери јүгүрүшти***—дети бегали взад и вперед.

В некоторых сочетаниях послелоги ***ары*** и ***бери*** управляют исходным падежом и обозначают направленность действия: ***ары***—в противоположную сторону от говорящего, по ту сторону, ***бери***—в сторону говорящего, по эту сторону. По синтаксической функции соответствуют: ***ары***—от, за, дальше, ***бери***

—начиная с, от, напр., ***ту ол турадаҥ ары бараар***—идите вон за ту избу; ***бистиҥ айылыбыстаҥ ары олордыҥ айылы болор***—за нашим аилом будет их аил; ***мынаҥ ары кайдар баразаар?***—куда (вы) от сюда поедете?; ***тегерик чырайы кулагынаҥ бери кӱлӱмзиренип турды*** - его круглое лицо широко улыбалось (начиная от ушей); ***кӱрдеҥ бери јаҥыскан келдим***—от моста я шел один (точнее: начиная от моста в одиночестве шел).

Названные послелоги, в сочетании с именами существительными в родительном падеже, сопровождаемые послелогом ***ј а н***, в зависимости от глагола, вступают в качестве самостоятельного слова и служат определением в значении сложно-указательного местоимения, уточняя пункт, где совершается действие, напр., ***кырдыҥ бери јанына јеттилер***—они добрались до этой стороны горы; ***кӱрдиҥ ары јанында јуучылдар тыштандылар***—бойцы отдыхали на той стороне моста или (по ту сторону моста); ***јараттыҥ бери јанынаҥ өртөктөр учуп чыкты***—утки вылетели с этой стороны берега; ***мал өзөктиҥ ары јанынаҥ чыкты***—скот вышел с той стороны реки.

Кроме того послелог ***а р ы***, в сочетании с именами и именными формами глагола, а также с указательными местоимениями ***ол*** и ***бу*** указывает на начало исчисления исходного момента во времени, с которого должно начаться действие. В сочетании с именами существительными и числительными послелог ***а р ы*** соответствует русскому предлогу с, напр., ***бӱгӱнги тӱннеҥ ары өлбөзөбис, јаҥыс тынга јуртаарыбыс***—если сегодняшней ночи мы не умрем—будем жить в одну душу; ***алты частаҥ ары ол јуунда болор***—с шести часов он будет на собрании.

В сочетании с указательными местоимениями ***ол*** и ***бу*** в исходном падеже, послелог ***ары*** соответствует русским после чего, после этого, после того, напр., ***јес кармакты кезе чапты, онон ары элес этти***—медную удилу рассек пополам, после чего мгновенно исчез; ***онон ары там тынды Ак-Тойчыны тудуп ийди***—после этого (он) еще сильнее схватил Ак-Тойчы; ***онон ары көрӱнбей калды***—после этого он исчез; ***мынаҥ ары не болгонын билбей де јадым***—что было после того, я и не знаю.

Послелог ***б е р и***—в сочетании с наречиями соответствует русскому предлогу с, напр., ***кӱреҥ ат узактаҥ бери оныҥ нөкөри болгон***—гнедко с давних пор был его «товарищем»; ***былтырдаҥ бери тушташпадыбыс***—мы не встречались с прошлого года; ***кечедеҥ бери сакып јадым***—жду со вчерашнего дня.

Сочетаясь с именными формами глагола на—***г а н*** и указательным местоимением ***ол*** в исходном падеже, послелог ***бери*** обозначает исходный момент во времени, в течение которого что-то происходило, и по значению соответствует русскому—со времени, с тех пор как, напр., ***барганынаҥ бери ӱч јыл өтти***—прошло три года со времени (его) отъезда; ***бис экӱ тушташканынаҥ бери саат болды***—со времени нашей встречи прошло много времени; ***оны көргөнимнеҥ бери узак болды***—давно я его не видел; ***ӱредӱчи болуп иштегенинеҥ бери јирме јыл өтти***—прошло двадцать лет с тех пор, как он работает учителем; ***онон ары олор экӱ айрылышпас најылар болуп барды***—с тех пор они стали неразлучными друзьями; ***онон бери Малчы-Мерген баатыр Алтайын көстөп јӱрер болды***—с тех пор Малчы-Мерген богатырь стал ездить по Алтаю.

Послелог к а й р а

Послелог ***к а й р а*** сохраняет связь с наречием со значением назад, обратно, настежь

В сочетании с именами существительными, определяющими отрезок времени с предшествующим числительным, ***к а й р а*** теряет свое самостоятельное значение и приобретает отвлеченное, грамматическое значение послелога, который обозначает, что действие происходило в какой-то определенный срок тому назад,

напр., ***Аза-Јаланга ол төртөн јыл кайра, эски-саскызын коштоп, эки-үч малын айдап, көчүп келди***—в Аза-Палан он переехал сорок лет тому назад, навьючив на коня свое старье и пригнал две-три скотины; ***јирме үч јыл кайра***—двадцать три года тому назад.

6) Послелоги, представляющие собою слабо дифференцированную категорию со знаменательными словами—глагольными формами, выражающими форму синтаксической связи, обстоятельства времени, места, цели, образа и способа действия.

Послелог с о ң ы н д а—с о о н д о

Послелог ***соңында*** разлагается на ***соң+ы+нда*** и его вторичная, форма ***соондо***, которая образовалась от первой формы в результате редукции гласного второго слога и выпадения согласного „*ң*" вследствие чего образовался долгий гласный. Стяженная.

В современном языке обе формы употребляются параллельно, однако в разговорном языке почти всегда употребляется вторая, стяженная форма—***с о о н д о***.

В качестве послелога ***с о ң ы н д а, с о о н д о*** служит для выражения действия, следуемых одно после другого. В сочетании с причастиями на-г а н, управляет неопределенным падежом, а с указательным местоимением ***о л*** управляет родительным падежом.

В сочетании с причастием на-г а н послелог ***с о ң ы н д а—с о о н д о*** передает содержание придаточного предложения обстоятельства времени с союзным значением—после того, как, напр., ***эзен јакшы угушкан соңында, јазалду ашты јиген соондо, јакшы куучындар јайыла берди***—после того, как обменялись приветствиями, после того, как поели лучшую пищу, началась беседа; ***тогус јыл бүткен соондо, тойго келген албаты таркады***—после того, как исполнилось девять лет, присутствующий на свадьбе народ разъехался.

В сочетании с указательным местоимением ***о л*** послелог ***с о ң ы н д а, с о о н д о*** передает понятия наречий времени, впоследствии, потом, затем, дальше, после, после этого, напр., ***оның соондо олор экү айрылышпас јајы болуп барды***—после этого они стали неразлучными друзьями; ***оның соондо не болды?***—что было дальше?; ***оның соңында ол колхозтың председатели боло берген***—впоследствии он стал председателем колхоза; ***соңында келерзиң***—после придешь; ***бүгүн биске неме айтпады, соондо айдарым деген***—сегодня он нам ничего не сказал, сказал, что скажет потом.

Послелог *ј е т и р е*

Послелог ***ј е т и р е*** означает направление и предел направления—вплоть, до. По происхождению послелог ***ј е т и р е***—представляет собою застывшую глагольную форму—деепричастие на ***е*** и состоит из корня глагола ***ј е т***—достигать+аффикса понудительного залога ***(-т)*** -ир.

В сочетании с именами существительными, личными и указательными местоимениями послелог ***ј е т и р е*** управляет дательным падежом и употребляется в значении русского предлога до, напр., ***„Јаңы јол" колхозко јетире јирме километр***—до колхоза «Новый путь» двадцать километров; ***кажаа јетире барып тураар?***—до куда едете?; ***бастыра бойы јаказынаң ала эдегинە јетире үлүш болгон***—он был весь мокрый, сверху до низу (букв. от ворота до подола); ***текениң мүүзи теңериге јетире өскөнин кем көргөн, төөнің куйругы јерге јетире өскөнин кем көргөн?***—кто видел, что рога козла выросли до неба, кто видел, что хвост верблюда вырос до земли?; ***слерге јетире комудалду келдим***—я пришел к вам с просьбою (букв. пришел до вас).

Послелог ***ј е т и р е***, кроме пространственных отношений, выражает также

отношения предела во времени, соответствуя русскому предлогу до. В этом случае послелог *ј е т и р е* управляет дательным падежом именных глагольных основ, числительных и указательных местоимений, напр., ***онын келерине ј е т и р е узак эмес артты***—недолго осталось до его приезда; ***куучындап божогонына јетире отурдым***—я сидел до конца его речи; ***бого јетире кайда болдын?***—где ты был до сих пор?; ***иште канча часка јетире болорын?***—до которого часа ты будешь на работе?; ***алтыга јетире***—до шести; ***јаска јетире узак***—до весны еще долго.

Употребление ***јетире*** в знаменательном значении в смысле достаточно, недостаточно, напр., ***орус тилди јетире билбес эмтир***—оказывается (он) не достаточно знает русский язык; ***ол бичикти јетире билер***—он достаточно грамотный; ***јетире эдилбеген иш***—недоделанная работа; ***јетире бышпаган јилек***—недозрелая ягода.

В выражениях, где наличествует положительное или отрицательное отношение говорящего к предмету *ј е т и р е* приобретает степень стойких идиоматических выражений, напр., ***ол јетире кижи***—он порядочный человек; ***јетире кылыкту кижи***—пройдоха; ***јетире ок эмтир***—ну и мерзавец же.

Послелог а л а

Послелог ***а л а*** означает: начиная с, спустя, после. По происхождению послелог ***а л а*** представляет собою застывшую глагольную форму—деепричастие на ***а*** от корня глагола ***ал***—брать, получать.

В сочетании с именами управляет исходным падежом и выражает форму обстоятельства места. По синтаксической функции соответствует русским предлогам с, то, напр., ***бичикти бажынан ала учына чыгара кычырды***—(он) прочитал книгу с самого начала до конца; ***сегис айры темир теректи бажынан ала јара чапты***—тополь, с восемью разветвлениями (он) разрубил пополам (начиная с вершины); ***Онгдойдон ала кайда да токтобой келдис***—от Онгудая (населен. пункт) ехали, не останавливаясь нигде; ***јаказынан ала эдегине јетире јаашка алдырган***—вымок (от дождя) с головы до ног (букв. от воротника до подола).

Кроме пространственных отношений послелог ***а л а*** выражает исходный пункт во времени. В сочетании с именами существительными, с наречиями и с указательными местоимениями послелог ***а л а*** управляет исходным падежом.

В сочетании с существительными и наречиями послелог ***а л а*** соответствует русскому предлогу с, напр., ***ол күннен ала эмдиге јетире олордын ойыны божоголок***—с того дня и до сих пор веселье (их) все еще не прекратилось; ***јаштан ала ол јаркынду күн көрбөди***—он с детства не видел светлых дней; ***ол күннен ала Ырысту, Ак-Кааннын алтан аркыт чегенин түнге - түшке уйку јоктон быжар болды***—с того дня Ырысту, не зная сна, день и ночь сбивал кислое молоко (чеген) в шестидесяти кожаных мешках, принадлежащих Ак-Хану; ***ол өйдөн ала Өскүс-Уулдын јүрүми ырысту боло берди***—с того времени жизнь Өскүс-Уула была счастливой.

Послелог б а ш т а п

Послелог ***б а ш т а н*** представляет собою застывшую форму деепричастия от глагола ***башта***—начинать, приступать.

В сочетании с именами ***б а ш т а п*** теряет свое самостоятельное значение и приобретает отвлеченное грамматическое значение послелога, который служит для обозначения временных отношений и по семантике соответствует послелогам ***ала*** и ***б е р и***. По синтаксической функции послелог ***б а ш т а п*** соответствует предлогам с, со, начиная с, начиная от, напр., ***кечеден баштап ырган јат***—веселятся со вчерашнего дня; ***былтырдан баштап ол бригадир болуп иштеп јат***—он с прошлого года работает бригадиром

(букв. начиная с прошлого года); ***ол кӯннен баштап ол кунугып санааркап jат***—с того дня он грустит.

Во всех этих примерах послелог ***баштап***, может быть заменен более употребительными послелогами в этом же значении, такими как ***ала*** и ***бери***. Так что, значение послелога ***баштап*** ослабляется и в литературном языке он употребляется редко.

Послелог болуп

Послелог ***болуп*** образовался от глагола ***бол***—быть, существовать. Послелог ***болуп*** относится к категории послелогов, слабо дифференцированных с семантикой глагола—с деепричастием ***болуп***.

В сочетании с управляемым именем в направительном падеже ***болуп*** теряет знаменательное значение и превращается в грамматический элемент—послелог, выражающий значение цели и причины. Он так же, как и послелог ***учун***, служит для указания на предмет, который является поводом для суждений мыслей, чувств.

В сочетании с именами и именными формами глагола означает цель в значении ради; ***очы карындажы Сынаруга болуп айыл - jуртын таштап, алган эжин артырып, акаларына да айтпай, оны бедреп база берди***—младший брат ради Сынару оставил свой дом, жену, не сказал ничего братьям, отправился искать ее (Сынару); ***кара jаҥыс карындажыма болуп бери келбей кайтым***—я ведь сюда приехал ради единственного своего брата; ***оныҥ келгенине болуп мен нени де болзо берип ийер эдим***—ради его приезда я отдал бы все.

В сочетании с личными местоимениями, послелог ***болуп*** означает причину в значении из-за, для, напр., ***сеге болуп тӯн-тӯш көрбөй маҥтаттым***—из-за тебя я мчался, не зная дня и ночи; ***мен слерге болуп турбай***—я стараюсь для вас; ***меге болуп мында jатпа***—не живи здесь из-за меня.

Примечание: кроме выражения целевых и причинных отношений, послелог ***болуп*** выражает форму синтаксической связи управления обстоятельства сравнения

В сочетании с именем существительным, послелог ***болуп*** в этом случае управляет неопределенным падежом и соответствует русскому сравнительному как, похожий, напр., ***Ак-боро ат тура тӯшти, агаш болуп кадала берди***—серко остановился как вкопанный; ***Темир-Кааннын кату сööги саҥыс болуп кайыла берди***—твердые кости Темир-Хана размякли как смола; ***тӯлкӯ бычкак бöрӯк болуп, тӯрӯле jадып ийди***—(он), лег, свернувшись и стал похож на шапку из лисьих лапок; ***саҥыс болуп кайылды, салам болуп шылырады***—таял как смола, шумел как солома.

Послелог көрö

Послелог ***көрö*** является формой деепричастия от глагола ***көр***—видеть.

В сочетании с именами, именными формами глагола, а также наречиями послелог ***көрö*** управляет дательным падежом и означает, что предмет, названный в дательном падеже, является основой или мерой для сравнения. По значению соответствует русским словам, по сравнению с; судя по, смотря по, согласно с, сообразно с, напр., ***туранын jанына көрö, бу көзнöктöр кичинек***—сообразно с величиной дома эти окна маленькие; ***былтыргызына көрö, бис ашты эрте jууп салганыбыс***—судя по прошлому году, (по сравнению с прошлым годом) мы рано убрали хлеб.

В сочетании с личными местоимениями ***көрö*** передает содержание понятий—смотря на, глядя на, напр., ***ого көрö, улус ончозы кожоҥдой берди***—глядя на него, все запели; ***меге көрö, ол до jакшы ӯрене берди***—

глядя на меня, и он начал хорошо учиться; ***биске көрө, ол түрген иштей берди***—глядя на нас, он начал быстро работать.

Послелог а ж ы р а

Послелог ***а ж ы р а*** является деепричастием от глагола ***ажыр*** и выражает один из способов действия перехода через какой-либо предмет. По значению соответствует русскому предлогу через, напр., ***кыр ажыра тыштанбай ашты, талай кечире уйуктабай кечти***—не отдыхая, через гору перевалил, без сна, через море переплыл; ***бежен көжөгө ажыра бут тийбей секирип келген***—не задев ногами (он) перескочил через пятьдесят занавесей.

Послелог ***а ж ы р а*** в современном языке все чаще сочетается не с именительным падежом, а с винительным и исходным падежами; напр., ***үч тайганы ажыра чапты, үч талайды кечире барды***—карьером переехал через три тайги (горы) переплыл через три моря; ***алтын јараш бозогоны ажыра басты***—перешагнул через золотой, красивый порог; ***кара талай јарадынаҥ ажыра чайбала берди***—черной море начало всплескиваться через берег; ***алып бүткен Алтын-Коо ат бажынаҥ ажыра көрди***—Алтын-Коо багатырь смотрел через голову копя.

Кроме всего послелог ***а ж ы р а*** служит указанием на посредника, с помощью которого совершается действие, напр., ***атты мен Модоров ажыра садып алдым***—лошадь я купил через (с помощью) Модорова; ***оныҥ куучынын мен радио ажыра уктым***—его выступление я слушал по радио; ***акчаны банк ажыра көчүрип берген***—деньги были переведены через банк; ***карындажымла мен телефон ажыра куучындаштым***—с братом я разговаривал по телефону.

Употребление ***а ж ы р а*** в смысле выражения временных отношений, соответствующих понятию больше, свыше, напр., ***Кудай-Берген Аза-Јалаҥда төртөн јыл ажыра јаткан***—Кудай-Берген (собств. имя) в Аза-Палане (населенный пункт) жил свыше сорока лет; ***албатыныҥ кожоҥы Алтай ичине јайыла берди, ай ажыра јыргал болды***—песни народа разносились по Алтаю, веселье продолжалось свыше месяца.

Употребление ***а ж ы р а*** в переносном значении: ***ажыра эрмек***—пустословие; ***ажыра төгүн***—несусветная ложь; ***ажыра кылык***—недостойное поведение и т. п.

Послелог к е ч и р е

Послелог ***к е ч и р е*** является деепричастием от глагола ***кечир*** и по своему значению является синонимом послелога ***а ж ы р а.*** В сочетании с именами он так же, как послелог ***а ж ы р а,*** управляет неопределенным и винительным падежами и соответствует русскому предлогу через, напр., ***Кадын деген суу кечире јараш күр тудулды***—через реку Катунь построен красивый мост; ***көк талайды кечире, кара тайганы ажыра, элес эдип маҥтай берди***—мгновенно пролетел через синее море, через темную тайгу; ***айылдажым јол кечире јаткан***—мой сосед жил через дорогу.

Употребление ***к е ч и р е*** в значении поперек; ***сениҥ адыҥ адабай јурейин, сениҥ јолыҥ кечире баспайын***—буду жить не называя твоего имени, не буду ходить поперек твоей дороги; ***јол кечире машина токтоды***—поперек дороги остановилась машина.

Послелог ө т к ү р е

Послелог ***ө т к ү р е*** является деепричастием от глагола ***өткүр*** и по своему значению близко примыкает к послелогам ***а ж ы р а*** и ***к е ч и р е,*** он в отличие от них, в соответствии со своим основным значением ***ө т к ү р е***—про-

никнуть, проходить сквозь обозначает не способ перехода через какой-либо предмет, а способ проникновения сквозь предмета, с которым он сочетается. ***Откӯре*** управляет неопределенным и винительным падежами и по значению соответствует предлогу сквозь, напр., ***туман откӯре неме көрӯнбей турды***—сквозь туман ничего не было видно; ***кыс јоон јадыкка отурала, бозом откӯре уулдыҥ чырайын кезе ајыктап отурды***—девушка села на толстый валежник и сквозь темноту начала внимательно рассматривать лицо парня; ***кажы бирде арыганда, суунын јарадына отурып, ый откӯре кожондоп турды***—иногда, усталый (он) садился на берег реки и пел сквозь слезы; ***ый откӯре каткы***—смех сквозь слезы.

Послелог удура

По происхождению послелог ***удура*** является деепричастием от глагольного корня ***удур***—быть против, напротив. Послелог ***удура*** управляет дательным падежом и означает, что действие направлено против чего-либо, против кого-либо, напр., ***бастыра албаты өштӯге удура чыкты***—весь народ поднялся против врага; ***слерге удура мен неме айтпазым***—против вас я ничего не скажу; ***эки баатыр экилези бойы бойына удура чыкты***—оба богатыря вышли друг против друга.

Употребление ***удура*** в знаменательном значении—навстречу; ***меге удура кандый да кижи клеетти***—навстречу мне шел какой-то человек; ***байрамга удура вахтага турды***—(он) встал на предпраздничную вахту (точнее: навстречу празднику); ***јајыма удура барып көрөйин***—пойду-ка я навстречу моему другу.

Послелог эбире

Послелог ***эбире*** представляет собою застывшую глагольную форму—деепричастие на ***е*** от глагола ***эбир***—кружить, окружить.

В сочетании с именами существительными и определительным местоимением ***ончо*** послелог ***эбире*** употребляется только в форме местного падежа и управляет винительным падежом, выражая форму синтаксической связи образа и способа действия. По синтаксической функции соответствует русским предлогам кругом, вокруг, напр., ***јер телекейди эбире јоруктап јӯрген кижи эдим***—я путешественник, объехавший вокруг земного шара; ***улустар јалаҥда каран өчӯп брааткан отты эбире уйуктап јаттылар***—люди спали в поле вокруг угасающего огня; ***төжөктө јаткан айылчыны көрди, айыл ичин эбире ајыктады***—посмотрел на гостя, лежащего в постели, осмотрел кругом внутри айыла; ***ол балазыныҥ будын тонло јабала, отургандарды эбире көрӯп ийди***—она прикрыла шубой ноги своего ребенка и кругом осмотрела всех присутствующих; ***Килиҥ-Кара ат эбире маҥтап тепкиленди***—Килин-Кара—конь, бегая вокруг, бил ногами (лягаясь); ***тураныҥ ичин эбире ајыктады, отурар јерин таппады***—(он) осмотрел кругом внутренность избы, но не нашел места сесть; ***јалаҥныҥ ичин эбире басты***—он прошёл вокруг всего поля.

Случаи употребления ***эбире*** в смысле обычного наречия: ***эбире бир де кижи көрӯнбеди***—кругом никого не видно; ***эбире јаткан албаты баатырды мактады***—народ, живущий вокруг, прославлял богатыря; ***эбире отураар***—садитесь вокруг.

Таким образом, мы видим, что послелоги в составе словосочетания несут важную служебную функцию, выражая оттенки разного рода пространственных, временных и иных отношений между отдельными словами в предложении, главным образом, в плане синтаксиса.

По лексическому значению послелоги разделены на дифференцированные послелоги, выделившиеся из состава лексики в специальном значении послелогов, напр., ***учун, јаар, ӯзеери, сайын, јуук ошкош, чылап-чилеп, ла-бы-***

ла, кире, улам и др. Слабо дифференцированные послелоги, сохранившие формальные признаки знаменательных частей речи—существительных *ич, орто, ара, алд, ӱст, кийин, јан, баш, тыш, тӱп, одош, орын-орды, туркун, туш, керек, шылту, ӧскӧ, башка;* наречий: *бойынча, аайынча, кайра, озо* и глагольных форм: *јетире, ала, соҥында-соондо, кӧрӧ, болуп, баштап, ажыра, кечире, ӧткӱре, удура* и *эбире.*

Последняя группа представляет собой разряд слов, которые в современном языке находятся в средней стадии развития между обычным именем с предметной семантикой и с возможностью нормального морфологического изменения, присущего знаменательным словам.

Переход знаменательных частей речи в категорию служебных слов ограничен тремя пространственными падежами. Напр., *бастыра улус айылдыҥ ичине кире берди—ичине*—форма дательного падежа; *бастыра улус айылдыҥ ичинде отурды—ичинде* форма местного падежа; *бастыра улус айылдыҥ ичинеҥ чыга берди—ичинеҥ*—форма исходного падежа.

Как видно, каждая падежная форма в приведенных примерах представляет собою самостоятельный послелог, который сохраняет свою формальную сторону знаменательного слова и используется не в прямом своем значении, а в служебном, соответствуя русским предлогам в, из: *айылдыҥ ичине*—в избу, в дом; *айылдыҥ ичинде* в избе, в доме; *айылдыҥ ичинеҥ* из избы, из дому. Здесь всегда выступает конструкция притяжательно-определительного сочетания: определение в форме притяжательного падежа, а определяемое в форме трех пространственных падежей.

Особо следует остановиться на наличие в алтайском языке грамматического показателя *ла*. В настоящей работе *ла* представлен как послелог, сохраняющий за собою форму выражения синтаксической связи косвенного дополнения совместного действия, а также орудного или инструментального значения (прямого или переносного); *балдар энезиле јӱре берди*—дети ушли с матерью; *олор кемеле кечти*—они переплыли на лодке. В последнее время оба значения:—и совместного действия и орудноинструментального—употребляются в сопоставлении с творительным падежом русского языка, на основе чего в алтайскую грамматику введен дополнительный седьмой падеж под термином *„ӧмӧлӧчи“*. Но характерным признаком, который дает право квалифицировать *ла* как послелог, является его безударность. С другой стороны, в отличие от всех послелогов, *ла* с управляемым словом пишется слитно, что свидетельствует о его грамматическом развитии.

В. Н. Купреянова,
кандидат филологических наук.

АЛТАЙ В ТВОРЧЕСТВЕ А. КОПТЕЛОВА

Советская власть осуществила полную свободу и равноправие всех наций и народностей нашей страны. В прошлом угнетенные, бесправные, экономически и культурно отсталые народы ликвидировали свою отсталость при братской поддержке русского народа, создали свою культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию. Советская литература постоянно обогащается, так как в нее вливаются все новые и новые талантливые произведения писателей различных национальностей. Одним из многих проявлений дружбы между народами СССР является тот факт, что нередко писатель одного из советских народов материалом для своих произведений берет жизнь другого народа. Русские писатели часто изображают жизнь нерусских. Вспомним А. Фадеева и его роман «Последний из удэге», Т. Семушкина и Н. Шундика с их романами о чукчах, Н. Лукницкого, В. Ажаева, А. Контяеву и многих других. Почетное место в ряду этих писателей по праву принадлежит А. Коптелову с его произведениями об одном из народов Сибири—алтайцах.

В Сибири живут десятки ранее угнетавшихся племен и народов: алтайцы, якуты, бурят-монголы, хакасы, тувинцы, ханты, манси и др. До революции у царских чиновников для всех этих племен было одно презрительное название—«инородцы». Их эксплуатировали баи, грабили торговцы и администрация. Численность народов катастрофически уменьшалась. В октябре 1917 года для них «зажглась золотая заря», как говорил алтайский поэт Павел Кучияк: они получили свободу, права, огромную помощь со стороны русского народа. Открылись все возможности для их нормального развития.

А. М. Горький писал про сибирские племена: «Это люди, которых до Октябрьской революции не считали за людей и у которых не было прав, кроме одного—права постепенно вымирать. Нужно, чтобы они почувствовали и поняли, что перед ними другой мир, не тот, который отрицал их, в котором они жили слепо и немо, и что этот новый мир требует их участия в строительстве. Теперь, когда они начинают учиться свободно говорить, их голоса скорее и яснее донесутся до соседей, еще слепых и немых. В нашей действительности понятие «равенство» должно быть полноценным, а не таким пустым, как опустошили его Франция и другие буржуазные государства Европы, Америки»[1].

Коптелов с ранних лет познакомился с алтайцами, изучал этот до революции мало известный в литературе народ, общался с алтайцами-пастухами, слушал их поэтические легенды и сказания о прошлом, учился у них бродить по горным тропам над глубокими пропастями, часами подкарауливать горных козлов. Горный Алтай дал Коптелову богатейший материал, на основе которого были впоследствии созданы лучшие его произведения—«Великое кочевье», «Снежный пик», «Путь

[1]) М. Горький „Письма в Сибирь", Новосибирск, 1946, стр. 108.

через века». Коптелов—первый из русских писателей познакомил широкого читателя с Горным Алтаем.

I.

Истоки алтайской темы в творчестве Коптелова—повесть «Морок». В повести изображена жизнь русского селения на Алтае и алтайского сеока (рода), кочующего в этом же районе. В начале произведения автор рассказывает, как исторически складывались взаимоотношения между русскими и алтайцами, как царское чиновничество разжигало вражду между двумя народами при поддержке православной и старообрядческой церкви. За убийство алтайца часто не бывало никакого наказания.

Центральный персонаж повести—кулак-начетчик Егор пытается продолжать эту политику по отношению к алтайцам и после Октября. Он отбирает у алтайцев лучшие земли, перекапывает межевые ямы, завладевает покосами и, наконец, убивает одного из алтайцев, активно сопротивляющихся его незаконным действиям.

Егору в произведении противопоставляется красноармеец Семен. Семен организует культработу в деревне, встает на защиту обиженных алтайцев. Семен и его сторонники побеждают. Егора арестовали. Повесть кончается символической картиной восхода солнца, разорвавшего в клочья серый морок, нависший над деревней. Этот художественный прием помогает раскрыть идею произведения-победу новой светлой жизни над мрачными силами прошлого.

«Алтайская» часть повести наиболее интересна и по своему значению для дальнейшего творчества Коптелова, и по художественным достоинствам и верности жизненной правде.

Цветущий луг. По лугу едет алтаец Тоогош: «Казалось плывет он по зеленому морю, придерживаясь за красноватый поплавок». Тоогош поет: «Выросла густая трава, много сена накосит Тоогош, много скота держать будет» так начинается повесть. И вдруг Тоогош видит, что поле не принадлежит ему, что кулак Егор перекопал межевую яму и посеял лен на его, Тоогоша, земле. Тоогош мстит захватчику: вытаптывает посевы. Между Тоогошем и Егором возникает борьба. Егор со своими работниками косит траву на лугу алтайцев. Алтайцы говорят: «А мы коров пригоним—пусть едят. Урус стога делал—алтай-кижи не работать». Вопрос разрешается на сходе. В картине схода Коптелов очень верно раскрывает взаимоотношения русских и алтайцев. В повести врагами алтайцев показаны не русские люди вообще, а кулаки, совместно с баями и зайсанами захватившие лучшие земли на Алтае. При разделе земли трудящиеся алтайцы оказываются в одном лагере с русской беднотой против русского кулачества и алтайской национальной буржуазии.

В том же, 1927 году, Коптелов написал очерк «Золотые горы». В «Золотых горах» автор рассказывает о жизни русских и алтайских селений в отдаленных уголках Алтая. Зоркий глаз писателя многое увидел в этих уголках. Кержаки—старообрядцы в 20-х годах XX-го века все еще живут по каким-то старым законам времен Екатерины II, не признавая нового землеустройства. В быту царит грубый произвол главы дома по отношению к женщинам и младшим членам семьи. Старообрядцы религиозны и суеверны: верят в порчу, колдуний и оборотней. К алтайцам они относятся с презрением, называя их «татарвой». Сами алтайцы живут по-старинному в дымных юртах, не снимают своих шуб, не моются, питаются полусырым мясом, кислым молоком, хранящимся в кожаных мешках. В юртах висят кермежеки—фигурки идолов, охраняющих домашний очаг. Но уже чувствуется на Алтае «дуновение нового, идущее с севера»: дружба между трудящимися русскими и алтайцами, которых уравняла советская власть, новые приемы обработки земли у алтайцев, изменения в их бытовом укладе. Элементы нового Коптелов называет молодыми, но крепкими растеньицами, которые выдерживают суровое дыхание холодных ветров.

В 1928 году в «Сибирских огнях» появился очерк «Горными тропами». В нем заслуживают внимания четыре портрета: русского кулака—старовера Полиек-

та, алтайского бая Аргымая Кульджина и двух проводников экспедиции—алтайца по имени Амыр-Сана и русского—Ивана Егоровича.

Удаленность заимки Полпекта от железной дороги и культурных центров позволила кулаку отгородиться на некоторое время от новых порядков. Полпект живет своей усадьбой, владеет большим количеством земли и скота, торгует пушнтами. В быту Полпект придерживается суровых старых порядков. Коптелов рассказывает об ужасном преступлении дочери Полпекта: она убила собственных детей, так как не могла жить с пьяницей и развратником мужем, а отец не принимал ее в свой дом, ибо по кержацким законам жена—раба мужа и не имеет права уходить от него.

Аргымай Кульджин—бывший крупный коннозаводчик, «поставщик двора его величества», богатейший бай Алтая, злейший эксплуататор трудящихся, пособник царского чиновничества в ограблении и закабалении алтайцев. В 1917 году он был сторонником буржуазной Алтайской Горной Думы, а в 1918 году одним из организаторов контрреволюционного учредительного Горно-Алтайского Съезда. В 20-х годах Аргымай надел на себя личину «культурника», «радетеля и печальника» общеалтайских дел, «друга алтайского народа».

Правдиво нарисованы Коптеловым образы проводников. Показаны внешние черты и национальные особенности характера Амыр-Сана. Амыр-Сана спокоен, медлителен, уверен в себе, он хорошо знает все горные тропы, бесстрашно проводит экспедицию по почти неприступным местам. Амыр-Сана малокультурный человек. Он еще побаивается горного духа и приносит ему жертву, но вера Амыр-Сана—это не внутреннее убеждение, а скорее механическая привычка. Детей же своих Амыр-Сана воспитывает по новому. Он гордится тем, что дает образование детям, что они становятся новыми людьми, которые будут приносить пользу алтайскому народу.

Удался Коптелову портрет и другого проводника, семидесяти-четырехлетнего Ивана Егоровича. Иван Егорович—потомок простых русских людей, первых засельщиков Алтая. Коптелов отмечает большие способности русских жителей Алтая ко всякому ремеслу. Они умеют «ковать, слесарить, плотничать, машины ремонтировать, кожи делать, сапоги шить, кошмы катать, охотничать, рыбачить». Сам Иван Егорович объездил весь Алтай и хорошо знает его. Он был проводником многих научных экспедиций. Иван Егорович обладает свойствами характера, типичными для простого русского человека: трудолюбием, выносливостью, способностью к разным ремеслам, умом и наблюдательностью, уменьем обобщать и мыслить государственно. Иван Егорович не просто любит Алтай, он изучает его, сознает необходимость разработки богатств Алтая.

Очерк «Улу-Байрам» («Сибирские огни» № 7—8, 1932 г.) посвящен празднованию десятилетия советской Ойротии (как тогда называлась Горно-Алтайская область).

Коптелов показывает экономический прогресс Горного Алтая и повышение материального благосостояния трудящихся, рост влияния партийных организаций, увеличение количества обобществленных хозяйств; культурный рост алтайцев и их отказ от старых верований.

В очерке описывается выставка, посвященная десятилетию советского Алтая. Писатель привлекает внимание читателя к характерным деталям: алтайцы потребовали изгнания кукол-хранителей домашнего очага даже из бутафорской выставочной юрты («Мы давно всех кермесов сожгли, а тут навесили их»), и ни один алтаец не согласился инсценировать обряд камлания. Культурный рост алтайцев виден и в создании национального театра, художественной литературы. Коптелов рассказывает о постановке на сцене алтайской пьесы «Последний зайсан», об алтайском литературном вечере. Автор знакомит читателя с представителями алтайской интеллигенции—первым народным учителем Челекеем Апаятовым и писателем Павлом Кучияком. Челекей организовал первую алтайскую школу и всю свою жизнь посвятил делу народного образования.

С Павлом Кучияком (1897—1943) на празднике Улу-Байрам писатель встретился впервые. Его заинтересовал одаренный поэт, драматург и актер. С

тех пор Коптелов уделял много внимания творческому росту Кучияка, помогал в переводе и издании произведений этого талантливого алтайского писателя, умершего в самом расцвете творческих сил. В очерке «Улу-Байрам» Коптелов на примере Кучияка показывает, как много сделала Советская власть для алтайского народа. Сын шамана, родившийся в грязной юрте, Кучияк при Советской власти стал студентом Коммунистического Университета трудящихся Востока, получил возможность развивать свои природные способности, стал крупным поэтом.

Весь очерк «Улу-Байрам» приводит к мысли, что только благодаря советскому строю за такой короткий срок мог алтайский народ пройти путь «от легенды о том, что белая корова съела алтайскую книгу, от сплошной неграмотности—до сплошной грамотности, до литературы на родном языке, до своих писателей, вышедших из пастушеских, бедняцких и середняцких слоев; от примитивного рисунка на камне—до художественной школы; от шаманизма с кровавым жертвоприношением—до атеизма; от раскиданных по глухим ущельям юрт бедняков—до колхозных селений с теплыми домами, просторными школами, маслозаводами, яслями; от узких троп—до шоссе; от мотыги—до трактора; от полудикости и самой настоящей дикости—до активного участия в строительстве социализма».

Эти три очерка являются подготовительным материалом к «Великому кочевью». Каждый последующий очерк показывает идейный рост Коптелова и рост его мастерства. Если для первого очерка характерна эмпирическая фотографичность и обилие материала, то во втором виден более тщательный отбор фактов и лиц, а в третьем—стремление к широким обобщениям и конкретным выводом.

Переходом от очерков к роману была серия алтайских рассказов, написанных с 1932 по 1936 год («Первая весна», «Тоотой», «Трубка зайсана», «Камень счастья», «Чебек Онуков»).

«Первая весна»—это рассказ о первой оседлой весне алтайского колхоза. Здесь мы встречаемся с председателем колхоза Борлаем Токушевым, который потом займет центральное место в «Великом кочевье», с его русским другом Миликеем Кискиным (в «Великом кочевье»—Охлупнев), приехавшим помогать алтайцам в работе и учить их.

Пастух Тоотой в одноименном рассказе полюбил девушку Алтын, но ее выдали замуж за другого, так как по поверьям алтайцев нельзя заключать браки внутри одного рода—сеока. Тоотой с горя поджёг юрту, стал пить, буянить и даже воровать. Только возвращение к любимому делу—к уходу за конями—повлияло на Тоотоя. Он исправился, снова стал ударником, захотел учиться. Рассказ написан от лица русского крестьянина—приятеля Тоотоя с сохранением всех особенностей местного сибирского говора. Личная заинтересованность рассказчика в судьбе героя придает особую теплоту общему тону рассказа. История несостоявшейся свадьбы Тоотоя— это зерно драмы Ярманки и Яманай в «Великом кочевье».

Борьбе с суеверием посвящен рассказ «Трубка зайсана». Прах зайсана Янкаша Пуктушева считается священным. Никто не осмеливается нарушить вечный покой главы рода, близко подойти к могиле или раскопать ее. Страшит гнев богов. Один лишь пастух Илюбей Уштуев решился проникнуть в усыпальницу. Когда он рассказывает об этом, сородичи не верят ему. В доказательство истины своих слов пастух показывает трубку, взятую им из могилы зайсана. Вслед за Илюбеем к усыпальнице пришли другие алтайцы и раскатали ее по бревну, а из бревен построили дом, чтобы в нем могли укрываться в непогоду пастухи и охотники.

Рассказ «Чебак Онуков» повествует об участии алтайцев в охране социалистического отечества, об их бдительности и борьбе с диверсантами.

Завершает эту серию рассказ «Камень счастья». Лежит огромный камень на перекрестке двух дорог. По преданию, его забросил туда древний богатырь, легко перекинувший камень через коня. Счастлив будет тот, кто сдвинет камень, только это никому не под силу. Но люди стали работать вместе и сдвинули камень—символ гнета, сбросили с себя груз прошлого.

Эти рассказы раскрывают разные стороны жизни алтайцев в прошлом и настоящем, все они так или иначе связаны с «Великим кочевьем», некоторые лица и эпизоды из рассказов вошли в роман.

II

«Великое кочевье» — любимое детище Коптелова. Многолетняя работа над этим произведением показывает большую требовательность писателя к себе.

В советской литературе этот роман представляет довольно значительное явление. В содокладе К. Симонова на Втором Всесоюзном съезде советских писателей «Великое кочевье» было названо в почетном списке широко популярных книг.

Первый вариант романа был напечатан в 1934—35 г.г. в журнале «Сибирские огни». Затем он неоднократно выходил отдельным изданием в Москве, Новосибирске, Барнауле и Иркутске.

В 1947 году роман был переведен на чешский язык и издан в Чехословакии. В 1955 году он вышел на немецком языке в Германской Демократической Республике. Сейчас роман переводится на алтайский язык для издания в Горно-Алтайске.

«Великое кочевье» — роман о трудящихся алтайцах, о их борьбе за окончательное уничтожение всей и всяческой эксплуатации, об их отказе от старых верований и предрассудков; роман о дружбе народов СССР, о великом «кочевье» алтайского народа к социализму.

Советские писатели показали в своих произведениях, как партия и правительство осуществляли ленинский план кооперативного преобразования сельского хозяйства страны на социалистических началах; отразили сложные процессы, происходившие в деревне в то время: организацию колхозов, ликвидацию кулачества как класса, позиции середняка, поворот широких масс крестьянства к колхозам.

В основном тема коллективизации раскрывается писателями на материале жизни русского народа (Панферов «Бруски», Шолохов «Поднятая целина», Шухов «Ненависть», Замойский «Лапти», Пермитин «Горные орлы» и др.).

Заслуга Коптелова в том, что он один из первых выявил своеобразные черты великого переворота для ранее отсталых, так называемых «малых» народностей. На примере одного алтайского урочища он показал быстрый рост сознания, культуры, переход от патриархальных отношений, минуя капиталистическую стадию, к социализму — переход, характерный не только для алтайцев, но и для множества других, ранее угнетавшихся народностей нашей страны — казахов, эвенков, чукчей и др.

До Великой Октябрьской социалистической революции алтайцы делились на роды — сеоки, управляемые зайсанами. Зайсан только прикрывался названием родового старшины, на самом деле это был феодал, владеющий землей, нажившийся на податях, отработках, взятках и пр.

Вторым представителем эксплуататорской верхушки был крупный собственник бай, третьим — шаман. Часть бедняков алтайцев были батраками, другие имели собственные средства производства — скот, но положение их было очень тяжелое. Они зависели от зайсана, платили ясак русскому правительству и разорялись вследствие хищнической меновой торговли русских купцов. Своеобразие феодальных отношений у алтайцев заключалось в том, что эти отношения переплетались с патриархально-родовыми. В конце XIX и начале XX века наблюдаются зародыши капитализма на Алтае. Хозяйство алтайцев перестраивается на товарный лад. Наибольшей товарностью, естественно, отличались байские хозяйства. Баи были конкурентами русских, разжигали национальную вражду. Капиталистическая эксплуатация выступает в своеобразных примитивно-крепостнических формах. Сельскохозяйственный пролетарий, батрачивший на бая, еще считался «сыном» бая, а бай его «отцом и благодетелем», что сильно мешало росту самосознания тружеников-алтайцев. Наличие старых патриархально-феодальных отношений наряду с новыми отношениями капиталистического типа являлось основной чертой общественного строя Алтая в начале XX века.

Несмотря на колонизаторские методы царского правительства, период пребы-

вания алтайцев в составе царской России был прогрессивным, так как культурный уровень алтайцев повысился благодаря общению с русской народной средой. От русских алтайцы переняли пашенное земледелие, пчеловодство, огородничество, птицеводство, постройку изб. Русские приучили их к опрятности, к элементарной личной гигиене. Во время первой мировой войны многие алтайцы были призваны на тыловые работы. Русские коммунисты вели среди них политическую пропаганду. Советская власть на Алтае была установлена в декабре 1919 года. Первая алтайская ячейка Коммунистической партии была создана в феврале 1920 года. В начале 1921 год был образован Горно-Алтайский уезд с центром в селе Алтайском, в 1922 г., после окончательного уничтожения белогвардейских банд, по постановлению ВЦИК была выделена Ойротская (ныне Горно-Алтайская) автономная область, вошедшая в состав РСФСР. Алтай вступил в новый период своей истории. Советский государственный строй, ленинская национальная политика, братская помощь русского народа создали условия для развития культуры алтайцев, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Об этом и рассказывается в романе «Великое кочевье».

Содержание романа следующее:

Адар и Борлай, сыновья бедняка алтайца Токуша, во время первой мировой войны были отправлены на тыловые работы. Борлай вернулся домой после Октября 1917 г., Адар пошел в партизанский отряд бороться с белогвардейскими бандами на Алтае. Адар погиб. Продолжая дело, за которое отдал жизнь его брат, Борлай стал проводником политики новой власти среди своих сородичей. При помощи русских он организовал первый колхоз на Алтае. Алтайцы перешли на оседлость, стали заниматься земледелием, строить дома вместо переносных юрт, отказались от суеверий, прогнали шамана, начали учиться грамоте. Русские люди—кочевой агитатор Суртаев, секретарь аймачного комитета партии Копосов, Милекей Охлупнев и Макрида Ивановна помогают алтайцам строить новую жизнь.

Перестройка жизни алтайцев проходит в жестокой классовой борьбе. Бай Сапог Тыдыков, пользуясь своим авторитетом главы рода, привлекает часть алтайцев на свою сторону. Прикрываясь маской «культурника», Сапог всячески вредит Борлаю и его товарищам: он тайком агитирует против колхоза, травит колхозные посевы и уничтожает скот. Наконец, бай организует покушение на Борлая. Покушение не удалось. Тогда Тыдыков совместно с подкулачником Утишкой совершает вооруженное нападение на юрту Борлая. Утишка убивает жену Борлая—Карамчи. Но победа остается не за баем, а за Борлаем и его товарищами. В последней попытке оказать вооруженное сопротивление военной части, посланной на ликвидацию контрреволюционных банд в Горном Алтае, Сапог был ранен и захвачен.

В конце романа Борлай показан как крупный общественный деятель. В личной жизни он тоже счастлив. Он женился на русской женщине Макриде Ивановне, которая создала ему новую семью и заменила мать его детям.

Параллельно судьбе Борлая развивается судьба его младшего брата Ярманки. После гибели Адара восемнадцатилетнего Ярманку по закону предков женили на вдове Адара—старой Чаных. Ярманка с отвращением подчиняется обычаю, так как он любит самую красивую девушку селка—Яманай.

Яманай насильно выдают замуж за байского пастуха Анытпаса. Она становится жертвой сластолюбия его хозяина—бая Тыдыкова. Анытпас по наущению Тыдыкова покушается на жизнь Борлая и попадает в тюрьму. Разлученная с возлюбленным, лишившаяся мужа, униженная и опозоренная, Яманай доходит до мысли о самоубийстве. Но молодость и жажда жизни берут свое: в душе Яманай происходит кризис—она решается порвать с прошлым, уходит в районное село, где заведующая женотделом направляет ее учиться в Дом Алтайки, откуда ее посылают на работу в ясли, затем она становится слушательницей совпартшколы и по окончании школы возвращается в родные места на партийную работу.

Тем временем изменяется и жизнь Ярманки: он вступает в комсомол, учится в партшколе. Его семейная жизнь с Чаных разрушается сама собой. Ярманка был нужен Чаных только как кормилец ее детей от первого мужа. В изменив-

шихся экономических условиях, работая в колхозе, Чаных сама в состоянии содержать семью, и поэтому уход Ярманки не является для нее несчастьем. Кончается роман счастливой встречей Ярманки и Яманай.

В романе на конкретном материале жизни алтайского колхоза раскрываются темы большого общественного значения: тема классовой борьбы и перехода алтайцев к коллективизации; тема дружбы народов СССР и роли русского народа, как старшего брата в великой семье; тема зарождения и утверждения новых форм социалистического труда; тема раскрепощения женщины и ее равноправия с мужчиной в коллективном труде.

Путь алтайцев к социализму через коллективизацию и переход к оседлости совершается в условиях ожесточенной классовой борьбы. Коллективизация не могла быть осуществлена, пока не было сломлено сопротивление зайсано-байской верхушки.

На образе бая Сапога Тыдыкова, его сообщников и клевретов Коптелов показал те разнообразные формы, которые принимало сопротивление кулачества.

В очерке «Горными тропами» (1928 г.) Коптелов сам не сделал окончательных выводов о контрреволюционной роли байства. Образ Сапога в «Великом кочевье»—доказательство роста мировоззрения писателя, роста его художественного мастерства. Взяв за основу некоторые черты Аргымая, Коптелов создал обобщенный образ бая и осуществляя принцип большевистской партийности, разоблачил классовую сущность эксплуататора.

Для того, чтобы сообщить читателю предисторию Сапога, автор пользуются приемом воспоминания или рассказа о бае некоторых действующих лиц, в том числе и самого Сапога. Эти рассказы и воспоминания рассыпаны по всему роману и каждый раз раскрывают какую-нибудь новую черту образа. Борлай вспоминает, как с малых лет он батрачил у бая—владельца бесчисленных табунов. Сам Сапог рассказывает своему сообщнику—агроному Говорухину о том, как в царское время он был «поставщиком двора», допускаемым на прием к царю; как на свой счет построил церковь для Алтайской духовной миссии. Бывший пастух Аргачи говорит, что до войны у Тыдыкова было больше ста табунов лошадей.

В период нэпа Сапог сумел сохранить большую часть своих богатств. Играя роль образцового хозяина—«культурника», он стремится приспособиться к советской власти и в то же время обеспечить себе поддержку рядовых алтайцев.

Автор показывает многочисленные средства, при помощи которых Сапог пытается добиться осуществления своей цели. Через посредство агронома—вредителя, опираясь на контрреволюционную «теорию» о том, что «в Сибири кулака не было», Сапог добился того, что в журнале «Спутник земледельца» был помещен его портрет и напечатана статья «Передовой культурник Алтая».

«Даже в советских книгах печатают, что я забочусь о своем народе»—хвастливо заявляет Сапог.

Когда для алтайцев организуются курсы, Тыдыков предлагает своего сына в качестве учителя:

«Мой сын—грамотный человек. Один во всей долине. Он будет вам помогать».

Скупой и жадный, как и все баи, Сапог не жалеет средств на подарки, когда считает, что это может принести ему пользу. Пять быков он пригнал кочевому агитатору для курсантов, тридцать баранов пожертвовал комитету взаимопомощи; в подарок съезду советов отправил целую отару овец, а Токушеву обещал для товарищества три табуна лошадей, если его, Сапога, примут в члены этого товарищества. «Дары» Сапога увеличиваются в геометрической прогрессии—от пяти быков до трех табунов лошадей, по мере того, как уменьшаются его шансы на «мирное сосуществование» с советской властью. Сапог доходит до такой наглости, что является с подарками на квартиру председателя облисполкома, но, конечно, получает должный отпор. Сородичей своих бай стремится привлечь на свою сторону всяческими «благодеяниями.» Женит бедного пастуха и устраивает богатый той (пиршество); раздает коров под отработки, устраивает камланье

для шаманистов. Сапог даже выстроил общую баню, заявив, что он любит всех алтайцев и выполняет волю советской власти.

Рисуя все эти действия Сапога, автор вскрывает их истинную причину — это стремление пробраться в колхоз и получить право голоса.

Не все алтайцы могли сразу правильно оценить поступки бая. Лишь передовые из них понимают, что «Сапог не отец нам по сеоку... Он волк. Все пастбища и покосы на себя забрал». Остальные еще многими нитями связаны с баем. Коптелов показал эти нити. Это родовые пережитки, согласно которым бай—отец рода, это экономическая зависимость—чуть не весь сеок в той или иной степени в долгу у Тыдыкова, это, наконец, чувство ложной благодарности к хитрому «лисовину» (как называет его Борлай). «Лисовин» умеет привлечь симпатии своих наивных сородичей: для этого надо устроить богатую свадьбу пастуху, подарить новый чегедек (верхняя одежда замужних женщин) жене бедняка, пригласить шамана к постели больного.

Параллельно внешней линии поведения Сапога Коптелов вычерчивает другую, так сказать, «внутреннюю» линию. Это тайная, подрывная работа кулака, направленная к тому, чтобы всеми силами вредить отдельным, неугодным Сапогу алтайцам, колхозу в целом, его руководителям и, наконец, всему советскому строю. Коптелов показывает разнообразные приемы классового врага, не гнушающегося никакими средствами, Сапог очень редко действует сам. У бая есть порабощенные им исполнители его воли: Таленкеленг разрушает аилы на новом стойбище, Анытпас стреляет в Борлая, гибнет жена Борлая от руки Утишки, какой-то наемник Сапога уничтожает одну за другой четырех лошадей бедняка Сенюша.

Весь ход событий в романе приводит к заключению, что важно не только разоблачение отдельных преступлений Сапога (некоторые из них так и остались нераскрытыми), а важно, что народ начинает понимать истинный характер бая, что неосознанное чувство обиды на кулака, неприязни к нему принимает форму классовой ненависти. На тоях, организованных Сапогом, начинают звучать песни, выражающие ненависть к баю:

«Серого волка убьем—
Бараны будут целы;
Старое дерево срубим—
Молодые побеги вздохнут легко».

Правительственные решения, касающиеся ограничения кулачества, с радостью поддерживаются трудящимся.

Исторически верно рисует Коптелов картину перехода баев к активным контрреволюционным действиям. Тыдыков формирует банду совместно с русскими кулаками—кержаками, скрывается в горах, затем тайно приезжает обратно с целью вербовки сторонников. Он пытается организовать контрреволюционное выступление под лозунгом создания «великого ханства кочевых народов». Первым актом банды предполагается потрава колхозного хлеба и уничтожение скота. Сам Сапог производит массовый убой маралов в своем маральнике. Вводя в роман этот эпизод бессмысленного уничтожения ценных животных, Коптелов дает понять читателю, что у Сапога нет никакой надежды на возврат старого, ибо наступил новый этап развития советского государства—переход от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества, как класса. Последние страницы романа посвящены изображению конца преступной деятельности Сапога.

Всесторонне раскрытый образ хитрого, злого, опасного классового врага, образ вполне реалистический и в то же время резко заостренный, стоит в ряду таких разоблачающих образов классовых врагов, как Островнов (М. Шолохов «Поднятая целина»), Плакущев, Чухляв (Ф. Панферова «Бруски»), отец и сын Окатовы (И. Шухов «Ненависть») и другие.

Образы кулаков—представителей малых народов мы стречаем у многих писателей. У маленького Адыйока (в одноименном произведении П. Ку-

чника) три врага: мороз, злой дух и богач Манзу, который может и поколотить детей бедняка и столкнуть в пропасть ради забавы его последнюю корову. В повести «Слова арата» Салчака Тока богатей Тожу-Хелин эксплуатирует семейство вдовы Тас-Баштыг. У Джанси Кимонко («Там, где бежит Сукпай») беззаконный суд и расправу творит над невежественными удэгейцами друг русской царской администрации Магади-Мафа. Николай Шундик («Быстроногий олень») изобразил кулаков в более поздний период—40-е годы, это богатеи Чымнэ и Эчилин, олицетворяющие отживающее прошлое. Они прикидываются друзьями советской власти и в то же время поддерживают связь с иностранными шпионами. Эти образы бледнее, чем образ Сапога. Только страшная фигура Алитета (Т. Семушкин «Алитет уходит в горы»), терзающего свой народ, продающего и предающего его американским торгашам, не уступает по яркости Сапогу.

Друг Сапога Тыдыкова—русский кулак Калистрат Бочкарев.

Хотя образ Калистрата слабо связан с основной сюжетной линией романа, введение его идейно и художественно оправдано. Автор показал, что сложная борьба, развернувшаяся на Алтае в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, ни в коей мере не была борьбой алтайцев против русских за установление «великого ханства кочевых народов», как ее пытались истолковать буржуазные националисты,—это была классовая борьба бедных против богатых, в которой трудящиеся алтайцы противостояли зайсано-байской верхушке, объединявшейся с русским кулачеством. В этой борьбе Сапог на стороне русского Калистрата, а не своих сородичей из сеока мундус. И Калистрат, хотя и велит снохе «протереть скобу песком с молитвой», после того, как ее «алтаишка лапами обхватал», встречает алтайца гостеприимно, с поклоном. Они связаны одним интересом—лютой ненавистью к советской власти—и вместе собираются на нее «управу искать». «Сапог Тыдыкович некрещенный, а вроде нам сродни»—говорит отец Калистрата. Как и у Сапога, у Калистрата есть свои единомышленники. Сапог собирает сторонников под знамя легендарного Ойрот-Хана; Калистрат подкрепляет свою бандитско-кулацкую программу цитатами из священного писания. Вместе с бандой Сапога Калистрат скрывался в горах и был захвачен. Эпизод захвата Калистрата говорит о том, что кулацко-зайсанская группа разлагается изнутри. Калистрат, спасая свою шкуру, пытается выгородить себя и всю вину свалить на Сапога.

В «Великом кочевье» изображен также агроном-вредитель Говорухин. Если образ Сапога—один из самых удачных в романе—выпукло очерчен и тесно связан с развитием действия, являясь одним из двигателей сюжета, если образ Калистрата эпизодичен, но достаточно ярок и интересен, то образ Говорухина, к сожалению, бледен. Это только схема вредителя.

Тесно связаны с этими тремя персонажами, в особенности с Сапогом, подкулачники Утишка Бакчибаев и Таланкеленг. Утишка никогда не был ни зайсаном, ни баем, ни даже просто зажиточным человеком. Как и многие другие, он зависел от Сапога, как у многих других, у него в доме часто не бывало даже талкана и приходилось довольствоваться одним чаем с солью и молоком. Но у Бакчибаева очень ярко выражена та особенность, которую В. И. Ленин, характеризуя крестьянина—середняка, назвал «двумя душами». И душа собственника побеждает в Утишке душу труженика. Мечтой всей его жизни становится богатство и власть над людьми. Утишка едет с Борлаем на новые места только потому, что «в необжитой долине с нетоптанными тропами и нетронутой землей он будет самым богатым и, стало быть, самым уважаемым». Ячмень Утишка посеял, чтобы давать его взаймы беднякам за большие проценты. Он мечтает о том, как сородичи будут приходить к нему за ячменем:

«Все жалобно бормочут, что давно не видели талкана и еле волочат ноги. Утишка повторяет, что у него своя семья большеротая, для себя не хватит урожая, но потом, как бы сжалившись, опускается к вороху, насыпает ведро золотистых зерен и говорит строгим голосом: «Зимой принесешь мне двадцать белок.

Не забудь, двадцать первосортных белок... За каждую пригоршню ячменя по две белки».

Утишка—это Тыдыков в потенции, ему не хватает только материальных возможностей. Вполне понятно, что для такого человека новая власть и новые порядки ненавистны. Утишка во всем солидарен с Сапогом и выполняет все приказания бая. Вступив в колхоз, он всеми способами пытается разложить его: он отговаривает алтайцев пахать, убеждая их, что основное занятие кочевников скотоводство; он сорвал заготовку леса, наконец, он убил Карамчи. Очень удачно ввел Коптелов личный мотив во взаимоотношения Борлая, Карамчи и Утишки. Утишка когда-то любил Карамчи. Его чувство к ней не угасло. Он ненавидит Борлая, как своего классового врага, и ревнует к нему Карамчи. Сапог умело использует сложную борьбу чувств в душе Бакчибаева и руками его убивает Карамчи. Связанные, кроме общих интересов, еще и преступлением, Сапог и Утишка идут вместе до конца. Аил Утишки превращается в штаб контрреволюции. Когда Байрым с группой алтайцев приезжает к Утишке с обыском, последний бросается на приехавших с топором. В его аиле находят золото и серебро. Доказана связь его с Сапогом. Утишку с семьей выселяют из аила.

Иная судьба и иной характер у Таланкеленга. Это темный алтаец, неволей попавший в кулацкие лапы. Робкий Таланкеленг руководствуется одним правилом: «не мы хозяева жизни и не нам ее поворачивать».

Убежденный, что хозяева жизни—Сапог и ему подобные, Таланкеленг, зависящий от Сапога материально, становится послушным орудием в руках бая. Сапог знает, что робкого Таланкеленга нельзя послать на убийство. Он поручает ему разрушение колхозных аилов. Это почти безопасное дело, так как вина падет на зверей или злых духов. Таланкеленга уличили и выгнали со стойбища. Разоблаченный пособник Сапогу не нужен. Только после долгих просьб согласился Сапог принять Таланкеленга в пастухи. Оборванного, полуголодного, несчастного Таланкеленга встречает Борлай на пастбище и, несмотря на зло, причиненное Таланкеленгом колхозу, Борлай жалеет его: «Эх, Таланкеленг, Таланкеленг! Мог бы ты стать братом добрых людей, в новое племя приняли бы тебя, а ты стал байской собакой». Не сразу подействовали на Таланкеленга эти простые слова. Понадобилась тяжелая болезнь, чтобы он мог поразмыслить над своей судьбой, понять, что он подобен утенку, оторвавшемуся от стаи, что ему надо примкнуть к стае—к коллективу и бить волков: бая Сапога и шамана Шатыя. Сильное и страшное впечатление производит глава о том, как Таланкеленг, решившись, наконец, поехать к Борлаю, погибает мучительной смертью от руки Сапога. Смерть Таланкеленга напоминает смерть Никиты Хопрова из «Поднятой целины» Шолохова. И тот и другой расплачиваются за то, что хотели вырваться из цепких лап кулаков и контрреволюционеров. С образом Таланкеленга можно также сопоставить образ Кувлюка из «Быстроногого оленя» Н. Шундика.

На конкретных поступках и судьбах кулаков и подкулачников Коптелов показывает обреченность классового врага. Все действия бая и его приспешников не могут помешать поступательному движению массы алтайцев к социализму, осуществляемому под руководством передовой части алтайского народа при постоянной непосредственной помощи русских.

Семья Токушевых—это Алтай сегодня, новый, социалистический Алтай. Главную роль в романе играет Борлай Токушев—положительный герой. Образ его дан в развитии, в становлении, с большой художественной убедительностью. С детства Борлай был батраком Сапога. За 15 лет он заработал 50 рублей на калым и женился на Карамчи. Время его женитьбы совпало с началом мировой войны. На тыловых работах Борлай и его старший брат Адар общались с русскими коммунистами. Это было первым толчком к зарождению новых взглядов у братьев Токушевых.

Адар стал «большим человеком», т. е. большевиком. Он погиб во время гражданской войны, сражаясь за советскую власть. От Адара Борлай впервые узнал, что «большие люди Ленина заботятся о бедноте». Верный завещанию брата

—«Держитесь за новую власть»,—Борлай восстает против баев и ведет за собой сородичей к новой жизни.

Коптелов взял своего героя из рядовой массы алтайцев. Борлай вначале ничем не отличается от других кочевников даже по виду: «Скуластое бронзовое лицо с крутыми бровями и широким лбом, перерезанным глубокой морщиной, не знало воды». Костюм Борлая состоит из кожаных штанов, никогда не стиравшейся ситцевой рубахи, шубы с волчьим воротником и лисьей шапки.

Борлай суеверен, как и все алтайцы. При перекочевке он захватывает с собой кермежеки. На новом месте кто-то разрушил несколько аилов. Согласно верованиям алтайцев, в таком несчастливом стойбище селиться нельзя. И вот мы видим в Борлае первые робкие черты нового человека. Борлай склонен в душе присоединиться к мнению сородичей, что место несчастливое, но он сознает себя вождем группы людей, он понимает, что стоит ему заколебаться—и долина опустеет. И он твердо решил не уходить из долины. Пусть тело его охватывает озноб, когда он переступает порог нового жилища,—внешне он ничем не обнаруживает своих сомнений, и успокоенные сородичи начинают размещаться в новых аилах, следуя примеру Борлая. А потом Борлай убеждается, что делу его препятствуют не боги, а классовые враги. Борьбу с ними и ставит Борлай своей непосредственной задачей. Борлай знает, кто поможет ему в борьбе. За руководством Борлай обращается в аймачный комитет партии, за помощью он едет в русский колхоз.

С первых страниц романа автор совершенно правильно показывает взаимоотношения алтайцев и русских. Основным стимулом культурного роста алтайцев явилось их широкое общение с русским трудовым народом еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Несмотря на искусственно разжигаемую национальную рознь, русские и алтайцы вступали в соприкосновение, роднились между собой, алтайцы воспринимали русскую культуру, русские, в свою очередь, усваивали от алтайцев приемы охоты, способы навьючивания лошадей, умение отыскивать съедобные растения и пр.

После Октября, благодаря национальной политике советского государства, общение между русским и алтайским трудовым народом становится все теснее. Об этом рассказывает Коптелов в романе. Так Борлай приходит в дом Макриды Ивановны, как гость, как равный:

«Борлай ел кусок за куском,—и странно, никто не смотрел ему в рот, никто не думал о том, что за столом сидит алтаец». Русский кочевой агитатор Суртаев становится первым другом Борлая. Борлай учится политграмоте, развивается умственно при помощи Суртаева, готовится к вступлению в партию, усваивает внешние элементы культуры: начинает мыться, переодеваться, отрезает косу. Внутренне и внешне Борлай стремится походить на Суртаева, чтобы стать достойным членом «нового и великого племени»—Коммунистической партии. Партия воспитывает Борлая, прививает ему принципы марксистско-ленинского мировоззрения.

«Борлай представил себе тот день, когда все алтайцы, которых баи когда-то оттеснили в каменные ущелья, птицами низринутся в широкую Каракольскую долину. Люди восторжествуют, потому что их много. Они поймут слова нового и великого племени, будут дружны и сильны. Это придет скоро: вожаки народа не ошибаются,—думал он.—Все идет так, как они говорят. Слово их крепче камня и дороже золота». Борлай делает все, чтобы приблизить этот желанный день: он организует первый алтайский оседлый колхоз, внедряет новые методы сельского хозяйства. Вместо примитивной заготовки сена с развешиванием его в виде жгутов на деревьях, Борлай вводит в употребление косы, учит алтайцев высушивать сено на земле и хранить его в стогах. Борлай привозит плуг и первый начинает пахать землю, сеет пшеницу и ячмень—тем самым осуществляя переход алтайцев к земледелию.

Первый алтайский колхоз Борлай предложил назвать «Светает». Название символично. Борлай ясно видит рассвет новой жизни, но не менее ясно видит он тех, кто хочет потушить зарю. Если раньше у Борлая была личная ненависть к

Сапогу, загубившему 15 лет его жизни, то теперь эта ненависть выступает как классовое чувство. Никакие лисьи уловки Сапога, никакие подарки колхозу не могут обмануть Борлая, который очень хорошо знает, что Сапог прикидывается добрым только потому, что ему «лапу прижали». Когда Сапог напоминает Борлаю, что они оба принадлежат к одному сеоку—Мундус, Борлай отвечает: «Был мундусом, а теперь просто алтаец».

Изменился и взгляд Борлая на женщину: он старается освободить беременную жену от тяжелой работы—сам рубит дрова и разжигает костер; он первый ласково обращается к Яманай в тяжелую минуту ее жизни; с Суртаевым Токушев говорит о том, что алтайская женщина должна сбросить чегедек—символ рабства и стать равной мужчине, убеждает Карамчи отказаться от этой древней одежды. Борлай понимает, что ему, как руководителю, нужно уметь читать, писать, строить избы, косить, пахать, сеять, обращаться с машиной. Он едет в город учиться. Вернувшись домой, Борлай ни одного дня не проводит без чтения. Он встает рано утром и читает до работы, чтобы в голове все разложить «по полочкам».

В лице Борлая Коптелов показал партийное руководство в алтайском селении. Правда, в первых главах Борлай еще не коммунист, но все его поступки—это действия беспартийного большевика. Затем Борлая принимают сначала в кандидаты, потом в члены партии. Все свои знания Борлай отдает народу. Он обладает организаторскими способностями, необходимыми партийному руководителю, умеет личным примером увлечь за собой людей. Это показано в главах, посвященных перекочевке, косьбе и пахоте. Общее дело Токушев ставит выше личного, умеет скрывать свои горести и преодолевать слабости (поведение Борлая после смерти Карамчи), чтобы быть образцом для колеблющихся и неустойчивых. Борлай способен руководить не только людьми своего колхоза. Он может быть руководителем более широкого масштаба, и партия по заслугам оценила работу Борлая. В конце романа мы видим Токушева заместителем председателя облисполкома

На примере Борлая Коптелов показал, как, являясь членом семьи народов Союза Советских Социалистических Республик, алтайский народ за короткий промежуток времени прошел путь нескольких поколений. Борлай—это один из удачных образов положительного героя в нашей литературе.

Но переход алтайцев к коллективизации не является результатом деятельности только самих передовых алтайцев. Коллективизация в нашей стране была революцией сверху, горячо поддержанной трудовыми массами снизу. И Коптелов, как Шолохов, как Панферов (в первых книгах «Брусков») и др. показывает, что идеи коллективизации падают на благоприятную почву, ибо в умах людей уже созрела мечта о новой жизни, о коллективном ведении хозяйства.

Специфика образа Борлая в том, что он представитель одного из «прежде забитых народов» (Горький). Он идет к коммунизму от патриархально-феодальных отношений. Борлай получает помощь от русских людей, как получает ее и чукотский коммунист Гэмаль (Н. Шундик «Быстроногий олень»), удэгеец Сесили (Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай»), председатель сельсовета—житель Спаранга Бахтиор (П. Лукницкий «Ниссо») и др. Галерея образов передовых людей различных национальностей в нашей литературе говорит о том, что советские писатели верны правде жизни—они показывают поступательное движение к коммунизму всех народов нашей многонациональной Родины.

Удачен и образ Ярманки, представителя алтайской молодежи. В начале романа—это пылкий влюбленный, насильственно разлученный со своею милой—Яманай. По алтайскому обычаю он должен жениться на вдове погибшего брата. Ярманка воспитан в подчинении законам предков. Двухдневное скитание по горам—вот все, чем он выразил свой протест против обычая. А потом подчинился. Однако автор показывает нам, что это подчинение не слепое. Оно имеет свое психологическое обоснование: «Ребятишки подохнут без меня, как выброшенные из гнезда галчата. Разве я могу их оставить?—думал он.—Я им теперь вместо родного отца. Что было бы со мной, если бы меня отец бросил таким малышком? Я заменю брата, ушедшего с земли,—и сила его будет моей силой».

Ярманка любит и жалеет детей брата и принимает на себя долг воспитать их. Иного способа помочь детям, кроме женитьбы на Чаных, он пока еще не видит. Но жизнь с нелюбимой старой женой опостылела Ярманке, и он решает уйти от нее и жениться на Яманай. На пути к этому браку есть еще одно препятствие—запрещение жениться на девушке своего сеока. Ярманка умеет мыслить логически. Первому закону предков, по его мнению, надо было подчиниться, потому что в основе его лежит здравая мысль—необходимость воспитать детей брата, второй же закон, в глазах парня, просто смешон. Ярманка прекрасно понимает, что между ним и Яманай до кровного родства не меньше ста колен и никакой речи о кровосмешении быть не может. Насмешек окружающих Ярманка не боится, ибо чувство его сильно и глубоко. Глубину и тонкость чувства Ярманки Кондтелов сумел передать в поэтической сцене ночного свидания Ярманки с Яманай, в своеобразной серенаде юноши, написанной по мотивам алтайского фольклора.

Ярманка стремится к новой жизни. Эта новая жизнь рисуется ему не только в виде семейной идиллии; Ярманке хочется быть первым в труде, хочется помогать народу, утверждать новую власть,—хочется стать образованным человеком.

Вскоре мечты начинают сбываться: Ярманку посылают учиться. Читатель вновь встречает младшего Токушева, когда тот приезжает в свое селение на каникулы. С ним произошла разительная перемена: «Ярманка Токушев, этот невысокий и круглотелый парень, принадлежал к числу тех молодых людей, которые, хотя не без боли, не без тоски по полевым просторам, цветистым лугам и волнистому таежному разливу, двинулись за знаниями в большие села и города. Он едва ли не первым из всех учеников вступил в комсомол. Легко одолев начатки грамоты, пристрастился к чтению». Смутный неоформленный протест против обычаев предков, до которого Ярманка дошел самостоятельно, теперь приобрел четкие формы и логическое обоснование. «Теперь свобода. Нельзя чужих баб навязывать. Я учителя спрашивал»,—говорит он отцу. В аилах Ярманка проводит беседы, помогает учителю организовать школу, вербует молодежь в комсомол.

Изменились взгляды Ярманки на людей: Теперь Ярманка не станет уважать человека за то, что он богат и старше его, Ярманки, годами. Уважение у него люди теперь приобретают своими личными качествами. Из сородичей самый уважаемый человек для Ярманки—это бедняк Чумар Камзаев, потому что Чумар—учитель, Чумар знает больше, чем другие. В быту Ярманка приобрел навыки внешней культуры—он каждое утро моется, завел себе отдельную постель, требует у Чаных чистую рубашку, сам стирает и т. п.

Во второй части романа изображена поездка Ярманки в Москву с экскурсией. Самое большое впечатление произвело на Ярманку посещение «Вечного дома Ленина». С благоговением смотрит алтайский юноша на лицо того, кто дал «вольную жизнь для бедных людей». «Все от Ленина»—думает Ярманка, и в то же время Ленин кажется ему простым, родным и близким: «Если подождать, то он встанет, посмотрит обязательно на него, Ярманку Токушева, и заговорит: «Откуда ты приехал, товарищ? Как там у вас жизнь на Алтае?» Про ячейки партии, про комсомол, про школы и больницы, про новые избушки в новых селениях—про все спросит. И Ярманка ответит просто, как родному отцу: «Делаем все, как ты говорил».

От мысли о Ленине Ярманка переходит к мыслям о Сталине.

«Сталин говорил обо всем, что Ленин, уходя, завещал советским людям. Он завещал жить одной большой братской семьей, хранить союз народов родной земли. «Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь!» Это сказал Сталин. Это было его клятвой, клятвой за всех. И за него, Ярманку Токушева».

По возвращении из Москвы Ярманка продолжает учиться, а затем приезжает в родные места, где работает сначала кочевым агитатором, а затем секретарем аймачного комитета партии. Здесь он после долгой разлуки вновь встречается с Яманай.

Ярманка—это типичный представитель передовой алтайской молодежи.

Очень верно показал писатель, что Ярманка легче проходит путь от феодально-патриархальных отношений к социализму, чем его старшие сородичи. Он уже не испытал байского гнета в полной мере, родовые обычаи и суеверия не тяготеют над его душой. Жаль, что автор не познакомил читателя с жизнью и учебой Ярманки в городе среди русских. Во второй части романа Коптелов иногда надолго расстается со своим героем, а потом вновь дает его читателю уже в каком-то новом, ином качестве, не показывая процесса приобретения Ярманкой этого нового качества.

Стремление учиться, чтобы скорее помочь своему народу сбросить гнет вековой отсталости, очень характерно для нашей национальной молодежи.

Из дымных аилов, из берестяных чумов, из горных саклей идут юноши и девушки разных национальностей в город за знаниями, и это движение отражает наша литература, создавая образы Ярманки и Ыната (А. Коптелов «Снежный пик»), Гивэя и Нояно (Н. Шундик «Быстроногий олень»), Джанси и Дуси (Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай»), Сабита (С. Муканов «Мои мектебы»), Биболэта (Т. Керашев «Дорога к счастью») и др.

Писатели правдиво показывают создание кадров молодой национальной интеллигенции. Образ Ярманки занимает далеко не последнее место в ряду образов передовой национальной молодежи.

Говоря о новых людях Алтая, нельзя не остановиться на образе народного учителя Чумара Камзаева. Чумар—один из самых привлекательных персонажей романа. С первой встречи он вызывает симпатию читателя: «...высокий алтаец в рваной шубе, сброшенной с правого плеча, и в рваной шапке без опушки и кисточки, острым плотничьим топором вытесывал широкие лиственичные доски. Услышав мягкий шорох шагов и усталое дыхание лошадей, он вскинул сухощавое лицо, почти лишенное бороды и усов. Взглянув на серые щеки и встретившись с мягким взглядом продолговатых глаз, Суртаев подумал, что этот человек многое пережил и многое видел».

Чумар—один из первых грамотных алтайцев. Грамоте он выучился по самоучителю, живя в работниках у русского мужика. Во время войны 1914—17 гг. он был на тыловых работах, затем сражался в партизанском отряде. Вернувшись домой, он поставил своей целью обучение алтайцев: «Думал я, думал: учить бедняков надо, а то я один, задохнуться можно». Вначале вместо тетрадей приходится употреблять доски, а вместо карандашей уголь. Классной комнатой служит лесная поляна. Затем Чумар получает пособия, его признают официально учителем и назначают заработную плату. Деятельность Чумара не ограничивается только обучением алтайцев грамоте. Он прекрасно сознает, что путь дальнейшего экономического и культурного развития Алтая—это переход к оседлости и сочетание животноводства с земледелием, и он помогает своим сородичам идти по этому пути.

Показав две борющиеся силы алтайского общества—бедноту, объединяющуюся в колхозы, с одной стороны, и бешено сопротивляющееся всему новому байство—с другой, Коптелов много внимания уделил промежуточному слою, тем алтайцам, которые ни в какой мере не относятся к байству по своему материальному положению, но в то же время, по целому ряду причин, не сразу усваивают передовые взгляды. Сложен и извилист нарисованный в «Великом кочевье» путь Анытпаса к социалистическим формам жизни.

Анытпас—пастух Сапога Тыдыкова. Вряд ли знал Анытпас, что произошла революция, что нет больше эксплуатации человека человеком. Через несколько лет после Октября он продолжал оставаться айбычи (крепостным) Сапога, и без протеста сносил зверские побои за малейшую провинность. Сапог считал Анытпаса самым покорным человеком на земле. Что нужно Анытпасу? «Свой очаг, теплая постель, веселая жена, встречающая мужа полным тажуром араки, уважение соседей». Все это обещал дать хозяин. Анытпас не подозревал, что все «благодеяния» Сапога совершаются с корыстной целью, что он нужен баю как орудие убийства. Через шамана Сапог внушает больному Анытпасу, что грозный бог Эрлик повелевает пастуху убить Борлая. От природы миролюбивый человек, не

питающий личной вражды к Борлаю, Анытпас никак не может решиться на убийство. Тогда Сапог ловкими намеками пробуждает у Анытпаса ревность. Анытпас ревнует жену к Борлаю, и это чувство заставляет его выполнить волю Сапога. Пуля пастуха ранила брата Борлая—Байрыма (братья ехали вместе с охоты, когда Анытпас подкарауливал Борлая). Безжалостный Сапог сам выдает Анытпаса властям. Но и этот поступок не заставил Анытпаса разочароваться в «Большом человеке». Даже на суде он ждал, что явится Сапог и выручит его: «Анытпас попрежнему верил, что слово главы сеока—сама правда, грозная сила». Тыдыков же, заметая следы своего участия в преступлении «сделал все, чтобы добиться возможно более тяжелого наказания для Анытпаса. Суд приговорил пастуха к трем годам лишения свободы. Для сына гор особенно тяжелы тюремные стены:

«... он подпимался на верхние нары, открывал окно и надолго застывал, слушая шелест падающих листьев в черемуховой заросли... представляя себе, как в родном краю нежно ложится на землю снежный пух; обрадованные звероловы уходят в заманчивые леса».

Все происшедшее с Анытпасом заставило его задуматься над своим прошлым и усомниться в правоте людей, перед авторитетом которых он преклонялся. «Шатый говорил, что я буду счастлив... А вот... Что же это такое? Неужели сам Шатый—сильнейший кам на Алтае, наследник силы Чочуша, ошибся? Неправду сказал?»—Эти вопросы преследовали Анытпаса с первого дня заключения, мучили до боли в голове. На Анытпаса обратил внимание воспитатель исправтруддома Санашев; он вел беседы с заключенным, определил его на работу. Коптелов рисует, как под хорошим влиянием, в трудовых условиях характер Анытпаса начинает приобретать стойкость, спокойствие и смелость. Но тоска по родному аилу не исчезла, и наивный алтаец, плохо разбирающийся в юридических вопросах, при первой возможности убежал из тюрьмы, не помышляя о том, что совершает вторичное преступление. Он намеревался навестить жену и вернуться назад. В стойбище Анытпас нашел разрушенный аил и узнал, что Сапог взял Яманай к себе. Родители Яманай выгнали зятя, насмехаясь над ним. Сознание Анытпаса, уже подготовленное долгими размышлениями и беседами с воспитателем, начало проясняться. Анытпас понял, что Сапог—обманщик, что он, пастух, ничем не обязан баю, так как всю жизнь работал на него и давным-давно заработал калым, заплаченный Сапогом за Яманай. Ненависть к баю и его пособнику, каму Шатыю, вспыхивает в груди Анытпаса. Придя в юрту больного Таланкеленга и застав том обряд камлания, Анытпас с гневом бросился на Шатыя, проткнул горящей головней его бубен, впервые во весь голос крикнул в лицо шаману, что он обманщик и подстрекатель к убийству. А потом вернулся в исправдом и рассказал всю правду о себе, о Сапоге и Шатые. Слова воспитателя—«А друзья твои—как раз те, в кого ты по байскому наущению и по своей глупости, стрелял»—только подтверждают тот вывод, к которому уже пришел Анытпас.

Даже жизнь в тюрьме для Анытпаса оказалась лучше и легче, чем жизнь под властью Сапога. «Да, как ни странно, у него, Анытпаса Чичанова, появились свои деньги. И одежда на нем была целая, теплая, на вате... Никогда такой не носил...» А главное неизмеримо выросло сознание алтайца. Когда срок наказания истек, домой вернулся новый Анытпас. Он первый отправился разорять гнездо шамана, потом попросил, чтобы его приняли в колхоз. В конце романа перед читателем уже не покорный айбычи Анытпас, а активный член колхоза, для которого колхозное добро дороже своего. Переделка сознания Анытпаса, совершалась не сразу, и этот постепенный процесс Коптелов проанализировал глубоко, показав, как бывший батрак, полураб стал новым человеком, строителем социалистического общества на Алтае, таким же, как Борлай и Ярманка.

В романе есть целый ряд второстепенных персонажей—алтайцев, им уделено меньше внимания, но каждый из них—живой человек со своими неповторимыми чертами характера. Это типичный середняк Бабинас Содонов, сначала убежденный, что алтайцу нужно кочевать, что в избе он умрет, а затем осторожно, с сомнением, воспринимающий элементы нового в жизни. Это старик—фанатик Тюх-

тень, сперва своим телом закрывающий землю, которую «режут» плугом люди, не боящиеся злых духов, а потом примирившийся и с плугом и с молотилкой. Это забитый батрак Аргачи, сердце которого завоевал Суртаев тем, что с первой встречи подошел к бедному пастуху, как равный к равному. Это восторженный юноша Тохпа, отказавшийся от любимого коня ради трактора, и многие, многие другие.

Таков у Коптелова современный Алтай. Вопреки измышлениям буржуазных псевдоученых о незыблемости быта кочевников, опираясь на новейшие научные данные о социалистическом развитии Алтая, глубоко изучив жизнь алтайцев, Коптелов вскрыл характерные черты процесса создания нового Алтая и осветил роль русских в этом процессе.

Деятельности русского народа в перестройке экономики, быта и сознания алтайцев Коптелов уделил большое внимание.

Филипп Иванович Суртаев—кочевой агитатор—один из центральных персонажей романа. Он обладает качествами, необходимыми для агитатора, организатора, руководителя. Это преданность своему делу и вера в его необходимость и конечный успех, непримиримость к врагам, терпение и настойчивость, чуткость к людям, педагогические способности, знание быта и истории народа, среди которого приходится работать, любовь к этому народу, уважение к его обычаям и умение порой подчинять этим обычаям личные вкусы и привычки. Когда областной комитет партии предложил Суртаеву работу кочевого агитатора Филипп Иванович изъявил желание ехать в самые глухие долины Алтая.

Картина встречи Суртаева с Борлаем говорит о дружеском отношении Суртаева к алтайцам. Филипп Иванович смотрит на Борлая, как на равного себе, приглашает в гости, угощает чаем и обедом, тактично делает вид, что он не замечает неопрятности Борлая, его неуменья сидеть за столом, его ошибок в русском языке. Вместе с Борлаем Суртаев отправляется в долину Голубых Ветров. Там он живет с алтайцами в юрте, прививает им культурные навыки в быту, сам обрезает алтайцам свалявшиеся в кошму косы. Суртаев организует курсы для алтайцев, проводит политические беседы, читает вслух книги, разъясняет темным алтайцам, кто их друг и кто враг, на простых примерах, разоблачает истинное классовое лицо Сапога Тыдыкова. Филипп Иванович, как опытный учитель, любящий своих учеников, не сердится на их неумышленные провинности, так, например, он терпеливо починяет единственные в стойбище часы, не упрекая сломавшего их Аргачи, потому что понимает, что не озорство, а любознательность заставила парня разобрать часы, чтобы отыскать «духа, показывающего время». Даже поездка Аргачи к Сапогу не вызывает гнева Суртаева. Он знает, что не сразу может пастух отказаться от чувства повиновения «Большому человеку», воспитанного в нем с детства. Значит, надо еще и еще раз разъяснять Аргачи, что Сапог не отец ему, а враг.

Только дневник Суртаева знает, как огорчил его отъезд группы курсантов из стойбища до окончания занятий. Не сразу отучишь алтайца от привычки араковать весной (т. е. ездить из аила в аил и пить араку—алкогольный напиток из молока), и Суртаев учитывает это. Он спокоен и терпелив, понимая, что воспитывать людей надо не день и не два, а месяцы и годы.

Терпимо относясь к срывам и ошибкам рядовых алтайцев, Суртаев беспощаден по отношению к классовому врагу. Ни на какие компромиссы с баем Тыдыковым он не идет.

Алтайцы в лице Суртаева имеют друга и наставника, сведущего во многих областях жизни. Темы его бесед разнообразны—он проводит беседы о партии, о кооперации, о братстве народов СССР, о классовой борьбе. Он знакомит алтайцев с начатками естественных наук, ведет антирелигиозную пропаганду, учит алтайцев делать различие между истинно народными и байскими фальсифицированными сказаниями. Филипп Иванович умеет ставить юрты, «будто сам в аиле родился», не брезгает алтайской кухней, принимает участие в народных играх и празднествах.

Позднее Суртаева переводят на работу сначала в Обком, затем в Крайком

партии, но связь между ним и алтайским колхозом не порвалась. В трудных случаях Борлай письменно обращается за помощью к Суртаеву, а иногда просто мысленно беседует с Филиппом Ивановичем, и часто ответ на вопрос, поставленный Борлаем самому себе: «А что бы сделал Суртаев на моем месте?» — помогает алтайцу найти правильный выход из затруднительного положения.

Очень удались Коптелову образы простых крестьян, осуществляющих практическую помощь вчерашним кочевникам на первых этапах их оседлой жизни. Это Миликей Охлупнев и сестра Суртаева — Макрида Ивановна.

Миликей — простой русский крестьянин, малообразованный, но неглупый от природы, мастер на все руки. Деятельность его в алтайском колхозе обрисована так жизненно и правдиво, что интерес к Миликею не пропадает на протяжении всего романа.

Миликей учит алтайцев строить избы, пахать, сеять хлеб, пилить лес — таким образом практически приобщая алтайцев к русской культуре. Алтайцы уважают его и являются его послушными и способными учениками. От Миликея алтайцы перенимают новое для них шорное дело. Шорники работают коллективно, помогая друг другу, гордясь только что усвоенным ремеслом, и в процессе труда слагают новые радостные песни:

«Из четырех ремней сплетем узду,—
В сорок лет не износится.
Золотистым хлебом засеем долину —
Колхоз наш окрепнет».

Миликея не пугают трудности работы в национальном колхозе. Он начинает любить колхоз, который во многом обязан ему своим благосостоянием. Перевезя семью в стойбище, Миликей навсегда остается среди алтайцев. Замечательно у Миликея его умение мыслить широко и перспективно. Он понимает государственное значение перехода алтайцев к оседлому образу жизни, к коллективному хозяйству, к земледелию. «Ты в уме прикинь,—говорит он Борлаю,—сколько мужиков по всему-то Союзу нашему вышло на пашни, и каждый думает об урожае! А государство как? Оно, государство-то наше, без хлеба не может, ртов много, каждый хочет хлебушко есть. Для торгового дела опять же надо. И раньше страну нашу, Россию, значит,—считали хлебной, а теперь Союз наш в сто раз больше хлеба собрать должен, чтобы перед другими государствами на первое место выйти».

Историческая миссия русского народа как пособника, учителя и старшего брата других народов широко освещена в нашей литературе. Самые разнообразные типы русских людей встречаем мы в произведениях писателей народов СССР, но у всех писателей ясна общая мысль, что простой русский человек помощник своему младшему брату, какой бы национальности тот не был.

Большую роль в деле приобщения отсталых народностей к культуре сыграли русские женщины. Образы таких женщин нашли свое отражение в литературе (Бакланова в произведении Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай», Оля Солнцева в «Быстроногом олене» Н. Шундика и др.). О русской женщине на Алтае пишет Коптелов в «Великом кочевье».

Образ Макриды Ивановны занимает одно из центральных мест в романе. Макрида Ивановна была несчастлива в первом замужестве. Муж пьяница истязал ее. Он умер. Макрида Ивановна вышла замуж за другого и была счастлива, но недолго. Муж погиб, сражаясь в партизанском отряде. Единственный ребенок умер. Задушевно передал Коптелов чувство одиночества Макриды, ее жажду материнства, ее любовь к людям, заботу о близких, ее неуменье сидеть сложа руки. В «Доме Алтайки» Макрида нашла удовлетворение своей потребности любить, заботиться о людях, которые нуждаются в материнской, направляющей, ласковой руке. «Дом Алтайки» — учреждение по первоначальному комплексному обучению женщин — алтаек. Здесь алтайки — колхозницы обучаются грамоте и современным приемам ведения домашнего хозяйства. Работая в этом учреждении, Макрида Ивановна приветливостью и лаской привлекает к себе курсанток. Она учит их русскому языку и учится от них алтайскому, входит в их личные нужды. Так она угадала траге-

дию Яманай, сумела утешить ее, заставить думать о хорошем будущем: «Ты молоденькая. У тебя и сын будет, может еще не один... Найдешь своего соколика... Как его звать? Ярманка?» — утешает Макрида Ивановна Яманай.

Привыкнув к работе среди алтаек, Макрида Ивановна едет навсегда в алтайский колхоз.

Второй муж Макриды Ивановны был другом Адара Токушева. Оба были убиты в один и тот же день и похоронены в одной могиле. С Борлаем Макрида Ивановна встретилась, когда последний приезжал на могилу брата. Затем их столкнула жизнь во время переправы через реку. Макрида умным словом и действием прекратила вспыхнувшую было ссору между русскими и алтайцами. Позднее Борлай приехал к Макриде Ивановне, как гость Суртаева, и в ее доме впервые почувствовал себя равным русским. Во время поездки на Горячие ключи Макрида чуть не утонула в горной речке. Борлай спас ее. Все эти встречи как-то сближают их, и после смерти Карамчи симпатия Борлая к Макриде естественно переходит в более теплое чувство. Автор показал, как взаимное чувство Макриды и Борлая растет и укрепляется, когда они вместе работают. Борлай находит себе в Макриде Ивановне жену—друга и мать осиротевшим детям.

Макрида Ивановна—живой, запоминающийся образ простой русской женщины.

Жизненный путь алтайской женщины, ее раскрепощение от семейного и общественного гнета, завоевание ею равноправия с мужчиной—все это показано Коптеловым на примере Яманай. Яманай—алтайка, но судьба ее родственна судьбе удэгейки, чукчанки, узбечки, эвенки, абхазки, туркменки и др.

Еще В. Г. Белинский высказал мысль о том, что степень совершенства общества определяются положением в нем женщины и отношением к ней. В старой России особенно тяжело было положение женщин угнетенных национальностей. Это были «угнетенные из угнетенных», как называл их В. И. Ленин. Советское государство первыми же декретами провозгласило равноправие женщин всех национальностей и создало все условия для его фактического осуществления. Художественная литература отразила и тяжелое положение женщины до Октября, и ее борьбу за раскрепощение, и ее творческий труд наравне с мужчиной в свободной стране Советов. Узбекской женщине посвятил свою поэму «Клятва Зайнет» Демьян Бедный. Историю удэгейской женщины Пайды рассказал Джанси Кимонко. Пайду судят и наказывают розгами за то, что она захотела нарушить «лесной закон» и выйти замуж по собственному выбору. Рядом с Пайдой Джанси Кимонко нарисовал образ передовой удэгейской девушки Дуси Кялундзюга, гражданки свободной страны.

Трудный жизненный путь женщины Горного Бадахшана нарисовал И. Лукницкий в романе «Ниссо». Женщина—вещь, которую можно было продать и украсть, превратилась в условиях советского государства в равноправную подругу мужчины. Культурный рост женщин-чукчанок отразил И. Шунляк, создавший образы «оленьего доктора» Нояно и медицинской сестры Тэюнэ. Можно назвать еще много произведений, посвященных женщинам различных народностей Советского Союза. Яманай в «Великом кочевье» — это сестра Дуси, Ниссо, Тэюнэ и многих других. В прежнем представлении алтайца, женщина-раба, существо низшее и подчиненное. Она не смеет даже произнести имя мужчины; в аиле ей отведено особое «женское» место.

Девушек родители продают в замужество, а вдовы должны выходить замуж за младших братьев покойных мужей. Благодаря этому обычаю у Яманай отняли ее возлюбленного. Жизненная драма Яманай дается сначала в плане семейно-бытовом: любимый ею человек женат, Яманай выдали за другого. Первое время после замужества мы видим Яманай покорной и равнодушной ко всему. У нее нет сил бороться. Хозяин пастуха Сапог Тыдыков совершает гнусное насилие над Яманай. Поруганная и оскорбленная Яманай теряет веру в родовые законы: «Сеок... нет никаких сеоков. И все люди, как медведи...» Яманай не знает, как уйти от медведей, и ею овладевает болезненное отупение, равнодушие. Коптелов нашел точные слова для обрисовки этого состояния Яманай. У нее «печальное лицо», «трясущаяся рука», «усталый взгляд», она падает с кровати «застывшим пластом»,

«сидит неподвижно», «покорно» протягивает руку. Яманай разочаровалась в людях и утратила веру в богов. Она убежала из дому, долго бродила по горам, думала о том, как жить дальше, хотела даже покончить с собой. Но любовь к жизни победила, Яманай нашла выход: она пошла к русским, в районное село. Там она пыталась разыскать Ярманку, но неудачно. Ее направили в женотдел, откуда Яманай попала в Дом Алтайки, где приветливая Макрида Ивановна ласково встретила ее, накормила, вымыла, переодела и, как умела, утешила.

А. М. Горький говорил, что «Художнику необходимо застать людей врасплох, а отвюдь не в позах для прелестного фотографического снимка».

Коптелов показывает Яманай в разные периоды ее жизни, как бы заставая ее врасплох. Данный на фоне родной обстановки, среди природы, образ Яманай опоэтизирован, романтически приподнят. Это первая красавица сеока. Она выходит на свидание под «мягкие звуки комуса, похожие то на свист певчих птиц, то на журчание крошечного ручейка в лесу в тихую лунную ночь». Перенеся Яманай в культурную обстановку, Коптелов не побоялся реалистических подробностей, говорящих о низком бытовом и культурном уровне женщины-алтайки. В чистеньком уютном Доме Алтайки Яманай, в грязных лохмотьях, со свалявшимися, немытыми косами далека от поэтического образа первых глав.

Когда Макрида Ивановна приводит Яманай в баню, алтайка не хочет раздеваться, потому что «тело честной женщины никто не должен видеть, кроме мужа». И только из страха, что ее за непослушание выгонят из Дома Алтайки, Яманай наконец согласилась снять одежду и вымыться.

А дальше—превращение, не чудесное, не мгновенное, а подготовленное всеми тенденциями развития жизни в нашей стране. Сжигаются одежды, обрезаны косы, началась новая жизнь. Шаг за шагом следим мы за воспитанием Яманай: она научилась читать, стрянать, шить, привыкла мыться каждый день и скоро получила прозвище «бабочки-чистотки». Яманай преобразилась. Это уже не женщина—раба, это самостоятельный человек с чувством собственного достоинства. Мечтая о Ярманке, Яманай сознает, что теперь она равна ему и достойна его. Вернувшись в родные места, Яманай начинает учить алтаек всему тому, чему выучилась сама.

Оформилось классовое самосознание Яманай. Она теперь твердо знает, что Сапог и его приспешники ее враги. Яманай принимает активное участие в раскулачивании.

В конце романа Яманай—слушательница совпартшколы, комсомолка, активная общественница. Но все это время она остается преданной, любящей женщиной, стремящейся к своему избраннику через все преграды.

И Коптелов дает Яманай выстраданное ею, завоеванное, заслуженное счастье. Она встречает Ярманку, вернувшись в родные места.

«Догнав Яманай, Ярманка схватил поводья ее коня—Здравствуй! Вот мы и увиделись!—Они поехали шагом. Оба молчали. Украдкой взглядывали друг на друга. Из сознания Ярманки выпало все, что случилось после памятной встречи на лунной поляне, когда он рассказывал девушке про Бию и Катунь. Небо теперь было такое же, как тогда, та же взрослая и ласковая луна провожала их. Он чуточку наклонился к спутнице и занес руку, чтобы обнять ее. Плечи Яманай ощутили движение его руки, словно внезапный теплый ветер. Она вырвала у него поводья и плетью хлестнула своего коня. Они скакали возле хребта, над которым пламенела летняя заря».

На примере Яманай Коптелов правдиво показал, как из забитых рабынь-женщин так называемых «малых народностей», при советском строе вырастают культурные, передовые общественницы, равные с мужчиной в коллективном труде.

На основании анализа центральных образов романа можно сказать, что автор рисует жизнь и людей современного Алтая в их революционном развитии, движении вперед.

В «Великом кочевье» большое место занимает тема труда—одна из центральных тем советской литературы. Коптелов изобразил и тяжелый труд едино-

личника, пользующегося примитивными орудиями, и радостный коллективный труд членов артели, впервые применивших машины.

Тяжелым бременем является труд единоличника Утишки, ковыряющего землю примитивной сохой—андазыном, целые ночи проводит жена Борлая за приготовлением ячменной муки—талкана. «Техника производства» у Карамчи такая же, какой она была много столетий тому назад. Верно обрисованы в романе все трудности и неудачи при переходе алтайцев к новым методам труда. На пути встают религиозные предрассудки, тяга к старому. Когда Борлай впервые приступает к вспашке земли плугом, старики ложатся на землю и не дают ее «резать» без разрешения горного духа. На этих настроениях ловко играют байские приспешники. Утишка, хотя он и сам пытается пахать землю и сеять ячмень, громко заявляет: «Зря мы землю пахать собираемся. Алтаец—скотовод. Колхоз должен скотом заниматься». Зимой этот же Утишка саботирует заготовку леса, пользуясь неуменьем алтайцев спиливать деревья. Алтайцы не привыкли к видам труда, связанным с оседлым образом жизни. Борлай, например, знает как правильно навьючить лошадь и как облегчить ее ношу, пробираясь по труднопроходимым горным тропам; знает, как выследить горного козла и убить его метким выстрелом—но он не знает, под каким углом прикрепляется коса к древку—и потому у него коса вонзается в землю вместо того, чтобы срезать траву; не знает Борлай, как мечут стога, и потому стог у него вышел с буграми и впадинами, а верхушка обвалилась и т. п. В подобном же положении находятся и другие алтайцы. Но Борлая и его товарищей не очень смущает неудачи. Борлай твердо уверен, что народ сможет все сделать и всему научиться. И эта уверенность оправдывается. С помощью русских кочевники осваивают новые для них формы труда. Суртаев, Миликей Охлупнев, Макрида Ивановна является неутомимыми учителями алтайцев.

В колхоз приезжают русские плотники и каменщики на постройку зданий сельсовета, школы и маслодельного завода. Местные жители идут сначала в подсобные рабочие, а затем овладевают новыми профессиями.

Коптелов никогда не изображает труд ради труда. Работа у него не заслоняет человека. В картине косьбы, например, главное внимание уделено людям, а не трудовому процессу. То же самое можно сказать и о картине молотьбы:

«Густая пыль плавала над током. Огненная борода Миликея превратилась в бурую, щеки стали серыми, даже губы почернели, ресницы напоминали пушинки одуванчика и только зубы попрежнему блестели. Возле него Борлай, только что возвратившийся с курсов, острым ножом разрезал соломенные пояски пшеничных снопов. Миликей левой рукой подвигал к себе сноп, правой умело растрясал, слегка подталкивая в ненасытное жерло молотилки. Машина ни разу не захлебнулась. Приятный запах сухого хлеба плыл по долине. Миликей был весел. Часто он через плечо бросал короткий взгляд на четыре пары лошадей, запряженных в молотилку, и на Тюхтеня, который стоял в новом коробе посредине круга. «Веселей гоняй, веселей».

Люди увлечены общим делом, они забывают об отдыхе и об обеде. В процессе свободного труда сплачивается людской коллектив, зарождается социалистическое соревнование, уничтожается неравенство между женщиной и мужчиной, теснее сближаются русские и алтайцы.

Приход первого трактора в алтайский колхоз знаменует новый этап развития сельского хозяйства на Алтае. При помощи трактора люди убирают каменные бабы, которые еще недавно считались святыней. Эта картина приобретает символическое значение.

«Тракторист подхватывал обелиски крепким тросом, заводил машину и оттаскивал их на межу. Люди шли за ним и смеялись. Они не считали это кощунством: в свое время они срубили священное дерево—кам-агач,—и ничего худого не случилось. Они сожгли шаманские шубы и бубны, а самих шаманов выгнали из долины, и жизнь от этого стала только лучше».

Отдельного упоминания при анализе романа заслуживает богатый этнографический материал, использованный писателем. Как и во всех произведениях Копте-

лова об Алтае, в «Великом кочевье» мы видим органическое слияние художника с исследователем.

Коптелов знакомит читателя с элементами патриархально-феодального строя, сохранившимися у алтайцев, со многими родовыми пережитками. Мы узнаем об отработочной ренте, которую баи пытались сохранить и после 1917 года, о положении женщины, находим описание юрты, женского и мужского костюма. По роману Коптелова можно изучать виды охоты на Алтае, примитивные приемы возделывания земли и приготовления пищи.

Верованиям алтайцев в романе тоже уделено много внимания. Очень правильно показывает автор, что религия служит баю лишь средством закабаления трудящихся. Тыдыков устраивает камлание для укрепления шаманизма в среде рядовых алтайцев; а в царское время, в угоду Алтайской духовной миссии, он выстроил церковь на собственные средства. Среди рядовых алтайцев многие ещё верят в богов. Коптелов ввел в роман сцену камлания с кровавым жертвоприношением, нарисовал дымную юрту с кермежеками над входом, привел читателя к старой лиственнице—жилищу горного духа, показал алтайскую свадьбу. Таким образом, роман в художественной форме знакомит нас с экономикой, бытом, культурой, верованиями и обычаями Горного Алтая. Мы следим, как меняется экономика, а за ней быт и культура алтайцев, как рушатся старые верования.

Знание автором алтайского фольклора и уменье его использовать придает особую прелесть и оригинальность языку романа, создает своеобразие стиля Коптелова.

Стиль писателя должен соответствовать идейному содержанию произведения. Использование писателем фольклорных элементов, архаизмов, диалектизмов, технических терминов и пр. правомерно, когда оно оправдано той задачей, какую они выполняют в произведении.

Роман Коптелова рассказывает об алтайцах. Само название романа говорит о том, что речь идет о кочевом народе, но необычный эпитет «великое» придает особый иносказательный смысл заглавию. Автор пишет не о простой перекочевке алтайцев с одного места на другое, а о великом и последнем их «кочевье»—«кочевье к социализму.

Алтайцы—поэтический народ. Они сами сочиняют песни и сразу же исполняют их, вернее, песня слагается в процессе ее исполнения. Автор обратил внимание на эту особенность и широко пользуется ею. Он вводит в роман алтайские песни. Иногда это песни, действительно слышанные и записанные автором, иногда это стилизация, но такая тонкая, что ее не отличишь от подлинника.

Карамчи поет колыбельную дочери:

«В сыром ущелье выросший
Голубой цветок
Увидит ли солнце?
В бедном аиле родившаяся
Дочь моя
Увидит ли счастье?»

Ярмапка вызывает Яманай на свиданье своеобразной серенадой:

«Золотым листом богато одетая—
Не белая ли береза это?
По крутым плечам волосы распустившая
Не моя ли невеста это?»

Лиственница—дерево, прочно вошедшее в быт алтайца. Из лиственницы делаются аилы, из коры её алтайцы мастерят люльки для новорожденных. Тонкий ствол молодого деревца с заостренным концом используется в качестве примитивной сохи—андазына. В звучных стихах воспевают лиственницу алтайцы:

«Что от ветра спасает,
От дождя сохраняет,
Не шелком ли одетая лиственница?

Что от зимы бережет,
От грозы укрывает,—
Не кожу ли свою нам дарящая лиственница?».

Многие песни слагаются в коллективе. Алтайцы раньше не знали танцев в обычном понимании этого слова. Танцы заменяли им игра, ойын. Ойын—это круг, образованный из людей, стоящих плечом к плечу. Люди покачиваются из стороны в сторону и поют, каждый запевает по очереди, и так слагается массовая песня. Коптелов услышал, как в эту старую форму народной игры—песни вкладывается новое содержание. Борлай поет о советской власти:

«В голубую долину откочевав,
Народ наш знает,
Что новая власть
Беднякам поможет».

По всей книге рассыпаны народные пословицы, поговорки и приметы. Мысль о преимуществах коллектива перед одиночкой облекается у Таланкеленга в форму пословицы: «Одинокого коня волки в поле могут задрать, а табун от волков отобьется». «Задравши голову, тотчас споткнешься»—говорит разозленный бай, относя эту пословицу не то к Суртаеву, выгнавшему его из аила, где проводились учебные занятия, не то к самому себе. Байскую поговорку твердит Утишка: «Конь берет жиром, человек—богатством».

Рождение человека, его жизнь и смерть связаны со многими приметами. Новорожденного нужно натирать маслом, приговаривая: «плечистый тебя не схватит, долгорукий тебя не словит, щекастый не оговорит». Длинные волосы у ребенка означают, что он «по жизни пройдет, как по маслу прокатится, как сизокрылый голубь, по голубому поднебесью пролетит». Имя ребенку дает первый гость, пришедший в аил, причем, чем уродливее имя, тем дольше будет жить его носитель, так как злые духи не захотят взять к себе человека с некрасивым именем.

Кочевать надо, когда «луна полная, сильная—счастье принесет». Перед началом работы надо камлать. А невесту во время свадьбы необходимо на счастье облить парным молоком. Если поклянешься на медвежьей шкуре и поцелуешь ноздри медведя, а потом нарушишь клятву, то медведь тебе голову оторвет. Хоронить умерших надо на высокой горе, чтобы не тревожить их души, а если глаза покойника не закрыты, то смерть вернется в становье.

Еще много примет, пословиц, поговорок, обрядов и обычаев знает Коптелов, но художник в нем побеждает этнографа. От издания к изданию уменьшается в романе количество этнографического материала, все теснее увязываются этнографические детали с развитием сюжета, характеристикой персонажей, идейным содержанием романа. Особенно удачным в этом отношении нужно признать использование Коптеловым алтайских сказаний и легенд.

Поэтическое предание о разлученных влюбленных, превратившихся в две быстрые реки, рассказывает Ярманка Яманай:

«Когда-то в алтайских горах плескались два озера: первое называлось молодым парнем, быстрым, как олень, и смелым, точно орел; второе называлось девушкой, лицо которой было светлее луны, глаза красивее каракольских озер и губы алее июньских пионов. Парня насильно женили на дряхлой тетке, овдовевшей в старости. Он ненавидел старуху. Сердце его и сердце девушки были связаны крепким арканом, который не перерубить, не перерезать. И никогда тот аркан не перегниет, не перетрется. Он крепче железа и долговечнее стали... Были они из одного сеока... и родители рассвирепели, когда узнали, что они любят друг друга. Для девушки стали искать жениха, а парня измучили упреками и насмешками. Но молодым легче было умереть, чем потерять друг друга. И сговорились они убежать в далекую степь, ровную, как небо, усыпанную родниками, будто звездами. В лунную ночь заседлали коней и отправились. Бий—так звали парня—первым выбежал в степь. Долго искал свою возлюбленную, улыбка ра-

дости не появлялась на его лице. А случилось так: отец девушки проснулся не во-время и в ярости набросал ей на дорогу горы камней, до самого неба. Долго билась Катунь,—так звали девушку—но ничего сделать не могла. Упала замертво. Перед утром услышала голос возлюбленного и вновь закипела в ней сила, заволновалось сердце. В кровь себя изорвала, а камни разбросала и—к своему милому. Встретились они в степи, у подножья последних сопок, где теперь лежит город, и, обнявшись, помчались вдаль...»

Это предание несет сюжетную «нагрузку», так как судьба легендарных влюбленных схожа с судьбой Ярманки и Яманай...

Рассказ о целебных ключах вплетается в ход развития действия. Одна из встреч Макриды с Борлаем происходит, когда Макрида возвращается домой после лечения целебной водой—и автор по этому поводу рассказывает историю открытия горячего источника, как она сложилась в народе:

Один охотник, преследуя подстреленного марала, увидел, как на его глазах марал окунулся в озеро, от которого шел пар, и выскочил оттуда с залеченной раной. Охотник рассказал об этом людям, и все больные и немощные потянулись к этим целебным родникам.

Легенду об алтайских книгах, которые хранились у зайсанов, пока их не изжевала белая корова, рассказывает Сапог для поддержания своего авторитета главы рода, хранителя древней мудрости.

Любовь алтайцев к сказкам и легендам, их склонность сочинять песни сказывается и в обиходном языке.

В повседневной речи употребляются метафоры и сравнения. Разоблаченный враг в бессильной злобе бормочет: «Беды сыплются на мою голову, как из разорванной сумины». Единоличник Содонов, которого кулаки подбивают резать скот, не может решиться на это и думает: «...я сам свой скот должен резать, будто волк. Как же так? Я заботился о коровах. Каждому теленку радовался, как пьяница чочою араки».

Смотря на телефон с точки зрения алтайца, впервые знакомящегося с этим аппаратом, автор говорит, что «Черное ухо, привязанное на зеленую веревочку, то слушало Байрама, то передавало ему слова, пролетавшие по проволоке шестьдесят километров». Свою тяжелую жизнь Яманай сравнивает «с горькой медвежьей желчью».

Иногда сравнения и метафоры вырастают в развернутые образы. Например, для характеристики одиночки, оторвавшегося от коллектива, автор пользуется образом отставшего от стаи гоголя (утенка).

«... у лесистого берега, в маленькой полынье, устало кружился черноголовый гоголь. «Наверно, подранок, летать не может»,—подумал Таланкеленг, отламывая сук. Гоголь выпрыгнул на лед, суетливо зашлепал короткими лапами, правым крылом отталкиваясь, словно веслом. Левое крыло неуклюже волочилось. Алтаец опустил руку, пальцы ослабли, и сук упал к ногам.—«Остаться одному—это страшно,—подумал он в ту минуту.—Малыш не знает дороги в теплые края. Ничего не знает, кроме этого озера». Минули сутки. Полынья срасталась. Утенок, разбивая красными лапками крошечное зеркальце воды, опять также суетливо ушел от человека. А к следующему утру ледяные челюсти сомкнулись. Зеленоватый нос утенка вмерз—он до последней минуты крошил белые зубы смерти—плюшевая шаль была осыпана снежным пухом, левое крыло поднято, как парус.—«Я был в такой же полынье; один, ни дорог, ни троп не знал. Хорошо, что я успел вырваться. Я догоню стаю. Вожак примет меня».

Картина гибели бедной птицы кажется еще более трагической оттого, что и самому Таланкеленгу не удалось примкнуть к стае—коллективу. Его зверски убил Сапог.

Благодаря кочевому образу жизни, алтаец сроднился с природой, полюбил ее. Любовь к природе сказывается в том, что самые заветные мысли и чувства алтайца часто выражаются посредством образов и сравнений, взятых из мира природы. Яманай в порыве отчаяния сравнивает себя с оторванной от земли осинкой; как бы перекликаясь с Яманай, Ярманка думает: «Земля, которую топ-

тали ее ноги, заросла травой, но след жилья все-таки остался. И в моем сердце—такой же след». Борлай, любуясь дочерью, думает: «Личико у нее налилось румянцем, как малиновая ягодка». И в самый торжественный для Борлая день—день десятилетия области—люди, собравшиеся на площади, ему кажутся цветами в поле.

В недавнем прошлом поклонявшиеся стихиям, алтайцы, естественно, сохраняют пережитки этого и в языке. Перестройка жизни уподобляется новому ветру, спустившемуся в долину. «Глаза твои—свет луны, туловище твое—кровь луны!»—поет Борлай над колыбелью сына. Анытпас, от которого ушла жена, утешает себя тем, что «река огромные камни уносит, горы моет. Время очистит память. Все на Алтае забудут о моем позоре».

В проклятиях и ругательствах звучат отголоски культа стихий.

Часто автор пользуется приемом олицетворения. Река Каракол у него живое существо:

«Буйно трясет Каракол лохматой гривой, вырываясь из каменистых теснин, дико скачет через широкую долину, изрезанную на мельчайшие квадраты полосы, злобно рыча, ударяется о каменную стену, где притулилось к сопке маленькое село Агаш». Луна наделена человеческими слабостями: она «уставала ходить за молодыми пахарями и клонилась к лесу, на покой». Солнце в ноябре ходит низко потому, что «кулан носит его на ветвистых рогах». Оно, как человек обладает способностью дряхлеть: «Одряхлело солнце, поблекло, по утрам лениво отделялось от земли, завернутое в линкие хлопья тумана, и с каждым днем утрачивало былую высоту своего полета». Оригинальны у Коптелова сравнения. Ребята бегают, «как ягнята в первый весенний день», снег падает сверху белыми хлопьями, «будто наверху стригли большую отару».

Хороши в романе картины алтайской природы. Коптелов показывает читателю, как «отцветают летние голубые дни, рассыпаясь золотистым пеплом сумерек», как горы одеваются «в зеленые платья с малиновыми оборками», как идет над горами солнце, «собирая серебристую росу». Вместе с автором читатель любуется «курящимися вершинами гор», «берегами белогривых рек», как бы сам вдыхает «воздух, настоенный на медовом аромате трав».

Яманай уходит в горы к русским, и утро этого знаменательного дня является для нее утром новой жизни: «Сияли розовые—в утреннем свете—снега, горели острые ледяные шпили, в провалах гор голубели водопады. Легкий запах снега перемешался с ароматом молодой хвои, пробуждающихся трав. Далеко внизу реки пели свою вечную песню. На вершины гор легло солнечное спокойствие. И на душе Яманай было спокойно».

Коптелов вводит пейзаж, как своеобразный «зачин», которым открывается новая глава или раздел главы. Пейзаж помогает следить за хронологией событий.

Вот осенний пейзаж:

«Упали первые заморозки. По утрам сухая и выцветшая трава, осыпанная инеем, походила на седые волосы. Белыми шапками пушистых снегов накрылись макушки гор. Мягкая хвоя лиственниц становилась оранжевой».

Вот зимний пейзаж:

«Многоводная Катунь дерзко раздвинула каменные громады, хребты разрубила, вырываясь на степной простор. Но беспощадна сибирская зима, даже горные реки заковывает в ледяную броню; лишь кое-где, на самых стремительных быстринах остается полынья. Там над темнозеленой водой виснет туман, будто дышит река, покрывая прибрежные камни лебяжьим пухом инея. Зимняя дорога прыгает со льда на береговой приступочек. В речную щель спускается ветер и прогуливается от степей до границ Монголии, гонит белые струп поземки».

Яркими красками сверкает июньский пейзаж:

«Пришел самый большой месяц с долгими днями—июнь, все взгорья и долины забросал яркими цветами: на белках рядом со снегом лежали синие поля крупных водосборов, ниже—пламенные пояса веселых огоньков, еще ниже—желтый альпийский мак, на лесных полянках высокий борщевник раскинул свои бе-

лые пушистые зонты, на сырых лужайках взметнулся малиновый иван-чай и золотистые лилии тихо покачивались на тонких ножках. Цвели горы и долины».

Для обрисовки явлений природы Коптелов охотно пользуется терминологией своих героев. Ноябрь у него—старушечий месяц, потому, что в короткий ноябрьский день старухи едва успевают обуться; июнь—месяц Малой жары; июль—месяц Большой жары, долгота летнего дня измеряется тем, что «во многих аилах можно побывать, сотню трубок выкурить и десяток тажууров араки распить; а в сентябре день убывает на целый аркан».

Все это говорит о своеобразии творческой манеры Коптелова в данном произведении, о том, что стиль и художественные приемы вытекают из самого характера изображаемого материала.

Роман «Великое кочевье»—одно из лучших произведений Коптелова. Плодотворно овладевая методом социалистического реализма, писатель в художественных образах знакомит читателя с Горным Алтаем, с экономикой, бытом, нравами, фольклором алтайцев. И что самое главное, раскрывает душу человека, его внутренний мир. Роман показывает, как под руководством коммунистической партии, с помощью русского народа идет к социализму алтайский народ, как осуществляется ленинско-сталинская национальная политика, как выполняется поставленная на X-м съезде задача партии: помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию.

Как уже говорилось, «Великое кочевье», в плане развития советской литературы, можно сопоставить, с одной стороны, с произведениями о коллективизации: «Брусками» Ф. Панферова, «Поднятой целиной» М. Шолохова и др. С другой стороны, «Великое кочевье» входит в ряд произведений, посвященных жизни различных национальностей нашей Родины в период строительства социализма, в период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме.

В этом ряду роман Коптелова занимает видное место, так как, благодаря широте и глубине обобщения, он выходит за пределы «алтайской темы». Путь, который проходят алтайцы в романе, характерен для чукчей, эвенков, казахов и др. Роман «Великое кочевье» является художественным опровержением буржуазных псевдонаучных «теорий» об искусственном делении народов на «отсталые» и «передовые».

III.

В 1935 году Коптелов принял участие в восхождении на Белуху—высочайшую гору Алтая. Материалы, собранные им во время экспедиции, легли в основу его нового произведения об Алтае—«Снежный пик». Этой повести предшествовал большой очерк «Восхождение на Белуху», написанный в 1936 году.

Вскоре после опубликования очерка Коптелов начал работать над «Снежным пиком». В годы войны писатель отвлекся от этой работы, но мысль о создании большого произведения о мужественных альпинистах не оставляла его, и в первый же послевоенный год он закончил повесть, которая была напечатана в журнале «Сибирские огни» (1946 г. № 2). В 1947 году повесть вышла отдельным изданием, несколько раз переиздавалась в Советском Союзе, была переведена на чешский, болгарский и венгерский языки и издана в Чехословакии, Болгарии, Венгрии.

«Снежный пик»—это рассказ о высокогорном восхождении советских альпинистов и о любви алтайского студента Ыната и русской девушки Клавы Полетаевой.

В «Снежном пике» повествуется о событиях, происходивших до великой Отечественной войны, но автор сумел показать те черты советских людей, которые особенно ярко проявились в годы великих испытаний: мужество, целеустремленность, волю к преодолению всех трудностей, самоотверженность, «чувство локтя». Идея повести о том, что человек силен в коллективе, и нет таких трудностей, которые не мог бы преодолеть коллектив. Советские люди познают законы

природы и используют их. Русские люди ведут за собой своих младших братьев—алтайцев, учат их правильно понимать и оценивать явления природы, рассеивают нелепые верования. На обратном пути на нижнем ледниковом поле алтайцы встречают альпинистов благодарственными возгласами: «Сартакпай! Все—Сартакпаи! Сами зашли-алтайцу пособили. Вот—люди стали!»[1].

Начало повести посвящено алтайке Бабай, матери Ыната. Бабай—советская женщина, трудолюбивая колхозница. Когда приехавший на каникулы сын начал расспросы о колхозе, «Бабай оживилась и на все вопросы Ынат отвечала одним жарким и круглым, как солнце, словом: «Хорошо». Но в ней еще живут суеверия предков, она еще боится грозных духов—хозяев снежных вершин, и уговаривает сына отказаться от похода.

Для характеристики Бабай автор очень удачно пользуется приемом так называемой несобственно-прямой речи. Речь ведется от лица автора, но общее ее содержание, лексика, синтаксис являются характерными для персонажа. Авторское повествование совмещается с субъективной оценкой событий от лица героя. Этот прием, умело примененный Коптеловым, полнее раскрывает духовный мир женщины—алтайки, беззаветную любовь к сыну и желание ему счастья—с одной стороны,—и некоторое недоверие к тем путям, по которым сын идет к счастью,—с другой.

«А голову сын, видать, не брил и косу на макушке не заплетал, с тех пор как покинул юрту... Все забыл, чему родители учили с детства... не к добру это все...» «Через три дня сюда приедут сто человек... Они затуманили зеленый ум юноши и толкают его в беду, как в пропасть, никто не вернется с горы—всех заморозит, всех возьмет себе рассерженный дух...»—сообщает автор как бы от себя, но мы видим, что явления, о которых идет речь, преломились сквозь призму восприятия Бабай, которая верит в «рассерженного духа» и считает экспедицию бедой.

И в то же время Бабай видит и понимает, что русские заботятся о ее сыне, что у русских ему жилось хорошо, «румянец... стал гуще, глаза веселее». Благополучное возвращение сына из экспедиции заронило в сердце Бабай сомнение в могуществе Горного духа. Наблюдая за Ынатом и Клавой, Бабай приходит к выводу, что Горный дух пошел на компромисс: «Дух Курагана очень добр к моему сыну: палец взял, девушку—дал». (Ынату во-время экспедиции раздробило палец падающим камнем). Кончается повесть размышлениями старой алтайки: «Бабай посмотрела на девушку, потом—на Ыната и на глазах ее появились слезы: на следующее лето, видать не приедет сын домой. Он, не приедет...»

Так несколькими удачными штрихами нарисовал Коптелов очень выразительный образ алтайской женщины: у нее много еще пережитков прошлого, но она осознает неодолимость нового в своей семье и не противится счастью сына, не зовет его назад с той дороги, которую он наметил себе в жизни.

Ынат—центральный персонаж повести, наиболее полно и правдиво обрисованный. Это как бы младший брат Ярманки из «Великого кочевья». Тяжела была молодость Ярманки. Ему приходилось еще подчиняться старым обычаям, терпеть притеснения бая, насмешки сородичей, преодолевать кое-какие пережитки в собственном сознании. Ынату уже не приходится переносить этого. Путь его широк и ясен. Он—студент педагогического техникума, комсомолец, образованный человек, которого уважают в селении. Мировоззрение его складывалось в советских условиях. Его основная задача—уже не борьба с враждебными силами—зайсанами и баями, а культурная работа в алтайском селении. И Ынат ведет эту культурную работу повседневно, умно и осторожно. Не желая обидеть мать, он с поклоном принимает у нее зажженную трубку, но в то же время заявляет, что бросил курить; на уговоры Бабай отказаться от участия в экспедиции юноша терпеливо, внимательно и подробно рассказывает ей о восхождении на другие вершины, старается разрушить ее суеверные представления. «Показательное» плаванье Ыната

---

[1]) Сартакпай—легендарный алтайский герой покоритель природы.

в реке—предлог для беседы с односельчанами о том, что не существует водяных духов и что купанье полезно и приятно.

На образе Ыната Коптелов показывает, что нет у нас национальной розни, нет пренебрежительного отношения русских к нерусским. По своему развитию и образованию алтайский юноша ничем не отличается от своих русских сверстников. Во время похода он находится даже в более выгодном положении, чем остальные члены экспедиции: он вырос в горах, поэтому он лучше знает особенности горных троп, увереннее держится в трудных местах, умеет предотвратить опасность, грозящую ему или товарищу.

Во время экспедиции полнее раскрывается характер Ыната, проявляются его мужественные и благородные черты. Он дважды выручает из беды Клаву: первый раз, когда девушка заблудилась в поисках горного озера, и второй раз, когда она оборвалась с тропинки и повисла над пропастью. Чтобы избавить товарища от увечья, а, может быть, и от смерти, Ынат с огромным риском для собственной жизни встает на пути падающего камня и ледорубом изменяет направление его падения.

«Клава понимала, что все, что произошло сейчас, лучше самых ярких и сильных слов говорит и о цене человеческой жизни, и о возросшей силе воли, и о большом добром сердце их спутника. Ынат поднялся на какую-то новую, ясно ощутимую ступень и потянет за собой вверх всех, кто идет на одной веревке с ним».

Выросший среди природы, воспитанный на поэтических сказаниях алтайцев, Ынат сам поэт в душе. Алтайские сказания он связывает с событиями повседневной жизни, дает им свое толкование, лукаво уверяет: «Я сказок не рассказываю—только были».

Поэтична и целомудренна его любовь к Клаве. Клава для него верный товарищ, охраняющий его в походе и спасающий от смерти, ученый-ботаник, которому он помогает собирать редкие растения, и в то же время она для него сказочная девушка Баян—краше солнца и луны.

Коптелов сумел придать своему герою национальные черты—некоторую медлительность и спокойствие, молчаливость, еле уловимую иронию, большое чувство собственного достоинства, простодушие, неуменье хитрить даже в мелочах. Так, например, Ынат радуется, что Клава спит и не слышит снежной бури: «Рассказать правду—девушка испугается, а ложь Ынату вообще была незнакома».

Как и в других произведениях, Коптелов очень хорошо передает речь алтайцев. Наиболее простой прием—это зафиксировать неправильность русской речи в устах алтайца. Таким приемом дана, например, речевая характеристика проводника Саныра Тозыякова: «Много-много ученый человек ездил, до самой вершины подняться не мог. После все кворал».

Но злоупотребление приемом фонетической передачи ломаной русской речи, диалектизмов, жаргонной речи ведет к засорению языка. Поэтому речь Ыната создана иным приемом. Ынат совершенно правильно, без акцента и без ошибок, говорит по-русски, но в тоже время мы постоянно чувствуем, что говорит алтаец. У Ыната своя система образов, свой синтаксис, фразы его кратки, часто афористичны. Коптелов подметил характерное для алтайского языка парное построение предложений; причем во втором предложении обычно говорится о действии, являющемся причиной или следствием действия первого предложения. «Летом сказки петь нельзя. Запоешь—звери прибегут, птицы прилетят, все цветы к палатке соберутся сказки слушать».

В уста Ыната автор вкладывает алтайские сказки. В них народная мудрость, тонкое чувство прекрасного, своеобразное толкование явлений природы. Вот сказка о кукушке:

«Когда-то она была девушкой. Ее с детства звали Куку. Она жила в юрте. Один раз девушка захворала и попросила у снохи чашку воды. А сноха была злая и крикнула на нее: «Иди к шайтану—у него воды—озера». У Куку от обиды сердце встрепенулось, из глаз брызнули слезы. Она превратилась в птицу и выпорхнула в дымовое отверстие. Отец хотел поймать ее, схватил за ногу, но в руке у него остался один обуток. А Куку до сих пор летает с босой ногой. И

гнезда она не вьет: не девичье дело заводить свое гнездо. А чтобы родные знали, что она все еще жива, девушка называет себя Ку-ку, Ку-ку».

Происхождение огромных камней в горах связано с легендой о Сартакпае. О горной лилии Ынат говорит: «Это цветок особенный... Это—слезы луны. Так у нас говорят». Очень характерно для Ыната его иносказательное объяснение в любви: он рассказывает Клаве, как народный герой Кезюйке любил девушку Баян:

«Ярче солнца светить нельзя, сильнее Кезюйке любить нельзя... Она была самой красивой девушкой. Слева посмотришь—как луна сияет, справа посмотришь—как солнце горит, прямо посмотришь—на тебя походит!»

Так через речевую характеристику художник добивается большой выразительности образа Ыната.

Герои, подобные Ынату, явление чрезвычайно характерное для советской литературы. Джанси Кимонко создал образ удэгейца Джанси (повесть «Там, где бежит Сукпай»), «лесного человека» которому русские открыли дорогу к счастью. Салчак Тока в повести «Слово арата» показал, как тувинский мальчик, родившийся в берестяном чуме, пройдя суровую школу жизни в батраках у кулака, уходит во время гражданской войны к русским партизанам, становится борцом за новую лучшую жизнь.

Чукчи Ваамчо, Айе и др. (Т. Семушкин «Алитет уходит в горы») при помощи русских изгоняют эксплуататора «американа Чарли-Красный нос» и его друга—богача Алитета,строят новую жизнь, записываются в «артель коммунистов». Н. Шундик показал жизнь чукотского народа в период Великой Отечественной войны. Вырос чукотский народ за те несколько лет, которые отделяют время действия «Быстроногого Оленя» от времени действия романе Семушкина. Перед нами передовые культурные представители чукчей: парторг колхоза Гэмаль—воспитатель и руководитель массы; «Крылатый человек»—Тэгрын. Идейно близок Гэмалю и Тэгрыну юноша Гивэй—талантливый, жадный к книгам, влюбленный в технику. Как и Ынат в «Снежном пике», Гивэй любит русскую девушку. Она отвечает ему взаимностью, и никакие национальные барьеры не стоят на их дороге к счастью.

На этих образах писатели, каждый в своей особой творческой манере, показывают нечто общее: как растут и развиваются ранее искусственно задержавшиеся в своем развитии народы великого советского государства, как в условиях социалистического общества они преодолевают вековую отсталость и за несколько десятилетий проходят путь, который Коптелов образно называет «путем через века». В их движении по этому пути им неизменно помогает великий русский народ—их давний союзник.

В 1947 году Коптелов написал биографический очерк «Путь через века» о зачинателе алтайской литературы Павле Васильевиче Кучияке. Это длинный интересный рассказ о «путешествии» алтайца Павла Кучияка «В большую семью передовых народов мира, из мглы и мрака тесной долины на вершину современной культуры».

Жизнь Кучияка была по истине удивительна. Сын шамана, названный при рождении Ит-Кулак--Собачье Ухо (духи, по поверью алтайцев, не возьмут к себе ребенка с дурным именем, и он будет жить долго), в юношестве принявший православие и воспитавшийся в страхе перед русским богом, и при советской власти получил образование, стал кочевым агитатором, первым алтайским писателем, ученым-этнографом.

Павел Васильевич Кучияк был разносторонне одаренным человеком. Прозаик, поэт и драматург, он, кроме того, был выдающимся актером, музыкантом, певцом. Обладая прекрасным басом широкого диапазона и приятного тембра, он владел искусством многоголосного, так называемого горлового пения, производившего чарующее впечатление на слушателей. Этнограф и собиратель алтайских сказаний, наделенной феноменальной памятью (ему довольно было один раз послушать сказание, состоящее из нескольких тысяч стихов, чтобы запомнить его

от слова до слова), П. В. Кучияк внес большой вклад в дело изучения алтайского фольклора.

Кучияк умер рано, всего 46 лет от роду, но после него осталось довольно большое литературное наследство—драмы, рассказы, повести, стихи, много алтайских народных сказок и былин, записанных и обработанных им.

Коптелов знакомит широкую читательскую массу с талантливым сыном алтайского народа.

Строчка за строчкой, страница за страницей, глава за главой встает перед читателем незаурядный облик поэта, прошедшего не легкий, но яркий и поучительный жизненный путь.

Вот это малыш, спящий в холодной яме, дрожащий перед лицом двух жестоких врагов—мороза и злого духа. Вот это маленький упрямец, впервые проявивший свой характер, отказавшись отвечать на нелепые ритуальные вопросы при «посвящении» во взрослые. Вот это подросток, осознавший себя взрослым и без всяких посвящений, когда отчим выгнал его из юрты, когда впервые ему в голову пришла мысль—как бы «вырасти богатырем и установить такую жизнь, чтобы никто не смел обижать сирот».

Затем жизнь в пастухах у русского попа, крещение, школа алтайской духовной миссии. Женитьба. 1916 год. Мобилизация. Тыловые работы в белорусских лесах. Знакомство с русской культурой. Возвращение домой. Опять жизнь в глухой лесной долине, трудность отказа от старых верований и привычек. медленный путь к новой жизни.

В 1923 году Кучияк был секретарем комитета бедноты, а затем членом президиума сельсовета. В 1925 году он поступил в Коммунистический университет трудящихся Востока. Там началась его литературная деятельность поэмой «Арбачи» о тяжелой доле алтайской женщины. По окончании университета Павел Васильевич работал кочевым агитатором. Он не только проводил беседы и показывал кинофильмы,—он помогал организовывать колхозы, выселять баев, создавать пункты по ликвидации неграмотности, читальни и «Дома алтайки».

Одновременно с этой огромной работой Кучияк неустанно записывает и переводит на русский язык народные сказания.

В главе «Превращение в богатыря» Коптелов рассказывает о расцвете Кучияка—поэта: о создании им совместно с Таабы Юдаковым замечательной поэмы «Зажглась золотая заря». За поэмой последовали стихи, за стихами проза. Первые прозаические произведения на алтайском языке принадлежат Кучияку. Он писал «о славных деяниях народа. Он рассказывал о гражданской войне и о борьбе с предрассудками, о зарождении новых колхозов в горах Алтая и о постройке гидростанции на Чемале, о новом Чуйском тракте и о шоферах, которые водят по Алтаю своих «железных коней». Он пел о счастье народа, о солнце новой жизни».

Автор сопостовляет Кучияка с героем поэмы «Зажглась золотая заря»—охотником Анчи. «Он сам был тем охотником,—пишет Коптелов,—которому богатыри нашего времени указали путь в жизнь и помогли взойти на вершину современной культуры». Путь через века прошел Павел Кучияк вместе со всем алтайским народом за годы советской власти, тогда как в странах капитала, например, в Южной Африке и Америке, культурное развитие местных народов и племен в течение столетий не двинулось ни на шаг вперед.

Через все произведения «Путь через века» проходит основная его тема—тема дружбы народов нашей страны, помощи русского народа алтайцам.

Первые элементы культуры мальчик Ит-Кулак получает от дедушки Капшая, а дедушка приобрел их от русских: он носит русскую рубашку, умывается по утрам, сеет ячмень и пшеницу и живет в русской избе «заманчиво светлой, как весенние дни, по которым мальчик тосковал в долгие зимние вечера». Кучияк учится в русской школе, затем живет в Москве среди русских. Как писателя, Кучияка, по его словам, на ноги поставили бессмертные образцы русских классиков.

Коптелов показывает, что усвоение Кучияком русской культуры вовсе не

означает руссификации. Кучияк остается самобытным алтайским художником, питающимся из источника народного творчества. Этот богатейший источник широко использован в очерке.

Дед Кучуяка по матери—Шонкор (Сокол) и сестра деда Баргаа (она же бабка писателя по отцу) были известными алтайскими сказителями. Приемом контраста рисует Коптелов Шонкора: «Маленький, сгорбленный, щуплый старичок с черной козлиной бородкой, он не походил на сокола, но, когда начинал говорить о путях своего народа или в песне воплощать мечту поколений, это был сокол вольной мысли, взмывавший в высоту, чтобы оттуда ринуться на противника». Коптелов говорит о народном сказителе в приподнятом стиле героических былин: «Его герои скакали через моря и горы на своих крылатых конях, сражались с ханами и баями, угнетавшими трудовой народ, строили мосты через реки, летали на чудесной птице Кан-Кередэ, освобождали девушек, похищенных чудовищами, вели борьбу с самым злым богом Эрликом, подымались на небо и там зажигали новые звезды». Внук унаследовал талант деда. Много раз слышал Коптелов рассказы и песни Воробья («Кучияк» в переводе на русский язык—«Воробей») и со сцены и в тесном дружеском кругу, запоминал, записывал, переводил.

Вот едут Коптелов и Кучияк по горам, где-то в верховьях Маймы, остановились отдохнуть под кедром, и вид кедровых шишек напомнил Павлу Васильевичу шуточную сказку о том, как хитрая кедровка обманула медведя. Пробежал желтоватый зверёк с черными полосками от головы до хвоста—и вот уже готов рассказ о происхождении этих полосок—оказывается, это медведь бурундука «погладил». Тоскливо насвистывающая серая пташка «сестру ищет». Кто эта сестра и почему ее ищет пташка—хорошо известно поэту—«он давно научился понимать язык птиц и зверей, язык леса».

Вся биография Кучияка перемежается с алтайскими легендами и сказаниями, причем Коптелов берет истинно-народные произведения, передающие дух алтайского народа, его мужество и доблесть в борьбе против злых сил. Таковы, например, легенда про богатыря Сартакпая и сказка о храброй ласточке, принесшей людям огонь из под земли. Мы находим в очерке множество поверий, примет и поговорок, уходящих своими корнями в историю народа. О единственном страшном «праве» малых народов при царском строе—«праве постепенно вымирать» писал А. М. Горький. Коптелов рассказывает, как отразилось это «право» в народных поверьях. Будущую жену П. В. Кучияка, Анну Максимовну, сначала сватали за парня из сеока Юс, но отец отказал:

«Несчастный народ: их только сто человек могут жить. Сто первый родится—сразу могилу копают: все равно умрет». О бесправии женщины говорит поговорка: «Дерево там стоит, где выросло, баба там живет, куда выдана».

Коптелов рисует Кучияка, когда он слагает стихи в честь горы Адыган, и в этих стихах слышны отголоски старых молений горным духам:

«Адыган, Адыган! Родной мой Адыган!
Половина моей жизни прошла у тебя на подоле.
У тебя там никогда пусто не бывало:
Всегда—белка, рысь, козы...
Сколько тебе молений было!
Сколько тебе шаманы коней в жертву принесли!..»

Как и в «Снежном пике», Коптелов в очерке хорошо передает русскую речь алтайцев. Здесь он вводит только три не совсем обычных слова в речи Кучияка: это «ореки» вместо слова «орехи», излюбленное алтайцами русское слово «маленько» и сибирское «однако», но их умелое использование придает языку особый колорит:

«Кедры ночью шуметь **маленько** будут, запоют, как старики—кайчи, сказки свои расскажут...», говорит Кучияк, предвкушая прелесть ночевки в лесу. «Рано едем,—жалеет он.—Осенью кедры дали бы нам шишек со сладкими **ореками**. Прямо в костер уронили бы **ореки**»... «Нюра, мне плохо, я однако, умру»—говорит больной поэт жене.

Как и речь Ыната («Снежный пик»), речь Кучияка лаконична, образна, синтаксически несложна. Вот, например, описание созвездия Ориона:

«Три маралухи вышли. Собака к ним бежит. Видите, останавливает? А вон сам охотник показывается. Сейчас выстрелит. Вот, вот. Промах. Видите, куда пуля пошла? Вон-вон, красненькая...

Часты парные предложения с условной или причинно-следственной связью: «Ласточки все еще живут в моей избе: хорошо мне будет...», «... кочевать будешь, угли с собой бери», «Тяжело здесь жить: шуму много, даже голова болит...», «Там хорошо ночевать, — дров много», «А кедр тоже не любит кедровки — много кричит худая птица».

Полную законченность образу героя придает любовно нарисованный внешний портрет:

«Перед опущенным занавесом стоял алтаец в черной рубашке, перетянутой узеньким ремешком. Безусое и безбородое лицо его походило на задымленную бронзу, маленькие черные глаза поблескивали, как спелая черемуха на солнце. Пышные волосы взметнулись над широким лбом. В его стройной фигуре, в простоватой улыбке и задорном блеске глаз была юность, а в голосе и словах уже чувствовалась зрелость: его можно было принять и за двадцатипятилетнего и за сорокалетнего человека».

В очерке, кроме центрального героя, персонажей немного. Коптелов сумел несколькими штрихами нарисовать их очень выразительные портреты, выделить те стороны их характеров, которые помогают раскрытию характера главного лица. Это образы дедушки Шонкора и Каплая, жены Кучияка, трагический портрет безумного отца поэта, запутавшегося в паутине религиозных противоречий, образ лицемерного попа Василия.

Очерк о Кучияке — удачный опыт биографического жанра. Не отступая ни на шаг от фактического материала, не приписывая своему герою не свойственных ему мыслей и поступков, Коптелов создал художественное произведение, показал всесторонне жизнь героя, раскрыл его внутренний мир.

«Путь через века» — это не просто биография алтайского писателя П. В. Кучияка — это художественное изображение характерного для всего алтайского народа пути пройденного в течение двух — трех десятков лет.

С 1948 года Коптелов начал работать над большим романом о преобразовании природы в Сибири, который он назвал «Сад». Роман в первом варианте, был напечатан в «Сибирских огнях» в 1955 году. Сейчас роман дорабатывается для отдельного издания. Герои этого романа — русские. Но Коптелов не потерял связи с Горным Алтаем и его жителями.

В пятом номере «Сибирских огней» за 1953 год появился очерк Коптелова «Вести мира».

В нем автор рассказывает об одной из своих недавних поездок по Алтаю. Большие изменения произошли в жизни алтайцев за последние годы. Они давно уже сняли тяжелые шубы и надели русские пиджаки и нарядные платья. У них есть школы и клубы, кино и библиотеки. Есть свои учителя, агрономы, ученые, поэты. Есть радио, приносящее вести о жизни в родной стране и за рубежом. Сейчас это «вести радости, вести трудовых побед людей, отстаивающих мир», — пишет Коптелов. Заканчивает писатель свой очерк образом из алтайской сказки: «Вздохнул богатырь и от его могучего вздоха повалился лес в долине, посыпались камни с гор. Богатырь — олицетворение народа. Если народ вздохнет, то от грозного вздоха разрушатся горы преступных замыслов поджигателей войны».

Произведения Коптелова о Горном Алтае — самое ценное из того, что создал писатель. В алтайских произведениях он обнаружил глубокое и всестороннее знание изображаемого; успешно овладевая методом социалистического реализма, он нарисовал типические явления и типические характеры, показал всю сложность перестройки жизни Алтая после Великого Октября, роль русского народа и Коммунистической партии в этой перестройке.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

1. **Н. А. Баскаков** (Москва) Диалекты алтайского языка 3
2. **Т. М. Тощакова** (Горно-Алтайск) Послелоги в алтайском языке 19
3. **В. Н. Купреянова** (Новосибирск) Алтай в творчестве А. Контелова . . 51

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е. М. Тощакова (главный редактор)
П. Е. Тадыев, С. С. Суразаков, Н. А. Кучигашева.

Сдано в набор 6/V-56 г. Подписано к печати 7/VIII-56 г. п. л. 10,4. Учетно-изд. л. 10,0.
Формат 70×108 1/16. Цена 6 руб. Заказ № 573. АН 08831. Тираж 500 экз.

Цена 6 руб.